

охота

и охотничье хозяйство

3

2000

1. Осенью на некоторых мелководьях дельты Волги цветут пышные лотосы 2. Мелькают над водой и красуются на ветках похожие на драгоценные камни зимородки 3. Перелетают с плеса на плес лебеди 4. Богатства Астраханского заповедника охраняет один из егерей — Николай Кашин 5. Плавая по плесам и ерикам дельты, научные сотрудники заповедника изучают пернатых (на снимке взлетающая чеграва), 6. уникальную растительность (водяной орех-чилиим), влияние погоды и времени суток на растения и животных 7. Вечерняя заря над Волгой

Фото М. Глазова

В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Астраханская область занимает часть Прикаспийской низменности с Волго-Ахтубинской поймой и дельтой Волги. На востоке область граничит с Казахстаном, на западе с Калмыкией, а на юге с Волгоградской областью. Большую часть территории области занимает полупустыня и пустыня. Это место обитания степных антилоп-сайгаков, корсака, степного хоря, зайца и многих видов грызунов (суслики, песчанки). Из птиц для этих ландшафтов характерны журавль-красавка, дрофа, стрепет, многие виды хищных птиц.

Среди пустынных ландшафтов Прикаспийской низменности течет полноводная Волга, образуя в долине реки Волго-Ахтубинскую пойму, где развито земледелие. В 120 км от моря река распадается на множество рукавов, с бесчисленными островами и озерами. К западу и востоку от дельты волжская вода заполняет межбугровые понижения, образуя озерные районы, которые астраханцы называют ильменно-бугровыми, а озера — подстеп-

ными ильменями. Дельта Волги и подстепные ильмена основные места гнездования водоплавающих птиц, а в период весенних и осенних миграций служат им удобным местом остановок и жировок. Среди тростниковых зарослей дельты живут кабан и енотовидная собака, на островах обычна лисица и заяц-русак.

Особое место в охотничьих угодьях области принадлежит Северному Каспию. Это морское мелководье с зарослями тростника и косами, где любят останавливаться на пролете многие виды водоплавающих птиц.

В дельте Волги почти круглый год держится масса местных и пролетных птиц. Здесь проходят основные миграционные пути уток, гусей, казарок и лебедей, гнездящихся на северо-востоке России и в Западной Сибири. Поэтому уже в 1919 г. был организован Астраханский заповедник, призванный охранять природные богатства Волжской дельты, что спасло многих ее обитателей от полного истребления.

— Какую площадь занимают охотничьи угодья в Астраханской области и за кем они закреплены?

— В Астраханской области охотничьи угодья, кроме земель государственного фонда, закреплены за 10 охотпользователями. У областного общества охотников и рыболовов в пользовании находится около 1 млн 300 тыс. га угодий, а остальные в ведении юридических лиц, за которыми закреплено еще 950 тыс. га.

— Какие виды хозяйственной деятельности проводят охотпользователи?

— В настоящее время охотпользователи находятся в тяжелом положении из-за нехватки средств. Основное направление деятельности большинства хозяйств — охота на водоплавающую дичь, что в условиях дельты и низовьев Волги практически не требует зат-

**Наш корреспондент М. ГЛАЗОВ
взял интервью
у зам. нач-ка Управления
по охране, контролю
и регулированию
использования охотничьих
животных
Астраханской области
Анатолия Ивановича
СКВОРЦОВА**

рат на воспроизводство дичи. В прошлые годы проводились биотехнические мероприятия по устройству гнезд, но сейчас этим не занимаются.

Кроме охоты на водоплавающих птиц практикуется также охота на кабана. Поскольку в Астраханской области, теплые зимы, для поддержания его

численности не требуется подкормка. Кабан здесь рассредоточен, что затрудняет его добычу.

— Какие виды дичи становятся основными объектами добычи охотников?

— В первую очередь водоплавающая дичь, это основной объект охоты в дельте Волги, на Северном Каспии и в Волго-Ахтубинской пойме. Охота проводится на местную и пролетную дичь. За последние годы, в связи с подъемом уровня Каспия, сильно изменились угодья, пригодные для гнездования водоплавающих птиц в низовьях Волги. Богатые угодья на Северном Каспии практически потеряли свое значение как места гнездования и жировки птиц. Теперь больше птиц гнездится в северных култуках (узкий мелкий залив на Каспии), которые стали основными местами обитания многих видов водо-

плавающих. Это сильно осложнило охоту, поскольку многие охотники с большим трудом могут попадать в эти места в связи с их удаленностью.

Подъем уровня Каспия привел к изменению проточности в ильменях, где в летний период вода сильно нагревается, что приводит к потере кормовых угодий. Птица, которая здесь гнездится, после подъема на крыло откочевывает в другие, более кормные места. В период открытия сезона охоты численность многих водоплавающих в северных култуках резко снижается. Например, гусь до августа кормится на местах гнездовий, а затем откочевывает на Северный Каспий и концентрируется на косах, где его трудно добывать.

— Какова динамика водоплавающей дичи в Астраханской обл. за последние годы?

— Динамику водоплавающих птиц оценить довольно трудно, поскольку в низовьях Волги и Северном Каспии за последние годы произошли сильные изменения всей экологической обстановки. С определенностью можно сказать, что численность гнездящихся водоплавающих птиц за последние годы снизилась. Многие виды птиц стали гнездиться в Казахстане, где лучшие кормовые угодья. В Волго-Ахтубинской пойме были потеряны многие кормовые угодья в связи с сокращением площадей сельскохозяйственных культур (рис, рожь), что также привело к снижению численности гнездящихся здесь водоплавающих птиц.

— Введена ли в Астраханской области плата за охотпользование?

— В Астраханской обл. еще не введена плата за природопользование, хотя Закон принят. В соседней Калмыкии этот Закон введен в действие и установлены суммы, которые должен заплатить охотник до выезда на охоту. По этому Закону пользователь не только выдает разрешение на охоту, но он еще должен выписать лицензию. При этом не учтены многие юридические права

пользователя. Несет убытки и охотник, поскольку, еще не добыв дичь или пушнину, он должен за них заплатить. Ситуация складывается довольно абсурдная: механизм введения нового Закона не отработан. Проще было увеличить размер Госпошлины, которая выплачивается вместе с приемом взносов. Госпошлина — это право на охоту! А то получается, что людей, которые кормятся охотой, мы попросту обдираем. Почему-то обращают внимание на стоимость утки на базаре, но никто не подсчитал затрат самого охотника на снаряжение, патроны, транспорт и пр. Если это все подсчитать, то утки будут просто «золотые». Ведь в стоимость оружия, патронов уже внесена дополнительная стоимость. Надо разрабатывать другой механизм платы за природопользование. Например, размер Госпошлины за пользование животным миром может быть разным для каждого региона с учетом тех лимитов, которые выделяются на изъятие дичи. Получаете лимиты и вносите деньги, а исходя из этого, определяется и размер Госпошлины.

— Сколько охотинспекторов в Астраханской области?

— В инспекции работает 56 человек. Зарплата составляет 450 руб., а егеря получает 250 руб. Это, конечно, крайне низкие ставки при сегодняшнем уровне цен. Нет приказа о переводе службы на зарплату по Федеральной сетке. Нищенская оплата, плохая техническая оснащенность службы, отсутствие юридической защиты, в том числе по применению оружия при столкновении с хорошо вооруженными браконьерами, — все это сильно осложняет работу. Ведь большинство нарушителей имеют нарезное оружие, которое отсутствует у егерей.

— Велика ли плата за право охоты в Астраханской области?

— Для охоты в угодьях Федерально-го резервного фонда охотнику выдается разрешение, стоимость которого на

2,5 месяца 50 рублей. Совет общества охотников решает, какую плату брать с членов Общества и какую с приезжих охотников. В обществе охотников ежегодный взнос 120 руб. для членов общества, а для приезжих в 2—3 раза больше, что является компенсацией за вклад общества в создание инфраструктуры.

— Расскажите о сроках охоты в Астраханской области и нормах отстрела дичи?

— Сроки охоты практически не меняются. Охота на водоплавающую дичь открывается со второй субботы сентября и продолжается до 30 ноября. При выделении лимитов на отстрел существует проблема, которая связана с определением численности пролетной дичи. По многолетним учетам соотношение местной и пролетной дичи составляет один к двум. Исходя из этого соотношения и рассчитываются лимиты изъятия дичи. По моему мнению, учет местной дичи не должен быть привязан к численности пролетной дичи, которая сильно варьирует по годам. Необходимо централизованно определять численность пролетной дичи, а затем с учетом местных популяций определять квоты изъятия. Нельзя увязывать общие лимиты с численностью местной дичи, механически умножая численность местной дичи на два для определения лимитов изъятия. По каждой территории имеются свои лимиты, которые устанавливаются после экологической экспертизы. Принимается распоряжение главы Администрации по каждому виду и району области, с учетом естественного прироста дичи. В этом году добыча на территории государственного резервного фонда Астраханской области составляла в сентябре 10 голов водоплавающей дичи и не более двух лысух, а в октябре 20 голов за выезд и не более 5 лысух. Кроме того, для каждого пользователя устанавливаются свои лимиты добычи дичи, с учетом количества птиц в угодьях, а нормы добычи пользователь устанавливает по своему усмотрению.

— Какие еще виды спортивных охот характерны для Астраханской области?

— Кроме охоты на водоплавающую дичь существует охота на кабана. В наших условиях эта охота связана с рядом трудностей. Хотя численность кабана в низовьях Волги бывает высокой, но отстреливают зверя мало. До устойчивого ледостава кабаны держатся в очень труднодоступных местах, куда практически невозможно попасть, — это тростниковые крепи и острова. Периодически во время затопления Волго-Ахтубинской поймы погибает много молодняка, хотя в дельте обстановка для кабана нормальная. Здесь кабан в период половодья сосредотачивается в прирусловых участках.

В прошлом году выдали разрешение на 150 голов кабана, а добыли 42. В то же время численность кабана надо регулировать, чтобы не происходило массовой гибели зверей. Ведь при катастрофических паводках погибает до 95 % молодняка и годовалых зверей. Расчет лимитов изъятия должен строиться на данных учетов для каждого года и района с учетом особенностей его экологии в регионе.

Охота на кабана открывается во второй половине октября вместе с открытием охоты на пушного зверя. Кроме кабана, промысловым видом на степных участках считается заяц-русак. Этот вид спортивной охоты еще сохранился, как, впрочем, и на лисиц. Правда, число любителей этой охоты с каждым годом сокращается, что связано с удорожанием транспортных расходов.

— Существует ли в Астраханской области промысловая охота на пушных зверей?

— Промысловая охота на пушного зверя в Астраханской области практически заглохла из-за неустойчивости пушнины. Это привело к увеличению численности хищных зверей — корсака и степного хорька. Как следствие высокой плотности хищников стали возникать периодические вспышки чешотки и бешенства.

Правда, следует отметить, что данные о плотности этих видов относительно. Учеты зверей проводятся нерегулярно и на ограниченной территории, что связано с отсутствием горючего.

— Есть ли в Астраханской области волки и какова их численность?

По учету 1999 г. в области более 500 взрослых волков, а с учетом приплода это около 3500 зверей. Только в прошлом году было добыто 625 волков, а в этом году уже добыли 535 зверей. Причем большинство добываемых волков (около 80 %) составляет молодняк, который отлавливается на логовах. Отстрел взрослых зверей практически не проводится, поскольку для этого необходимы транспорт и специальная бригада для отстрела с вертолета. Средств на эти мероприятия нет.

— Что вы можете сказать о численности сайгака и перспективах охоты на эту антилопу?

— В последние годы численность сайгака заметно увеличилась. Стада сайгака заходят в Астраханскую область из Казахстана и регулярно встречаются в Ахтубинском, Харабалинском и Красноярском районах. Популяция, которая живет в Северном Казахстане и Астраханской области, в настоящее время составляет около 40 тыс. голов. Причем часть этой популяции уже размножается в пределах Астраханской области. Ежегодно проводится учет сайгаков. В 1998 г. с 28 февраля по 3 марта в Харабалинском и Красноярском районах на площади около 800 тыс. кв км, было учтено около 41 тыс. сайгаков. Особенно много сайгака кочует в Астраханскую область в период многоснежных зим в Казахстане. В эти годы на территории Астраханской области встречаются большие стада сайгака, которые составляют по 2000—2500 голов. В начале лета стада сайги также перемещаются на территорию Астраханской области, что связано с засухой в Казахстане и отсутствием в области выпаса овец. Упадок в сельском хозяйстве привел к замене

на пастбищах овец на сайгаков.

Поскольку сайгака стало много, область запрашивала разрешение на отстрел 2000 голов для промысловой охоты и 200 для спортивной, но такого разрешения мы не получили. В то же время сайгу отстреливают в Казахстане, оттесняя стада в пределы республики, а мы остаемся «с носом». В то время, когда наш ресурс используется соседями, вопрос о регуляции численности сайгака на территории области на государственном уровне не решается. Правда, его быстро могут решить браконьеры, но будет ли это хорошо для охотничьего хозяйства?

— Как вы видите перспективы развития охотхозяйства в Астраханской области?

— Для ведения и развития охотничьего хозяйства необходимо получать достоверную и оперативную информацию о динамике численности животных. Для этого учеты должны проводиться централизованно группой специалистов. Данные учетов, полученные от пользователей, не всегда верны. Охрана охотничьих ресурсов также должна быть единой. Пользователи должны только финансировать охранные мероприятия в области и сами находиться под контролем. В настоящее время на территории приписных хозяйств Инспекция выявляет до 70 % всех нарушений, а сами пользователи вскрывают всего 2 % нарушений.

Необходимо создавать централизованную, технически хорошо оснащенную службу охраны охотничье-промысловых ресурсов, которая будет заниматься и борьбой с волками. Следует сказать еще и о применении оружия в борьбе с браконьерами. Ведь этот вопрос до сих пор юридически не решен, что создает много сложностей. По нашему мнению, необходимо создавать новые органы Инспекции, которые будут централизованно проводить учеты, осуществлять охрану и управление ресурсами охотничье-промысловых животных.

Испокон браконьерства

В. ВИНОГРАДОВ

Прежде чем углубляться в это сложное социальное явление, необходимо дать определение понятию «браконьер». Слово это французского происхождения и означает: «человек, занимающийся недозволенной охотой, нарушитель закона об охоте». Юридически неверно любого нарушителя Правил охоты или рыболовства именовать словом «браконьер». Главным критерием, который отделяет мелкого нарушителя Правил от браконьера, а браконьера от злостного браконьера, служит тот урон, который этот человек причинил животному миру. Поэтому природоохранные организации при определении меры ответственности человека перед государством (животный мир — государственная собственность) исходят из федерального Закона о животном мире, Закона РФ об охране окружающей природной среды и пользуются либо Кодексом об административных правонарушениях (ст. 85), либо Уголовным Кодексом РФ (ст. 258).

На страже этой собственности стоят тысячи государственных инспекторов охотнадзора и рыбоохраны. До недавнего времени огромную помощь им оказывала еще большая армия общественных инспекторов, но в последние годы ее роль значительно снизилась. Причин много, но главная в том, что у «общественника» на сегодня не осталось никаких прав — одни лишь обязанности. Об эффективности силовой борьбы с браконьерством можно и нужно говорить. Мы постоянно слышим справедливые жалобы природоохранных органов на малочисленность штатных инспекторов, их недостаточную техническую оснащенность, тяжелые условия работы и низкие оклады. Все это прямо сказывается на количестве случаев браконьерства, а значит, и на наличии в лесах зверя, а в реках — рыбы. К примеру, низкие оклады не позволяют комплектовать штаты инспекторов из наиболее достойных местных жителей, и те, кто идет на такую тяжелую (и опасную!) работу, нередко сами запускают руку в государственный карман, точнее, в его лесные и подводные кладовые.

И все же представим себе на минуту, что все пожелания и требования Госохотнадзора и Главрыбвода выполнены. Будет ли с браконьерством покончено? Да нет, конечно. Увы, но с полной уверенностью можно сказать: это зло было, есть и будет. Вот тут мы и подходим к главному — к мотивам браконьерства, это явление побуждающим.

В принципе если иметь в виду злостное браконьерство, то это не что иное, как воровство. Человек, идущий на такое, прекрасно понимает, что пе-

реступает закон, и поэтому принимает меры, дабы не быть обнаруженным и пойманным. А что толкает человека на воровство? Самый расхожий ответ: голод и нищета.

В настоящее время для России, как это ни ужасно звучит в конце XX века, прокормиться стало насущной проблемой для десятков миллионов людей, находящихся за чертой бедности. Особенно актуально это для жителей глубинки, которые как раз и находятся ближе других к природе и ее обитателям. Наглядным примером «вынужденного» браконьерства может служить эпизод из жизни моего отца. Он возглавлял охотничью службу в Генеральном штабе ВС СССР, десятилетия был председателем охотколлектива, образовывал новые охотхозяйства и в вопросах выполнения правил охоты всегда был строг к себе и другим. Но когда у моей мамы открылся туберкулез, он в запрещенное время отстрелял двух барсучков и их жиром выходил больницу.

Действия оказавшихся сегодня в беде наших сограждан, приводящих по этой причине к нулю копытное стадо и рыбные запасы, не могут быть оправданы формально. Но понять их можно. В конце концов, именно государство оставило их и без работы, и без зарплаты, да и истина — «человек превыше всего» — остается верной во все времена. Однако эти здравые рассуждения порой служат лишь ширмой настоящим хищникам.

В жизни ведь как: есть нечего, пошел и поймал рыбку. Но на одной рыбке едва ли кто остановится. Вот и получается, что нет такого браконьера, который бы брал из природной кладовой ровно столько, сколько сможет съесть. Кто-то скажет, что ничего страшного: все равно, мол, не пропадет, кто-нибудь съест! Увы, не совсем так. Дело в том, что такой браконьер в лесу или на реке уже не кормилец, а дельце, и его теперь волнует только одно — прибыль. Поэтому астраханские и каспийские браконьеры часто оставляют только икру, а туши бесценных осетров бросают за борт, сибирские — стреляют медведей и берут только их желчь, а подмосковные «электрики» заканчивают очистку большинства малых рек от всего живого. Их не волнует, что, добыв электроудочкой мешок товарной рыбы, они уничтожили два мешка малька и молоди плюс убили те микроорганизмы, которыми могла бы кормиться случайно уцелевшая рыба. С этими двуголыми хищниками борьба должна быть самой беспощадной, постоянной и повсеместной. Вот мы и пришли ко второму фактору, лежащему в основе браконьерства, — жажде обогащения.

Но есть и другая основа у беззакония на природе. Она кроется в душе охотника, в душе человека, который

болен охотой. Такой человек берет ружье, идет в лес и лезет в горы не с голoduхи и не из жадности, его тянет туда неодолимая страсть. Что-то вроде наркотика, без которого он не может усидеть дома до осени, до дня открытия охотничьего сезона. К счастью, таких нарушителей немного и вред от них не велик. В малой степени, но этой бацилле подвержены практически все истинные охотники и рыболовы, особенно в юном и молодом возрасте. Я абсолютно уверен в том, что всякий из нас, кто давно охотится и рыбачит, нарушал Правила хотя бы раз. Кто-то и когда-то вместо трех крикашей взял за зорю четыре (не удержался, сдуплетил!), кто-то не смог остановиться (в жизни такого клева не было!) и наловил штук явно больше, чем положено. Или сплавляются по реке туристы и поймали одного-единственного лосося, аж на три кило весом. Поймали и съели. Браконьеры? По закону — да. Но пусть в таких браконьеров бросит камень тот, кто безгрешен...

Ну и какой же вывод следует из сказанного? Что: браконьерство бес смертно, как мафия? Я уверен, что, устранив главные социальные корни этого зла, с браконьерством на 95 % будет покончено. Ну а оставшиеся 5 % останутся за «наркоманами», от которых не застраховано никакое общество, никакая общественная система. Опыт организации охотничьего и рыболовного дела в большинстве стран Европы этот вывод наглядно подтверждает.

Но не только государство, его нормальное политическое и экономическое положение в состоянии резко снизить уровень браконьерства. Многие могут сделать и конкретные природоохранные организации, не дожидаясь глобальных перемен сверху. Например, искоренить практику отлова инспекторами случайных, выезжих нарушителей правил охоты и рыбалки и полного попустительства «своим», местным браконьерам, от которых ущерб природе в сотни раз больше. Переработать в соответствии с изменившейся ситуацией и выпустить новые Правила охоты и рыболовства, которые не менялись уже более 10 и 15 лет соответственно. Запретить свободную продажу электроудочек и других браконьерских снастей на том же Птичьем рынке в Москве. Отменить малоэффективные запреты и ограничения, заменив их, к примеру, дополнительными платными возможностями для охотников и рыболовов. И еще многое-многое другое, что им по силам и в чем эти организации разбираются лучше кого бы то ни было, они должны срочно осуществить. Момент критический. Пора начать действительную борьбу с браконьерством, пока осталось еще в России немного зверя и рыбы.

В ЗАЩИТУ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ

Уважаемая редакция журнала! Обращаюсь к вам военный пенсионер, мне 61 год. 29 сентября 1997 года по лицензии БА № 01693Б0 от 22 августа в магазине «Снарк» г. Нерюнгри купил комбинированное ружье «Север» 95М № 2947 калибра 22 WMR/20x76. В паспорте ружья 5,6 было зачеркнуто, а написано 22 WMR. Особого внимания я на это не обратил, так как 22 это и есть 5,6 мм, а продавец и лицензию заполнил на 5,6 мм.

Через два дня стал испытывать ружье, а оно не стреляет, а «плюется». Что такое 22 WMR, никто не знает, в том числе и разрешительная система. Нашел я этот калибр в «Революверах и пистолетах» А. Б. Шерна (Москва, Воениздат, 1990), стр. 412, поз. 11. Дальше больше. Оказывается, этот патрон у нас не сертифицирован и не выпускается. Завод-изготовитель (Ижевский механический) порекомендовал ружье сдать в магазин. А магазин, конечно же, отказался его принять.

Ехать до магазина 200 километров, из них 100 — таежных, лесовозных, запущенных. Ездил я туда два раза на своем автомобиле «Нива». Один раз покупать, другой — сдавать. Итого 800 километров. Лицензия в то время стоила 400 тыс. рублей и само ружье — 3 270 тыс. рублей. К ружью я за почти два года привык как к члену семьи, но как игрушка оно, сами понимаете, слишком дорого.

В конце концов в ноябре 1998 года я отправился в турпоездку Новосибирск — Москва — Ижевск с ружьем «Север». Патроны 22 WMR купил в Москве, в магазине «Кольчуга» — 150 штук, по 6 рублей за каждый. Патроны интересные, но их технических данных не знаю. Завил в Ижевске заказать сменные стволы под 5,6В/20х76, так как 22 WMR слишком дороги и очень мощные для белок и рябчиков. Цель-то приобретения ружья была для этого.

Заказ у меня приняли в декабре 1998 года с условием, что я пришлю лицензию на нарезное оружие. Лицензию оформил и выслал 19 марта 1999 года из Благовещенска, куда надо было ездить четырежды. Сначала сдать документы для оформления лицензии. Затем получать лицензию оформленную. После сдать лицензию заполненную для оформления разрешения. И наконец — получать разрешение. В один конец это — 250 рублей. Правда, принимают документы и по почте, но получать-то их надо самому или кого-то просить.

20 мая 1999 года получил уведомление с завода о замене стволов. Заметьте, не об изготовлении смежных, а о замене (!). Оказывается, 22WMR завод не имеет права продавать в России. Но как же такое ружье попало на продажу? Значит, или отдел сбыта что-то не доработал, или контролирующий орган прохлопал. А я-то здесь при чем? Я хочу иметь то, что я купил в магазине на совершенно законных основаниях, а также компенсацию за моральный и материальный ущерб. Насколько мне известно, каждый день неустранения заводского «греха» тянет за собой штрафные санкции — 1 % от стоимости купленной вещи. А «грех»-то тянется с самой отправки с завода. Выходит, что калибр в России не разрешен, а патроны, правда американские (22Winchester Magnum), имеются в продаже.

Вот уже третий промысловый сезон, как я обзавелся «Севером», а охочусь на белок и рябчиков и прочую живность с ТОЗ-34 12 калибра.

В. АНОШКИН
Амурская обл.

В ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ОХОТНИКА

Уважаемая редакция! К вам обращаюсь по просьбе группы охотников, ветеранов ВОВ, проживающих в г. Санкт-Петербурге.

Последние два года Комитет по охотничьему хозяйству Ленинградской области (председатель А. А. Кожаев) стал продавать лицензии на право охоты (утка, заяц и др. дичь) за полную стоимость, лишив нас, ветеранов войны, льгот, предусмотренных Федеральным законом о ветеранах. Мы обращались по этому вопросу и письменно, и устно к председателю Комитета и его сотрудникам. Ответ один: «Льгот ветеранам ВОВ при покупке лицензий на охоту не положено». При этом они ссылаются на Федеральный закон «О животном мире», в частности на ст. 49.

Не можем мы с этим согласиться, так как статья указывает на приоритетное пользование животным миром коренными малочисленными народами и этническими общностями. В этом законе есть статья 52, которая указывает на наличие льгот: «Льготы по платежам

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Конституция Российской Федерации, статья 2

для отдельных категорий пользователей животным миром устанавливаются органами законодательной власти РФ и субъектов РФ в пределах их компетенции».

Об этом говорил в одном из своих выступлений Председатель Центрального правления ассоциации «Росохотрыболовсоюз» А. А. Улитин: «...Правление отстояло свое право в налоговых органах бесплатно выдавать путевки на охоту инвалидам, участникам ВОВ и пенсионерам». Практика показывает, что в соседних областях (Вологодской, Новгородской, Псковской) для ветеранов ВОВ льготы при оплате путевок на охоту есть. Почему же чиновники Комитета по охотничьему хозяйству Ленинградской области нарушают закон и чинят произвол?

Нас в живых ветеранов ВОВ, тем более охотников, осталось единицы. Да в наши годы-то много с ружьем и не проходишь. Какой урон бюджету Комитета мы нанесем?

По поручению группы ветеранов ВОВ
И. Н. ФЕДОРОВ
Санкт-Петербург

Мне 83 года, я всю жизнь охочусь с лайками з.с.л., они у меня имеют Диплом I степени, а кобель — малую золотую медаль. Я занимался пушным промыслом, сдавал государству лосиное мясо.

Но с 1998—99 годов у нас охоту с лайками запретили, не выдают путевки на водоплавающую, боровую и болотную дичь. Охотовед объяснил нам, что существует постановление о запрещении охоты с лайками по Свердловской области, а разрешено только с легавыми. А у нас на два района ни одной легавой нет. Что же нам теперь с лайками делать?

А договор на пушнину у меня с 20—25 октября, это уже наст 70—80 сантиметров. Какая же собака будет хорошо бегать, если всю осень дома просидит? Ее ведь нужно подготовить. И вот мы, лаечники, теперь не имеем возможности выйти в поле.

Вы сами пишете, что лайка — это универсальная собака, и я горжусь и очень люблю их. В сезон 1998/99 года мои лайки просидели дома, а я же сам всю жизнь в лесу. Все лаечники возмущены таким постановлением, мы просто не знаем, что нам делать с нашими питомцами!

Я. КОШЕВ
Свердловская обл.

У кормушки

В. ЖИВОТЧЕНКО
Фото автора

Я живу неподалеку от Битцевского лесопарка и часто там гуляю. Мой обычный маршрут — по асфальтированной дорожке между кольцом 49 троллейбуса и родником. Проходя по нему, я обратил внимание на периодически возникающие небольшие скопления людей в стороне от дорожки в одном и том же месте. Я заметил, что и птиц здесь гораздо больше, чем на остальной части моего маршрута. Любопытство взяло верх. Я подошел к женщине с ребенком и увидел две стационарно оборудованные кормушки. Девочка как раз что-то засыпала в одну из них. Затем она отошла к матери, они сели на ствол поваленного дерева в сторонке и стали наблюдать. Я присоединился к ним. Кора на стволе была отполирована до блеска. Птицы, разлетевшиеся по близлежащим кустам при приближении девочки, не заставили себя ждать. Первыми вернулись синицы, большая и лазорев-

ка. Но их больше интересовали не кормовые столы, а подвешенные возле них на ниточках кусочки сала. За ними потянулись полевые вороны. Подскочил юркий поползень. Довольно много птиц держалось в окрестностях, хотя на самой кормушке я их не видел. Большой пестрый дятел лазил по стволу над кормушкой, а пищу под кормушкой, у самой земли. Стайка снегирей облюбовала дерево неподалеку.

Птицы не реагировали на неподвижно сидящих в стороне людей, но разлетались каждый раз при приближении новых посетителей. Но вот все люди, кроме меня, разошлись, а я продолжал наблюдать и снимать. Вдруг птицы снова разлетались. Новые посетители? Я оторвался от видоискателя и увидел двух тощих собак. Подбежав к кормушке, они ... тоже стали кормиться, что-то подбирая вокруг, а одна даже засунула морду в саму кормушку.

В.В.ДЕЖКИН - БИОЛОГ И ОХОТОВЕД

(к 70-летию со дня рождения)

Доктору биологических наук Вадиму Васильевичу Дежкину исполнилось 70 лет. Один из самых верных и постоянных авторов «Охоты и охотничьего хозяйства», биолог-охотовед высшей квалификации, он сделал выдающийся вклад в становление и развитие той науки, о которой Д. К. Соловьев в 1929 году сказал, что «за ней только недавно окончательно закрепился термин «охотоведение».

Охотоведение — наука молодая, детище XX столетия. Ее предмет, методы и задачи еще не получили четких и строгих определений. Может быть, и поэтому совсем не просто ответить на вопрос: кого из ученых мужей можно, а кого не следует причислять к разряду охотоведов.

Среди крупнейших охотоведов России были ученые с юридическим, лесоведческим, экономическим образованием... А многих кандидатов и докторов наук, получивших охотоведческое образование, скорее нужно считать зоологами-прикладниками, чем биологами-охотоведами.

Принадлежность В. В. Дежкина к охотоведам не вызывает ни малейшего сомнения. Наука «Охотоведение» состоит из 10 относительно самостоятельных научных дисциплин: Общее охотоведение, Биологические основы охотничьего хозяйства, Учет и оценка охотничье-промысловых ресурсов, Охотустройство, Организация и экономика охотничьего хозяйства, Биотехника, Техника охотничьего хозяйства, Охотничье собаководство, Товароведение охотничье-промысловой продукции, Охрана и рациональное использование охотничье-промысловых ресурсов (Гусев, 1973, 1974). Среди этих научных дисциплин почти нет оставшихся вне поля научных интересов В. В. Дежкина. Размах его исследовательской тематики всеобъемлющ, его интересовали и интересуют все слагаемые разносторонней охотоведческой мысли. В. В. Дежкина с полным правом можно назвать охотоведом-универсалом.

Широчайший круг научных интересов и, как следствие этого, уникальную эрудицию В. В. Дежкина кое-кто склонен объяснять его удачно сложившейся судьбой. Но ведь как сложится человеческая жизнь, от «судьбы» с ее ми-

стикой предопределенности никак не зависит. В. В. Дежкин сам сложил свою жизнь таким образом, что она предоставляла ему возможность выбора и смены многих и разных поприщ охотоведческой деятельности — в научно-исследовательских лабораториях, в охотустроительных экспедициях, в заповедниках, в структурах Центросоюза, на руководящих постах, на преподавательской работе. Но прежде чем рассказать о научной деятельности и достижениях юбиляра, мы познакомим читателя с его формуляром, или послужным списком.

В. В. Дежкин родился в Тамбове 4 марта 1930 года и, как и было предписано во времена не только бесплатного, но и обязательного среднего образования, учился в школе (сперва в Липецке, затем в эвакуации в Чимкенте (1941—1944) и снова в Липецке), которую и окончил в 1948 году. Тогда же он поступает в Московский Пушно-Меховой институт в Балашихе и в 1953 году заканчивает его охотоведческий (он назывался звероводно-охотоведческим) факультет, получив специальность биолога-оховеда.

Выпускники этого факультета МПМИ стремились во что бы то ни стало попасть в самые далекие и глухие края Советского Союза — на Крайний Север, Дальний Восток, на Камчатку и Сахалин, на забытые богом и людьми острова и, конечно, в государственные заповедники, где еще сохранялись последние клочки дикой и свободной природы.

В то время заповедники были, если можно так выразиться, неотъемлемой частью охотоведческого сознания. Заповедное дело и охотничье хозяйство помещались под одной «крышей» — в едином Главном управлении. Поэтому вполне закономерно, что первым местом работы В. В. Дежкина после института стал заповедник — на долгие 9 лет он утвердился в должности старшего научного сотрудника Воронежского заповедника.

В 1962 году В. В. Дежкин в Москве, где работает Главным охотоведом в охотустроительной экспедиции, а затем (1963—1968) в той же должности в структурах Центросоюза. В 1968 году возвращается на научную стезю: один год — старший научный сотрудник

В. В. Дежкин — один из самых достойных выпускников Московского Пушно-Мехового института

Центральной лаборатории охраны природы, следующие 28 лет — заведующий Отделом экономики, зав. Отделом заповедного дела, директор (1975—1980) Центральной лаборатории охотничьего хозяйства. С 1997 года (с 1992 по совместительству) — заведующий кафедрой Фундаментальной экологии Международного эколого-политологического университета.

Везде и всегда, на всех поприщах и постах В. В. Дежкин прежде всего оставался ученым-исследователем, и, зная об этом, уже из перечня занимаемых им должностей и названия организаций, где он работал, можно судить о главных составляющих его научных интересов.

В Воронежском заповеднике он выполнил серию исследований по экологии речного бобра, методике его отлова, передержке и транспортировке. Он принимал участие в расселении 950 бобров во многих регионах России.

Разработал план охраны и рационального использования популяций бобра в бассейне реки Дона. Логическим завершением «бобрового» этапа работ стал монографический очерк о бобрах бассейна реки Дона (в соавторстве с И. И. Барабаш-Никифоровым) и опубликование трех монографий (в соавторстве с В. Г. Сафоновым и Ю. В. Дьяковым).

В. В. Дежкина интересовали некоторые важные аспекты охотоведческой теории и практики: он изучал сущность биотехники и биотехнических приемов с позиций вещественно-энергетической экологии, он дал оценку роли охотничьих животных в природно-хозяйственных системах с учетом их эколого-экономических особенностей, разработал методику экономической оценки охотничьих животных, обобщил принципы и методы управления популяциями охотничьих зверей и птиц.

Большая работа проведена В. В. Дежкиным по изучению зарубежного опыта охотоведческих исследований и ведения охотничьего хозяйства. В продолжение долгих 30 лет с удивительным методическим постоянством он сотрудничал с реферативными журналами, подготовив несколько тысяч рефератов на экологические и охотоведческие темы. Они легли в основу фундаментальной сводки «Охота и охотничье хозяйство мира» (1983), а также регулярно печатались в «Охоте и охотничьем хозяйстве».

В последние годы он создал программу учебного курса по теоретическим основам биологического природопользования, а также три оригинальные программы — «Научные основы охраны и рационального использования диких животных», «Охрана живой природы и заповедное дело» и «Экологическая журналистика». По всем названным предметам он читает самостоятельные курсы лекций в Эколого-психологическом университете.

В. В. Дежкин знаком читателям и как активнейший пропагандист и популяризатор биологических, экологических и охотоведческих знаний. В 1961 году вышла его первая книга «Охотнику и рыболову Липецкой области». За ней последовали «Охота и охрана природы» (1972), «Под пологом леса» (1973, соавтор А. Калецкий), «Каланы возвращаются на берег» (1968, 1973, соавтор С. Марakov), «Профиль равновесия» (1972, 1977, соавтор Т. Фетисов), «Беседы об экологии» (1975, 1979, 1998), «Река и жизнь» (1976, соавтор В. Песков), «В мире заповедной природы» (1993). Подготовлена для печати книга «Легенды и были Усманского бора» (соавтор Ю. Лихацкий). В. В. Дежкин регулярно выступал в качестве автора, редактора и составителя охотничьих специальных изданий: «Охотничье хозяйство РСФСР» (1975), «Спортивная охота в СССР» (1975 и 1981), «Охота в России» (1992).

В кратком юбилейном приветствии не дано осветить все грани деятельности и достижений юбиляра, это дело

его будущих биографов. Но и то, о чем мы смогли рассказать, характеризует В. В. Дежкина как даровитого, широко и всесторонне образованного биолога-охотоведа.

В. В. Дежкину, как и многим другим выпускникам МПМИ начала пятидесятих, присущи очень симпатичные черты сознания, или, как модно говорить сейчас, менталитета. Он возглавлял коллективы ученых и преподавателей, но никогда не проталкивался к начальственным должностям. Он широко известен в природоохранительных кругах России и бывших республик Союза, но нигде и никогда не подогревал интереса к своей персоне. В отличие от некоторых отморозков от науки, он не выкапчивал звания, ученые степени, рецензии, юбилейные статьи... Всему, чего ему удалось достичь, он обязан прежде всего самому себе, своим незаурядным данным, своей порядочности и высокому чувству долга, организованности и работоспособности.

В его активе около 350 научных, научно-публицистических и научно-популярных работ и в том числе 20 книг и брошюр. В нашем журнале он начал печататься в 1957 году, опубликовав более 60 очень содержательных статей.

В свои 70 лет он остается феноменально трудолюбивым человеком.

В прошлом году средства массовой информации проводили акцию «персона века». Были названы 10 самых выдающихся отечественных и зарубежных писателей, 10 ученых, 10 спортсменов... Сознывая некоторую условность подобных «названий», мы тем не менее едва ли не раньше всех других ввели соответствующие рубрики. Уже в первом номере журнала за 1999 год в рубрике «На большаке охотничьей ли-

тературы: XX век», мы начали рассказ о крупнейших охотничьих писателях столетия. В рубрике «Выдающиеся отечественные охотоведы: XX век» мы пока успели написать о П. А. Мантайфеле и Б. М. Житкове.

Составленный мной и неоднократно публиковавшийся список самых заметных персон в области охотоведения более или менее общепризнан: Сабанеев, Силантьев, Соловьев, Бутурлин, Доппельмайр, Генерозов, Мантайфель, Житков, Перелешин, Данилов. Однако назвать имена наиболее distinguished охотоведов второй половины века не так-то просто. Но я уверен, что среди особенно почитаемых охотоведов второй половины нашего века имя В. В. Дежкина представляется бесспорным.

Незабвенный Московский Пушномеховой институт, наша родная Альма-Матер, если бы ее не загубили так бездарно и подло, могла бы гордиться охотоведом В. В. Дежкиным — одним из своих самых достойных питомцев.

Мы задали В. В. Дежкину несколько вопросов, и он любезно согласился на них ответить.

О. ГУСЕВ

— Вадим Васильевич, что значит для Вас охота? Какое содержание Вы вкладываете в это понятие? Готовы ли Вы и сейчас, в свои 70 лет, идти как некогда пешком по весенней распутице 25 километров, чтобы добраться до заветных охотничьих урочищ?

— Охота — прирожденная страсть, очень сильно выраженная в молодости, но у большинства людей ослабевающая и затухающая с возрастом. Генетически принадлежность к охотникам, по-видимому, предопределяет наличие

В. Дежкин на учебной практике в Лосинке, 1949 г.

Конец 60-х, Кировская область. Только протопав 25 километров на своих двоих, можно было добраться до заветных угодий

среди отдаленных предков «хищных приматов», которые не отказывали себе в удовольствии пополнить растительный рацион солидными мясными добавками. Антиохотники — потомки чисто растительноядных обезьян. В характере и силе проявления охотничьего инстинкта также имеет несомненное значение обстановка, в которой растет человек, окружающие его люди и природа.

Прежде я принимал на веру расхожую «коммунистическую» аксиому: истинный охотник не может быть плохим человеком. Жизнь и наглядные примеры (Троцкий, Ленин, Геринг, галерея «завидовцев» и некоторые наши «добрые знакомые») серьезно пошатнули эту веру. Пропорция сволочей среди охотников ничуть не меньше, чем среди «обычных людей». Просто порядочный охотник обладает некоторыми несомненными нравственными достоинствами и преимуществами и способен вступать с Природой в доверительные бескорыстные отношения.

Во второй половине жизни, когда эмоциональные мотивы занятия охотой ослабевают, у некоторых (не у всех!) людей все сильнее дают о себе знать корыстные побуждения, жажда добычи, стремление доминировать над бес-

словесными тварями. Особенно ярко эта тенденция выражена у людей-хищников, среди которых, кстати, и встречаются наиболее умелые и целеустремленные охотники. Впрочем, есть и исключения, охотник — существо многогранное, сложное...

Отвратительнее всего — бывшие охотники, «раскаившиеся» и «разоблачающие» бывших собратьев по увлечению. Как я могу, писал по этому поводу великий англичанин Д. Голсуорси, обличать кого-либо за страсть, некогда полностью владевшую мной...

— Ваше мнение, что случилось с нашим охотоведением и охотничьим хозяйством в конце XX столетия? Почему оно оказалось «в обвале»?

— В конце XX века в России охота оказалась в катастрофическом положении, что отражает и состояние экономики, и положение в природопользовании, и уровень государственного и общественного восприятия охоты, и общую низкую культуру общества. Из охотоведения продуктивные умы почти исчезли, в руководстве охотничьим хозяйством преобладали бездары и непрофессионалы, кстати, почему-то обычно ветеринары и лесоводы. Печальный феномен: романтические охо-

товеды не могут быть умелыми руководителями в современном хаосе... Состояние охоты во многих развитых странах мира, и прежде всего — в США, свидетельствует об огромном потенциале отрасли, существующей в нормальных социально-экономических условиях.

— Ваше отношение к Постановлению Правительства от 3 февраля 1999 года (№ 138) о введении платы за один день охоты чуть ли не на все виды охотничьих зверей и птиц?

— Проблема платности природопользования и охоты в частности — многогранна и не может быть решена шаблонно, так, как это сделал Департамент, протолкнувший совершенно экономически безграмотную и социально несправедливую систему «обдирания» охотников. Главное — биосферная и социальная роль охотничьих животных многообразна, в них заинтересовано все общество, относить затраты на поддержание популяций этих животных только на охотников — безнравственно. К решению проблемы следует подойти дифференцированно, в зависимости от вида и численности животных, приносимого ими эколого-экономического результата, благосостояния охотников и т. д.

— Ваше отношение к деятельности Департамента охоты Минсельхозпрода, разрушающего давно сложившуюся систему закрепления охотничьих угодий за общественными объединениями охотников? К чему, на Ваш взгляд, может привести насильственное расширение беспризорных, никому не принадлежащих угодий?

— Главохота (Департамент) длительное время была уважаемой, высоко профессиональной организацией, отвечающей за состояние охотничьего хозяйства на территории всей Российской Федерации. Деградирует она начиная с 1961 года, когда по ее традиционным занятиям был нанесен смертельный удар, связанный с передачей ей значительных производственных функций (система госпромхозов). Это отвлекло Главохоту от охраны и воспроизводства охотничьих ресурсов, погрузило в заботы о выполнении ведомственных планов заготовок пушнины и мяса (и получении премий) и посорило с традиционными охотпользователями. Главохота пользовалась недобросовестными приемами, нарушала профессиональную этику и отвыквала для госпромхозов и т. н. «производственных участков» непропорционально большую долю ресурсов, злоупотребляла распределением лицензий.

Впрочем, эта разрушительная тенденция появилась на горизонте еще в 1957 году, когда в системе Главохоты были созданы государственные лесохозяйственные хозяйства. Они предназначались для разработки научных принципов и методов совместного ведения охотничьего и лесного хозяйства, а на деле выступили в качестве сугубо привилегированных структур, обрабатыва-

ющих «взаимодействие» с высоким местным и московским руководством. Это развратило систему, сместило ее нравственные ориентиры, вызвало к жизни появление деятелей, лишенных профессиональной чести.

После выхода на пенсию и ухода из жизни таких крупных специалистов-охотоведов (и отзывчивых людей), как Л. С. Кондратьева, Н. Ф. Круторов, Д. И. Плотников и др., их полноценного замещения не произошло. Многолетнее правление Голованова препятствовало появлению в Департаменте высококвалифицированных специалистов.

— Что нужно предпринять, чтобы выбраться из-под обвала?

— Взгляды на современное состояние охотничьего хозяйства России и на его перспективы в XXI веке изложены в моих последних публикациях в журнале. Добавлю только, что условий для разработки общегосударственной концепции ведения охотничьего хозяйства и принятия удовлетворительного Закона об охоте сейчас, по моему мнению, нет. Доминируют ведомственные подходы. Возможны хорошие, но временные решения в отдельных субъектах федерации, где имеются грамотные и благожелательные главы администра-

ции, руководители охотуправлений и обществ охотников (все — единомышленники). Выход «Из-под обвала» происходит через упорядочение прав на природные ресурсы, через общую нормализацию экономики страны.

Мы благодарим Вас, Вадим Васильевич, за Ваши ответы, за плодотворное сотрудничество с нашей редакцией. В год славного юбилея мы желаем сохранить Вашу завидную работоспособность и ждем от Вас новых книг и статей для нашего журнала.

Всего Вам самого светлого и доброго.

Дорогие друзья!

Не за горами начало подписной кампании на журнал «Охота и охотничье хозяйство» на 2-е полугодие 2000 года. В розницу журнал не поступает, стать его обладателем можно, только подписавшись на него.

«Охота и охотничье хозяйство» — едва ли единственное издание, последовательно отстаивающее принципы культурной, организованной охоты.

Право общественности на пользование охотничьими угодьями нужно защищать твердо и бескомпромиссно. Угодья, захваченные денежными мешками и прочими дельцами от охоты, станут совершенно недоступными для рядового охотника.

Вот почему в усилении влияния журнала, в его повсеместном распространении заинтересованы все честные охотники, и прежде всего общества охотников.

Ни один охотничий коллектив, ни один егерь, ни одно общество охотников не должны остаться без журнала.

Организуйте подписку на журнал — во всех областных, краевых и районных обществах охотников. Премируйте лучших охотников подпиской на журнал. Обеспечивайте журналom егеров в охотничьих хозяйствах.

Мы не должны допустить дальнейшего разрушения и уничтожения охотничьих общественных объединений.

Наш подписной индекс 70673 по каталогу Роспечати.

Положение о конкурсе на лучший текст и музыку Гимна охотника и рыболова Ассоциации «Росохотрыболовсоюз»

1. Конкурс объявляется в соответствии с Уставом Ассоциации «Росохотрыболовсоюз». В Конкурсе могут принимать участие все желающие.

2. Поощрительный фонд для награждения победителей Конкурса на лучшие слова и музыку Гимна охотника и рыболова составляет 25 тысяч рублей.

3. Срок подачи предложений на Конкурс до 1 мая 2000 г.

4. Текст и ноты Гимна охотника и рыболова участники присылают в конкурсную комиссию по адресу: 125212, Москва, Головинское шоссе, 1а, Центральное правление Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» с пометкой «На конкурс Гимна».

5. Итоги Конкурса подводятся до 20 мая 2000 года.

**Председатель Центрального правления
А. А. УЛИТИН**

Фото М. Седова

С фотоаппаратом в мире птиц

Э. ГОЛОВАНОВА,
кандидат биологических наук

Фото автора

Эмилия Николаевна Голованова окончила биологический факультет Ленинградского государственного университета в 1951 г. и работала во Всесоюзном институте защиты растений.

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, увлеченный орнитолог и фотограф-анималист, она удачно сочетала профессиональную деятельность и страсть к фотографии в природе.

Как сотруднику института защиты растений, Эмилии Николаевне приходилось разрабатывать и методы борьбы с массовыми видами птиц, повреждающих сады и посевы, и методы защиты полей от насекомых с помощью птиц. Работа открывала большие возможности для поездок в отдаленные уголки СССР, но часто привязывала орнитолога не к самым интересным местам. Поэтому, когда кончалась дальняя командировка и начинался отпуск, Эмилия Николаевна не возвращалась домой, а перебиралась в близлежащий заповедник или лесохозяйственное хозяйство. Здесь уже ничто не сдерживало ее страсти к фотографии. Даже рож-

дение ребенка не заставило орнитолога отказаться от экспедиции. Село, рядом с которым проходил полевой сезон 1953 года, записано в паспорте сына (пишущего эти строки) как место его рождения. Поначалу на воспитание ребенка не хватало времени, но только до тех пор, пока мальчик не подрос и не стал спутником в дальних поездках.

Эмилии Николаевне приходилось путешествовать без машины, рассчитывая на себя. Ее дорожный набор состоял из рюкзака, в котором лежали 2 фотоаппарата, лампы-вспышки с батареями «Молния», штатив, съемочные палатки, пленки. Все остальное, что обычно берут с собой путешественники, ей было просто не увезти. Однажды на вокзале работник камеры хранения охнул от неожиданности и чуть не уронил рюкзак, приняв его из рук женщины. С тех пор Эмилия Николаевна осторожно и с опаской передавала свой груз в руки мужчин.

В поездках у Эмилии Николаевны появилось много друзей. Ей помогали работники совхозов, заповедников, лесных

и охотничьих хозяйств. Когда у Эмилии Николаевны выходила новая книга, ей приходилось закупать ее в большом количестве. Авторских экземпляров не хватало, чтобы разослать всем друзьям и помощникам из разных уголков СССР.

Вот некоторые из ее научно-популярных книг: «Птицы и сельское хозяйство», «Мир птиц», «С фотоаппаратом за синей птицей», «Птицы над полями», «Птицы возле дома». Ряд книг написан в соавторстве с орнитологами Ю. Б. Пукинским, А. С. Мальчевским и другими. Научные статьи Эмилии Николаевны хорошо известны специалистам.

Эмилия Николаевна ушла из жизни 21 сентября 1999 года. Последняя книга — «Муки радости фотографа-анималиста» пока осталась не изданной.

Если жизнь после жизни действительно продолжается, я знаю, где найти эту беспокойную душу. Нужно ранней весной выбраться из города, отойти от дороги, закрыть глаза и прислушаться.

Пусть птицы вечно поют над Землей.

Алексей НИКАНОРОВ

Большой веретенник на гнезде, устроенном на кочке среди заливного луга

По ровной твердой почве степи кречетка бегает, как по асфальту

Фотографирование птиц — искусство или ремесло, тяжкий труд или развлечение?

По-моему, нет занятия более увлекательного, захватывающего, азартного, но и трудного, чем фотографирование птиц. Здесь соединяются в одно и умение обращаться с довольно сложной техникой, и знание биологии, и художественное восприятие мира. Со мной, правда, не все соглашаются, но я считаю, что фотоснимок сродни картине. В нем отражается и то, что видит, и то, что чувствует фотограф. На снимке, благодаря выбору определенной позы птицы, поворота ее головы, выражения глаз, проявляется отношение к ней фотографа. Это может быть любовь, или удивление, или простая констатация факта, а случается, иногда и бессердечие. Последнее особенно заметно, когда снимают животное раненое, сидящее в капкане или незаметно привязанное за лапку ниточкой. Бывают такие случаи, но они, равно как и любая подделка, не заслуживают ни доброго слова, ни внимания.

Что нужно для съемки диких, свободных птиц в природе? Хорошая камера, телеобъектив, качественная пленка? Конечно, без этого, а также без штатива и лампы-вспышки трудно обойтись. Кроме того, с каждым годом появляются все новые технические приспособления, облегчающие труд фотографа. И все-таки успех решает не качество аппаратуры. Насколько приобретенные снаряжения далеко не всегда зависят от самого любителя, настолько результат работы в его руках. С определенностью можно утверждать, что если кто-то плохо снимает, то это не потому, что у него нет новейшей импортной оптики или редчайшей пленки, а потому, что у него не хватает усердия, терпения, выдержки, знания и понимания своего объекта, а главное — любви к нему.

Я снимала птиц много лет. Меня часто спрашивали, как я это делаю, какие использую камеры, объективы, методы. И редко кто интересуется, зачем мне все это нужно. А как раз цель, с которой производят съемки, и опре-

деляет подход к процессу фотографии. Сколько я себя помню, меня всегда интересовало поведение животных. Наблюдения за птицами из укрытия я вела еще в ту пору, когда не имела фотоаппарата. Было только желание увидеть любимые с детства существа в их родном доме — в природе. Много позже, когда появились и камеры, и телеобъектив, и снимки, все-таки главным оставалось непреодолимое желание наблюдать. Только смотреть я стала чаще через объектив. Но нередко бывало так, что полюбоваться и поудивляться на какую-нибудь птицу удавалось, а снять — нет. И, как правило, это случалось с особенно интересными и осторожными видами. Но огорчение от фотографических неудач обычно стиралось радостью увиденного. Приведу один из таких многочисленных примеров.

Закон бутерброда, когда хлеб, как известно, падает маслом вниз, мне кажется, сохраняется и в фотографии. В то время, когда происходит самое интересное и неповторимое, ты либо перезаряжаешь пленку, либо еще не вынул аппаратуру из чехлов. Особенно часто это случается при съемке тех событий, срок наступления которых трудно предугадать невозможно. Так было на дупелином току. С ночи я забралась в засидку, только что установленную на сыром лугу. Вокруг стояли, казалось, все живущие здесь дупеля. Наперебой они торопились произнести свою странную песенку. Начиналась она чуть слышно жужжанием, а кончалась как бы звоном надтреснутого хрустального колокольчика. Самих птиц не было видно, только изредка в темноте мелькали белые распущенные хвостики. Не доставая камеры из рюкзака, я тихо сидела и ждала рассвета. Наконец стало настолько светло, что появилась возможность снимать. Но к этому времени, как назло, дупеля вдруг исчезли. Их не стало нигде ни видно, ни слышно. Я уже собралась уходить, но вдруг из одной смотровой щели палатки заметила, что с тыла ко мне бежит, пригибаясь к земле и прячась в траве, небольшая серая птица.

А в это время на высокой кочке перед самой палаткой откуда ни возьмись появился и встал очаровательный куличок дупель. Через несколько секунд он начал токовать. В такт своей удивительной песне самец втягивал голову в плечи, взмахивал крылышками, обнажая их полосатую изнанку, и на миг распускал веером короткий хвостик. На мгновение на кочке как бы вспыхивал болотный огонек. Нечего говорить, с какой лихорадочной поспешностью стала я распаковывать рюкзак, вытаскивать из полиэтиленовых мешков и чехлов телеобъектив и камеру. А дупель еще раз выкрикнул в туманный воздух свою волшебную песенку, сверкнул спрятанным под невзрачной одеждой ослепительным пером и, побежав как мышь в траве, исчез.

Так что же такое фотографирование птиц в природе — развлечение или работа? На это ответить непросто. Во всяком случае, у меня на съемку птиц уходили все выходные и праздничные дни, отпуска, свободные часы в экспедициях; туда же шла и значительная часть зарплаты. Могу сказать с уверенностью, что, томясь от жары или холода, терпя всяческие неудобства и лишения, никто из фотографов не задумывается о том, сколько ему заплатят за снимок. Ну кто бы взялся за деньги выполнять такую работу? Нет, конечно, может быть, и взялся бы, но только за очень высокое вознаграждение. Впрочем, и фотографы-любители получают эту награду сполна, только не в рублях, а в радости созерцания, в счастье общения с природой, в удовольствии от достижения заветной цели. А случайный заработок в деньгах у них в основном тратится на фотоматериалы и дорожные расходы.

А сколько приключений приходится пережить в безудержной погоне за кадром! Оговорюсь, что я принадлежу к числу фотографов, которые снимают только из укрытий, то есть не гоняясь за намеченным объектом с фотоаппаратом, не ищут случайной встречи в пути, а, затаившись, ждут, когда предмет их вождения подойдет или подлетит к ним сам. При такой методике, если

удачно выбраны место, время и ситуация, появляется возможность видеть дикую птицу в нескольких метрах от себя довольно продолжительное время. При этом она держится естественно и непринужденно, занимаясь своими делами и не подозревая о том, что совсем близко скрывается человек. А он с колотящимся сердцем, весь поглощенный этой встречей, наблюдает через объектив и выжидает момент, когда лучше нажать на спуск затвора, замораживает от страха, что все видение вдруг исчезнет. Большинство фотографов-анималистов прошли стадию развития через охоту, как бабочка выводится из куколки. Ну а превратившись в фотографа, оставаться охотником почти невозможно, за исключением, конечно, тех, кто снимает подранков. Охота на птицу отнюдь не заготовка мяса. Это единение с природой и состязание с пернатыми в ловкости, зоркости, хитрости. А когда ты сумел добыть того, что перед тобой засидкой токует десяток тетеревов, причем на расстоянии выстрела, и ты все это можешь снимать, стрелять становится не только неловко, но и неинтересно — все равно что убить курицу во дворе.

Однако далеко не все охотники превращаются в фотографов. Благородным охотничьим спортом увлекаются миллионы, а снимают птиц даже не тысячи, а только сотни людей. Им-то и приходится иметь дело с сильно напуганными существами. Фотографам-анималистам больше, чем кому-нибудь, приходится расплачиваться за то, что вид человека вызывает ужас у большинства диких животных. Как объяснить маленькой птичке зарянке или жаворонку, что ты хочешь сделать только портрет на память. К примеру, в Италии многие наши певчие птицы становятся объектом охоты и отлавливаются во время пролета к местам зимовки. А уж что говорить о крупных видах, например гусях, которых стреляют всюду — и на гнездовьях, и на зимовках, и на всех отрезках пути между ними.

Долго я предавалась мечтам о том, чтобы замаскироваться под какое-нибудь домашнее животное и иметь возможность в таком виде подходить к разгуливающим по полю птицам. Всегда с завистью приходится смотреть на коров, лошадей или овец, которыми не только скворцы, сороки или маймы, но даже некоторые цапли садятся прямо на спину. И уж совсем обидно, когда собака, которая не так уж безопасна для пернатых, заставляет их взлетать с расстояния всего двух-трех метров — вполне достаточного для того, чтобы получить хороший снимок. Но в собачью шкуру влезть невозможно, да и бегать надо на четвереньках. В литературе есть сведения (мои наблюдения подтверждают то же), что дикие животные отличают человека от себе подобных по вертикальному положению туловища при ходьбе. Правда, скорее всего, это не единственный признак, по

которому они ориентируются. Не думаю, что если бы овца или корова пошла по полю на задних ногах, то птицы и звери их бы испугались. По-видимому, у диких животных существует множество примет, по которым они узнают своего врага. Некоторые птицы способны различать среди других даже конкретного человека, который им особенно чем-нибудь насолил. После того, как я трижды подходила к гнезду ласточек, устроенному над окном, и на короткое время брала в руки птенцов для взвешивания, взрослые птицы меня запомнили. Они налетали с криками и почти касались головы своего обидчика, не только когда я приближалась к гнезду (там они нападали на всех), но и просто на улице. Узнавали они меня по красной кофте, а также по каким-то другим признакам. Во всяком случае, если я надевала поверх кофты куртку, касатки меня не преследовали. Но среди других людей в красных рубашках птицы выделяли меня четко.

Чтобы иметь возможность на достаточно короткое расстояние подойти к диким птицам, которые уже не в одном поколении имели печальный опыт общения с человеком, нужно иметь очень совершенную маскировку. Однако в открытых местах может не помочь и это. Есть один выход — стать предметом неподвижным и неодушевленным. Старинные фотографии, у которых была очень громоздкая и, по нашим теперешним понятиям, довольно примитивная аппаратура, умудрялись получать превосходные снимки, достигая высокого искусства маскировки укрытий. Они сооружали их в виде пня или лежащей на земле овцы и тому подобное. Но оказалось, что такая тщательная маскировка неподвижного предмета практически не нужна. Современные фотографии, имеющие телеобъективы, чаще всего прибегают к помощи разнообразных засидок, сделанных из плотной материи, точнее, палаток, натянутых на каркас или просто подвешенных к веткам деревьев.

Легче всего устанавливали съемочную палатку в лесу. Там и трава, и окружающие деревья сами создают дополнительную маскировку. Я думаю, что животные не отличат большого пня или валежины от окрашенной в сходный цвет палатки. В горах, где нет леса или кустарников, плотно натянутая палатка может быть принята птицами за камень и тоже не вызовет подозрений. На открытых берегах озер и морей засидку чаще всего делают из материала, который не колыхнется даже при сильном ветре.

Разумеется, что во всех случаях самым удобным и надежным для фотографа служит укрытие, сооруженное из дерева, пластика или другого твердого и устойчивого как к ветру, так и к дождю материала. Но такими разборными или прочно сколачиваемыми домиками пользуются в основном те зоологи, которые работают на стационаре или, имея хороший транспорт и штат

помощников, путешествуют в местах, где есть дороги. Подобных счастливых не так уж много. Основная масса фотографов-любителей, к числу которых принадлежу и я, скитается по нашей огромной стране с рюкзаком, в который реально уложить кроме фотоаппарата только небольшую палатку из тонкой материи, что я и делала. Правда, иногда мне случалось приспособлять для скрадка и более комфортабельные сооружения, добытые на местах. Так, в один из летних сезонов в Казахстане прекрасным укрытием мне служила новенькая, еще не установленная на место туалетная кабинка. Егерь мне разрешил и помог отвезти ее к маленькому, не посещаемому людьми озерцу. Все сооружение было положено плашмя у кромки берега так, что дырка стульчика служила хорошим отверстием для объектива. Неподвижный ящик из досок не вызывал недоверия у птиц. Стоило мне скрыться в таком «туалете», как из тростника выплывал выводок огарей, а прямо перед носом на берегу появлялась пара сорок, торопящихся поскорее подобрать выложенное для уток зерно. В другой раз мне представилась возможность фотографировать очень осторожных соколов-балобанов из поставленного неподалеку от гнезда старого объемистого низкого шкафа. К появлению такого сооружения соколы отнеслись очень спокойно.

Что же интереснее всего фотографировать в жизни птиц? На этот счет у разных зоологов существует разное мнение. Мне представляется наиболее интересным и богатым событиями период гнездования. Ведь каждый вид и даже каждая особь имеют свои особенные привычки и характерное поведение при выращивании потомства. Глазам человека здесь могут открыться поразительные тайны и удивительные тонкости птичьей жизни. Невозможно отказать от того, чтобы к ним не прикоснуться. Но как сделать так, чтобы не повредить хозяевам гнезд и их потомству? Ведь во время выращивания птенцов племя пернатых, многие из представителей которых чувствуют себя особенно уверенно в небе, становится со всевозможными опасностями, ожидающими их на земле. А ко всему этому добавляется еще фотограф со своими телеобъективами, палатками и лампами-вспышками. Надо помнить, что фотографирование у гнезд есть не что иное, как игра на родине чувств. Птица, которая при других обстоятельствах не приблизилась бы к человеку и на выстрел, на гнезде иногда позволяет взять себя в руки. Сфотографировать самку, насиживающую кладку, можно, подойдя к ней почти вплотную. Но только что это будет за снимок? Затаившаяся, вдавившаяся в дно гнезда наседка с глазами, полными ужаса. Кому нужен такой снимок? Разве что коллекционеру, который старается любой ценой зафиксировать на пленке как можно больше видов.

Надо помнить, что родительская самоотверженность птиц небезгранична. Когда опасность становится слишком велика и надежда спасти кладку или птенцов исчезает, взрослые птицы бросают свое потомство. Особенно часто это случается в начале насиживания яиц. Поэтому съемка птиц в природе не всегда так безобидна для них, как принято считать в тех случаях, когда охота с фотоаппаратом протиповолевается охоте с ружьем. Если пренебречь интересами пернатых, то при фотографировании можно погубить молодое поколение определенной семьи и все равно хорошего снимка не получишь. Поэтому человек, который не обладает ни терпением, ни любовью к животным, не станет и фотографом-анималистом. Располагая же названными качествами, можно достичь многого.

Поскольку птица всеми силами стремится сохранить свое гнездо, у фотографа есть возможность постепенно приучить ее к различным пугающим элементам съемки. Появление неподалеку от гнезда скрадка серьезно беспокоит только жителей открытых пространств и то в тех случаях, когда не соблюдена надлежащая маскировка. Труднее приспособляются птицы к остальным деталям: блеску вращающегося объектива, действию ламп-вспышек, щелканью затвора аппарата. При этом одних птиц больше пугает шум, других — свет, третьих — блеск стекла. Но все эти преграды в большинстве случаев можно постепенно преодолеть. Единственно, с чем не могут смириться почти все птицы, так это с открытым, ничем не замаскированным присутствием человека. Немало встречается пернатых, которые не вернутся к гнезду, если поблизости от него в течение получаса или более находился кто-нибудь из людей. Не имея возможности за этот период приблизиться к кладке или выводку, родители вправе решить, что потомство их обнаружено, а значит — уничтожено хищником, с которым большинство пернатых отождествляют человека. Если же фотограф только прошел мимо гнезда, успев за короткое время почти на ходу установить скрадок, то хозяева, как правило, быстро успокаиваются и возвращаются к своему дому.

Но есть и такие птицы, которые плохо привыкают не только к различным элементам съемки, но и к многократному появлению человека возле их гнезда. Труднее всего, пожалуй, иметь дело с представителями отряда куриных, водоплавающих и с хищниками. Для обеспечения безопасности птиц, находящихся под угрозой исчезновения, во многих странах существуют ограничения на действия фотографов-анималистов. Так, например, в Германии фотографировать у гнезд хищных птиц можно только по специальным разрешениям. Это объясняется тем, что были случаи покидания гнезд хищными птицами после фото- и киносъемок.

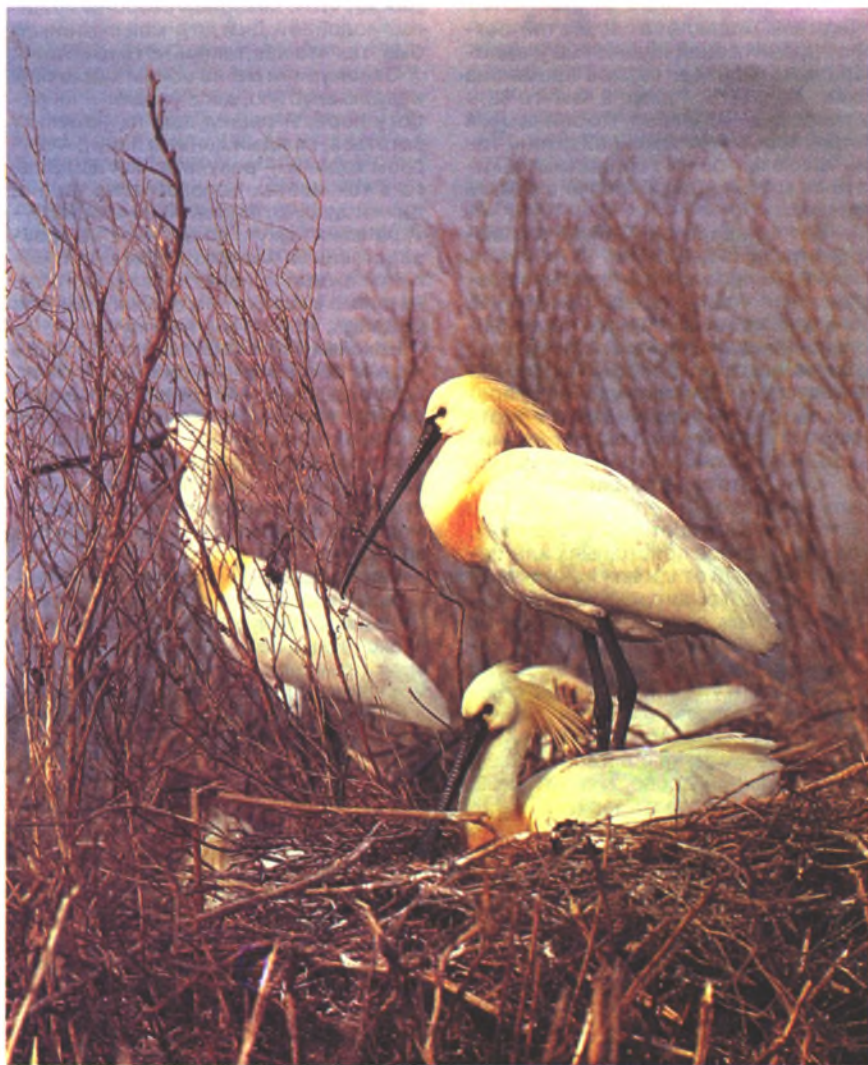
Наиболее полезно с точки зрения охраны природы снимать птиц в местах их прикормки. Здесь уже идет настоящая охота из засады с подманиванием и ожиданием.

Многих птиц, которые хотя бы частично поедают зерновой корм, можно приучить посещать кормушку практически в любое время года. А какое обилие пернатых можно наблюдать на городских свалках весной и осенью! Над грудками мусора, среди которого встречаются и пищевые отходы, кружат белоснежные чайки, шуршащими облаками перемещаются стремительные стайки скворцов, на земле деловито расхаживают грачи и вороны, в лужах купаются кулики и утки.

Использование засидок — далеко не единственный метод фотографирования птиц в природе. Многим гораздо больше удовольствия доставляет охота с фоторужьем. Им можно запечатлеть птицу в полете, а также различные неожиданные и редкие случаи из жизни

пернатых. Огромные возможности имеются у автоматических методов фотографии. Превосходные снимки в тундре и лесотундре Восточной Сибири получает проработавший всю жизнь в тех местах зоолог Арсений Васильевич Кречмар. Используя конструируемые им самим насторожки и даже специальные автоматические камеры, он фотографирует не только птиц, но и зверей — от мелких мышек до россомахи и медведя. В этих случаях ни съемочные палатки, ни присутствие фотографа возле снимаемого объекта не нужны. Да и вряд ли кому-нибудь может показаться увлекательным ожидание с фотоаппаратом в палатке, возле которой выложена тухлая рыба, медведя.

Поразительные снимки птиц, летающих по ночам, получены зарубежными фотографами при использовании в качестве насторожки фотоэлементов. В общем, в фотоохоте, как и в охоте, о вкусах не спорят...

Колпицы гнездятся плотными колониями на маленьком островке посреди озера Маныч-Гудило

ЖЕНЩИНОЙ НА МЕДВЕДЯ

И. ШПЕРОВ

Все охотники, а уж особенно рыбаки, в один голос утверждают, что женщины участвовать в их забавах, связанных с попытками что-то добыть, не должны. Якобы их присутствие приносит невезение и даже несчастья. Не скрою, меня в этом тоже трудно переубедить, особенно когда дело касается серьезных охот. Были случаи, когда я с радостью сваливал свои неудачи на присутствие слабого пола. Но наряду с этим были и фантастические уловы, и очень удачные охоты в присутствии все тех же дам. Так что вывести какую-то закономерность за многие годы мне так и не удалось. Ну а уж случай, о котором пойдет речь, должен полностью реабилитировать наших прекрасных женщин.

Охота на медведя на овсах отличается от прочих своей нудностью и однообразием. Правда, первое время она может показаться даже в чем-то захватывающей и опасной. Любой лесной шорох, крик потревоженной птицы, тихий треск заставляет сердце выскикивать из груди, а руки крепче сжимать оружие:

— Вот он крадется! Сейчас как вывалит пудов на двадцать!

Но когда просидишь на лабазе безрезультатно пару недель, причем изо дня в день не менее четырех часов, невольно ловишь себя на мысли, что это не охота, а каторга добровольная. Ближе к вечеру — наиболее удобному времени выхода на овес медведя и охотника настроение резко падает и начинаешь искать повод, чтобы пропустить этот день. Это мне по собственному опыту известно.

В тот год, о котором пойдет рассказ, казалось, что все природные силы берлоги медведей от кровожадных охотников. Ягоды уродилось как никогда. Отошла малина, черникой все усыпано, еще чернику можно брать, а по солнцепекам уже брусника краснеет, и этой осенней ягоды урожай небывалый. Зачем, спрашивается, топтыгину с риском для жизни овес идти воровать?

Правда, выходы на поля все же были неопределенной давности, вот подле них и пришлось сделать засидки. Ну да лицензия куплена, что остается делать, охотник — он всегда надеждой живет. Отсидели мы вдвоем десять дней на лабазах, крупнее зайца никто ничего не видел. Погода стоит изумительная, к вечеру ветер стихает, небо чистое, ну ни облачка. Тишина такая, что подлетающего комара за десять метров слышно.

У товарищей моих отстает всего неделя до окончания отпуска, решили мы место поменять. Переехали на самый север района, где на хуторе с семьей и родителями жил мой товарищ.

Дальше на сорок верст ни жилья, ни посевов не было. Медведь, конечно, и там весь на ягоде сидел, но была надежда, что с северной стороны прищипленный подойдет. Да и друг мой охотником был, так что нас теперь четверо стало.

Отдежурили мы на новом месте еще неделю впустую, двое уехали — на работу пора. Я решил еще на недельку остаться, каждый день на пару с Алексеем ходили — результат тот же. Благо в тех местах боровой дичи полно, днями душу отводил. Хлеб они на хуторе сами пекут, после него на государственный смотреть не хочется, молоко каждый день до отвала, картошка прямо с грядки — в общем, сам, как медведь, жир к зиме нагуливал...

Наконец и мое терпение лопнуло, да и дела заставляли в село вернуться. Попрощался я с Алексеем, поблагодарил за гостеприимство, отдал ему лицензию на топтыгина — посиди, мол, еще, коли желание возникнет, и отправился в райцентр. По приезду я узнал, что по всему району только одного медведя добыли, да и тот ясельного возраста.

Сентябрь к концу подходил. Затянувшееся лето как-то сразу сдало свои позиции. С нахмурившихся небес сыпал бесконечный осенний дождь-сеянец, а если проясняло, то по утрам крепко морозило. Про медвежью охоту я уж и думать забыл, какие к черту овсы, когда лед хрустит под ногами! Расстройств, что не добыл зверя, не было, единственный недометок, случайно попавший под выстрел, закончил счет добытым по району медведям. Правда, за пять лет охоты это был первый случай, когда я зверя не отстрелял. Места богатые, конечно, ну да год на год не приходится — утешал я себя.

Как сейчас помню, было это второго октября. Разбудил меня звонок телефонный. С трудом стряхивая с себя остатки сновидений, я поднял трубку. Никан не могу понять, кто звонит, слышимость как из-под земли, да еще треск и музыка мешают. Для районной связи в дождливое время это обычное дело. С трудом разобрал, что это Алек-

сей с хутора пробивается. Слышу орет в трубку, дабы я хоть два слова разобрал, — ну я и разобрал:

— Приезжай, медведя убил!

На этом связь оборвалась, и сквозь короткие гудки и треск Пугачева также громко, с надрывом, пытается мне повести судьбу бедного «Арлекина».

Алексея я давно знал, парень он молчаливый, серьезный, по трезвому от него лишнего слова не добьешься. Да и охотник добрый, приходилось мне с ним в лесах пропадать — просто так трепаться не станет. Да и какие шутки могут быть, когда да него сорок верст по разбитой дороге!

— На чем же до него добратся? Если на тракторенке моем ехать, так только к ночи на месте будешь.

Пришлось к советской власти с поклоном идти, в исполкоме УАЗ просить, хотя проберется он до хутора или нет, очень сомнительно было. По длинным коридорам главного сельского учреждения носились холеные дамы, одетые, несмотря на происхождение, явно не по-деревенски. Секретаршу я хорошо знал, и полчасы мы болтали с ней в перерывах между беспрерывными телефонными звонками. Наконец дошла очередь и до меня.

— Заходи, заходи, зачем пожаловал, охотник?

Советская власть была представлена в женском хорошо сохранившемся лице предпенсионного возраста, с рублеными почти мужскими чертами лица и сверлящим взглядом, приводившим в замешательство сельских жителей. В народе ее звали Идейка, от имени Идея, безрассудно данного ее родителями. Ко мне она всегда относилась хорошо. Специалистов с образованием в этом отдаленном районе было очень мало. Объяснив ей, что медведь уже убит, а мой трактор для поездки за ним непригоден, я выжидательно посмотрел на нее. Немного подумав, она позвонила в гараж и сказала:

— Возьмешь Володю и поезжай с ним за своим медведем, только не пей с ним на радостях, он пьяный хуже барана.

Через десять минут мы уже мчались по разбитой дороге, заляпывая грязью чистенький вездеход. До места добрались быстро и практически без приключений. Подъехать удалось к самому дому. У распахнутых ворот подворья стояла телега, на которой во всю длину растянулась лохматая туша медведя. Даже на первый взгляд медведь показался крупным. Из дома вышел улыбающийся Алексей с супругой, указывая рукой на медведя, он сказал:

— Это ты моей Любаше спасибо скажи, если бы не она, не попробоватая нам медвежатинки в этом году. Сколько я охочусь на медведя, а такого еще никогда не выдával...

Оказывается, после моего отъезда Алексей не успокоился и практически каждый день ходил на овсы. Однажды он даже видел медведя вне досягаемости выстрела из гладкоствольного ружья. Когда приехали убирать овес, он поговорил со знакомыми ребятами, выпил с ними бутылку, и они оставили ему довольно приличный участок нескошенного овса рядом с лесом. Там он и соорудил капитальный лабаз, притащив из деревни доски. Это было необходимо, потому что сидеть становилось с каждым днем холоднее, а разместиться на маленьком лабазе, в ватных штанах и телогрейке, было бы просто невозможно. Обходя оставленный участок овса, по следам он видел, что медведь посещает поле, но нерегулярно и с опаской. Скорее всего, это был местный зверь, который понял, что его караулят. Добыть такого медведя крайне трудно, так как он будет проявлять повышенную осторожность.

Вечером первого октября он с завидным упорством и постоянством стал собираться на лабаз. Трудно сказать, чем он был движим, азартом охотника или обязательностью сельского жителя, по крайней мере я уже давно бросил бы это бесполезное занятие. Увидев, что он собирается, с ним стала проситься его супруга, что, по моим понятиям, тоже необъяснимо, так как раньше она никогда не проявляла интереса к охоте, а уж тем более на медведя. Рассудив, что лабаз вполне вместит и выдержит двоих, а медведь все равно не ходит, Алексей решил взять ее с собой.

Люба оказалась хорошей медвежатницей и тихо, терпеливо сидела на лабазе рядом с супругом. Медведь вышел практически в полной темноте, когда они уже собирались уходить домой. На фоне овса зверь был едва заметен. Кормиться зверь стал довольно далеко от лабаза, что не позволяло Алексею нормально прицелиться в темную бесформенную массу. Густые осенние сумерки быстро переходили в непроглядную темень. Скоро местонахождение зверя можно было определить только по звуку. Тогда Алексей осторожно достал из кармана круглый трехбатарейный фонарь, который он брал с собой, чтобы не переломать ноги на обратном пути. Взял его левой рукой и примостил под цевьем, одновременно

поддерживая стволы. Яркий луч света прорезал темноту и осветил зверя. Пока Алексей пытался нормально прицелиться, медведь спокойно стоял на месте, повернув голову к источнику света. Свое недовольство по поводу прерванной трапезы он выражал громким фырканием. Мало того, луч света выхватил из темноты второго медведя, который кормился чуть дальше первого, и этот зверь тоже не собирался покидать овес!

После выстрела зверь упал и какое-то время оставался на месте, не подавая признаков жизни. Удар пули двенадцатого калибра по месту явно оказал на него шокирующее действие. Потом поднялся и, спотыкаясь и падая, упрямо пошел к спасительному лесу, издавая громкогласное рычание, — больше воровать колхозный овес ему явно не хотелось; выстрел из второго ствола не остановил его, и тяжело раненный медведь скрылся в лесу.

По поведению медведя было ясно, что ранение он получил очень серьезное, скорее всего, смертельное. Так, на мой практике был случай, когда медведь, с разбитым вдребезги сердцем пулей шестнадцатого калибра, прошел около двухсот метров, моментально умчавшись с поля. Алексей разумно рассудил, что разыскивать с фонарем раненого медведя может только умиленный. Они спустились с супругой с лабаза и отправились домой. Новоиспеченная медвежатница за всем происходящим наблюдала спокойно, хотя до медведя было не более сорока метров. Мне приходилось на Сахалине слышать рычание раненого медведя. Даже у видавшего виды мужчины этот рык может вызвать неадекватную реакцию, так что мужеству подобных женщин остается только восхищаться.

Если бы кто-то рассказал эту историю в пивном зале, за кружкой пива, я бы по крайней мере стал сомневаться.

Алексей с Любой рассказывали обо всем случившемся вдвоем, перебивая друг друга. Да и медведь как неопровержимое доказательство спокойно лежал на телеге, забывшись в вечном сне.

Утром, как только рассвело, Алексей вдвоем с отцом отправился к месту событий минувшей ночи, взяв с собой небольшую лохматую собачонку, которая жила при их обширном хозяйстве. С медведями этот барбос, конечно, ранее знаком не был. Наверное, его возмущила валяющаяся в лесу лохматая туша, о чем он незамедлительно известил хозяев. Зверь был мертв, ему хватило сил отойти всего метров семьдесят от поля. Леша помчался звонить мне, а отец пошел запрягать лошадь. С помощью всех домохозяев они водрузили медведя на повозку, где он и находился вплоть до моего приезда.

Вес зверя был около 200—250 кг, точнее взвесить было не на чем. Он был прекрасно одет и упитан. Разделять медведя в подворье было очень удобно. Когда с него сняли шкуру, то он был весь белый от сала, только нутряного жира набралось больше ведра. Несомненно, этот зверь прекрасно бы перезимовал, если бы не стал лакомиться перед спячкой колхозным овсом.

Весной этого года мне удалось вырваться в те места на охоту. Много лет назад я проработал там семь лет. На хуторе теперь никто не живет, Алексей похоронил отца и перебрался в более перспективный поселок. Его сын провел с нами всю весеннюю охоту, несмотря на то, что погода была очень холодная. Наверное, когда вырастет, тоже будет медвежатником, так же как его мама и папа. Вот и рассуждай после этого случая о невезении в присутствии женщин.

Рисунки Б. Игнатьева

ОХОТНИЧЬИ ТАКСЫ МООНР

Л. МАЛЫШЕВ,
С. ФОМИН,
эксперты-кинологи I категории

В последние годы таксы приобрели большую популярность среди любителей охотничьих собак: можно говорить о своеобразном «таксином» буме. Но наверное, не всем известно, что все поголовье московских такс и во многих российских регионах пошло от небольшой группы собак Московского Общества охотников и рыболовов.

В России, в начале нашего века, охота с норными собаками не была столь популярна, так, как, например, охота с исконно русскими породами — гончими и борзыми. Чаще такс держали не для охоты, а как домашних любимцев, компаньонов на прогулках, пикниках. Охота с собаками была популярна всегда, даже в трудные для страны 20—30-е годы проводились выставки охотничьих собак, но охотничьих такс на них были, увы, единицы.

С окончанием Великой Отечественной войны интерес к охотничьим качествам такс начал возрастать. С фронта возвращались и бывшие охотники, иной раз с «трофеем» — охотничьей собакой. В целом в Москве начался активный ввоз такс из Западной Европы, естественно в большинстве своем без родословных. И уже на выставке 1947 г. экспонировалось 58 такс всех разновидностей, по-прежнему в основном без полевых дипломов.

На протяжении первого послевоенного десятилетия численность такс на Московских выставках возросла, к сожалению, без увеличения полевых показателей. Заметно оживило полевую работу с охотничьими собаками вообще, и таксами в том числе, введение системы выставочной бонитировки. В соответствии с этой системой на выставках стала определяться племенная классность (т. е. ценность) собак и награждаться медалями стали только собаки, отнесенные к тому или иному классу. Чтобы получить племенную классность, от собаки требовалась родословная и обязательно диплом, полученный на полевых испытаниях, требование в то время весьма актуальное.

В период с 1952 по 1955 год на полевых испытаниях выставлялось 8 такс.

Фото Л. Малышева

Обращал на себя внимание прекрасными полевыми качествами Джек (владельца Фатькова), выставлявшийся в 1953—54 гг. Оба раза он получил дипломы II ст. по лисице. К сожалению, этот кобель был неизвестного происхождения. Джек (Коломкина), также неизвестного происхождения, с 1952 г. получил 4 диплома II ст. От Чарли (Кормилицыной) экспонировалось шесть потомков — пять недипломированных и с дипломом III ст. Топ-Топ (Федорова). На 31-й выставке 1964 года экспонировался Амур владельца Василия Андреевича Николаева, который был известным заводчиком такс, чьи собаки во многом определили дальнейшее становление породы. Являясь охотником, он уделял большое значение полевым качествам такс. Его собаки образовали как бы ядро, из которого выросло целое поколение такс. Разумеется, со временем появились собаки другого происхождения, но точкой отсчета охотничьих такс следует считать собак В. А. Николаева. С появлением «николаевских» собак племенная работа с таксами перешла на качественно другой уровень. В секцию пришли люди, интересующиеся охотой с таксами, большие любители этой породы.

1972 г. был последним, когда племенная работа с таксами велась, в основном используя собак николаевского разведения. К этому году среди производителей выделялись Иртыш (Николаева) от ч. Амура и Эльбы (Николаева), Бром 1032 и Амур II (Николаева). План вязок такс МООНР состоял из этих кобелей, всего в 1972 г. было получено 6 пометов. Появилась еще одна чемпионка Сильва II 1039 (Николаева). Отметим суку Ульрику (Васнецовой). Ульри-

ка получилась от Иртыша 1040 и ч. Сильвы II 1039 (Николаева), в дальнейшем ее потомство оказало значительное влияние на гладкошерстных такс.

В 1973 г. у известного заводчика такс В. И. Урюпина появился вывозной из Финляндии, кобель Энди 1033 (от Би-холлменс Джокера 4834/71к и Рамоны 4524/69к). В этом же году он был повязан с Уникой М-188. От этой вязки получился знаменитый чемпион Ремир 1045. Ремир был черно-мраморного окраса. Несколько слов о его родословной. Как уже отмечалось ранее, в племенном использовании были кобели неизвестного происхождения, таким был Даман (Бузина), отец Уники. При вязке с Ульрикой, черно-подпалого окраса, получилась черно-мраморная Уника. Известные предки Дамана, скорее всего, и несли мраморный окрас.

В 1974 г. Энди был повязан с шестью суками, и в том числе с длинношерстной таксой Норкой II 1031, которая, в свою очередь, в предках имеет известного нам гладкошерстного кобеля Топ-Топ. Подобная «мешанина» характерна для того времени.

В 1975 г. представилась возможность повязать ч. Ульрику 1021 с латвийским кобелем немецкого происхождения — Инго фон Бергхольцем — 21, и в 1977 г. эту вязку повторили.

Из детей Инго наибольший след в породе оставил ч. Плутон. Наиболее известен из его потомков чемпион Злодей 1270, который не отличался блестящим экстерьером, но был первым по рабочим качествам. Его хозяин А. Снегов был в то время одним из наиболее активных охотников-норников, естественно, его компаньоном стал Злодей.

В 1975 г. в МООиР зарегистрировано такс: гладкошерстных — 34, длинношерстных — 26 и жесткошерстных — 16. Всего за этот год было вязок соответственно — 8, 5 и 2.

Анализируя поголовье той или иной породы охотничьих собак, нельзя не упомянуть о людях, которые занимались его развитием, именно от них во многом зависит успех или неуспех всего дела.

В 70-ых гг. особенно была известна И. И. Седых. Ия Ивановна до сих пор занимается таксами, ей принадлежала целая плеяда классных собак — Кора 1035, Икар-Фантомас 1143, Бонифаций, Миорица 1112, Турандот 1228. В 1996 г. ее сука Фортунa 1639 стала чемпионкой Военно-охотничьей выставки собак.

Любопытно отметить, что в 1975 г. в секцию такс МООиР вошла группа ягдтерьеров (немецких охотничьих терьеров — НОТ), тогда новая для России порода, ответственным за нее был А. В. Александров. А в 1976 г. на выставку было выставлено уже 6 НОТ.

С приходом в бюро секции Ирины Ивановны Васнецовой бесспорно активизировалась полевая работа. Она сама — охотник, долгое время охотившаяся с континентальными легавыми, с увлечением и энергией принялась за работу с таксами. До нее, несмотря на усилия отдельных заводчиков, руководство секции уделяло явно недостаточное внимание таксам как охотничьим собакам. Она все выходные дни проводила на притравочных станциях и в качестве опытного притравщика и в качестве консультанта. Ирина Ивановна стала одним из наиболее активных пропагандистов породы такс. Ее знали не только в Москве, но и далеко за ее пределами. В том, что сейчас таксы хорошо известны как охотничья порода собак, мы во многом обязаны И. И. Васнецовой.

Самым знаменательным этапом в разведении такс Москвы, да, пожалуй, и России в целом, можно считать 1977 г., когда в ГДР была повязана сука Мери 1056 с полевым чемпионом Лордом фон Айхвальдер Экк 7068 кт. В результате этой вязки были получены — Победитель состязаний норных собак в Пловдиве, призер Всемирной выставки «ЭКСПО-81», многократный чемпион Московских выставок охотничьих собак — Лолита 1095.

Самым знаменитый потомок Лорда фон Айхвальдер Экк, конечно, Тиль 1102; от него получены сразу три чемпиона: Вилли 1126, принадлежащий Шустровой (Хариной) Светлане Михайловне. Запомним это имя наиболее известной заводчицы такс, отличающихся выдающимися полевыми качествами, Тутти 1135, Реди 1144. Внучка Тили и дочка Вилли — Вилина 1283 в течение ряда лет была чемпионом не только в Москве, но и в других регионах, стала чемпионом Всероссийской выставки охотничьих собак в Санкт-Петербурге в 1992 г.

В 1979 г. в порядке обмена племенным материалом были приобретены в

ГДР кобели Даксель фон Ягерштрассе 1098 и Гильдо фон Хазенек 1118.

Из-за нечеткого перевода на русский язык родословных Дакселя и ранее упомянутого Инго фон Бергхольц не сразу выяснилось, что они имеют одного общего предка — у Дакселя это дед по материнской линии, а у Инго отец — Бауц фон дер Зоргенклаузе 604517 кт. Таким образом, оказалось, что Даксель родственник сразу двум наиболее используемым в разведении кобелям — Гильдо фон Хазенек (отец которого Лорд — дед Дакселя) и Плутону (являющемуся сыном Инго). Кроме того, были и другие собаки сходного происхождения. При вязках потомков Гильдо, Дакселя и Плутона между собой происходило накопление в родословных крови собак сходного происхождения. Часто вязки кобелей немецкого происхождения проводили в ущерб кобелям московских кровей. Все это привело к некоторому перевесу по численности собак сходного немецкого генотипа. Но эти досадные накладки, тем не менее, не приуменьшают племенную ценность Дакселя.

Среди многочисленных его потомков безусловно надо выделить Траяна Ульпия 1155 (Вороновой), ставшего чемпионом Московской и Ленинградской выставок и давшего жизнь нескольким чемпионам. Это прежде всего ч. Бром Исачик 1737, ч. Рамон 1461, ч. Васса, отметим отличного полевика Тацита 1611. Превосходными рабочими качествами обладает внук Траяна и сын Брома — Кузя 2546. Работоспособность этого некрупного кобелька просто поразительная!

Из потомков Гильдо фон Хазенек наиболее известны ч. Бенцион 1191 и Змей 1202.

В 1982 г. были получены пометы от кобеля из Финляндии Хазарда, этот кобель не был дипломирован, но обладал новым для Москвы окрасом — кабаньим. Хазард потомок жесткошерстных такс, у которых этот окрас обичен. Все таксы, разведения МООиР, кабаньего окраса, потомки Хазарда. Единственным значимым потомком была его дочь Таис 1198, через которую и передается своеобразный окрас. Что касается фенотипа, охотничьих качеств его внуков и правнуков, то в этих случаях большее влияние оказывали суки и другие кобели, так что сейчас о Хазарде напоминает только окрас.

Из производителей московского разведения в начале 80-х годов наиболее известен Жук 1153. Его потомок Тимфи 1278 дал много заметных полевиков, в том числе знаменитую многократную чемпионку Весту 1713. Отметим другую его дочь, чемпионку Москвы и Ленинграда Басю 1397.

В период с 1990 по 1997 год интенсивно использовался в разведении Цезарь 1897. Из 19 его классных потомков, первого поколения, 10 сук с дипломами I степени.

В настоящее время очень хорошо известен полевой чемпион и чемпион выставок Валерос 2335 Шустровой (Хари-

ной) С. М., который является основным производителем охотничьего поголовья такс. Его потомки первого и второго поколения составляют едва ли не 25 % всей численности такс московского региона. Не менее популярен чемпион Ледон 2885, который стал недавно чемпионом региональных состязаний норных собак.

Использование производителей дальнего зарубежья не дало ощутимых результатов, так как МООиР ориентируется на разведение охотничьих такс, а все без исключения привозные кобели в Москве чисто декоративные.

Среди сук отметим ч. Весту 1713 (24 классных потомка) от вязок с Валеросом, как правило, получались мощные, хорошо развитые, склонные к ранней работе собаки. Например, Жан Поль 3038, чемпион ВОО и выставки на приз мэра Москвы 1999 г.

В 1998—99 гг. все чемпионские звания в Москве, а также в г. Иванове, собрала Веточка 2770.

Нельзя не вспомнить чемпионку 1998 г. Сыроежку II 2504. Отличный экстерьер и большое количество полевых дипломов выделяет ее среди общего поголовья такс. Можно и дальше анализировать множество великолепных такс, но, к сожалению, ограничивают рамки журнала.

В настоящее время ринги такс на охотничьих выставках самые многочисленные. В нижеприведенной таблице показан рост численности такс на выставках МООиР.

Годы										
таксы всех разновидностей										
1937	1947	1956	1964	1974	1981	1992	1998	1997	1998	
7	57	20	31	38	66	206	210	238	206	

Показатель 1998 г. несколько снижен из-за урагана, который пронесся над Москвой ночью с 20 на 21 июня, в дни проведения выставки.

Рассматривая такс как охотничью породу собак, мы в основном говорим о гладкошерстных таксах. Так сложилось у нас в стране, что для охоты выбирали гладкошерстных собак, они всегда были наиболее многочисленны. В 50—60-х годах многие жесткошерстные и длинношерстные таксы несли в себе кровь гладкошерстных, таким образом поддерживалась их численность. Но с 70-х годов все большую популярность стали приобретать и длинношерстные, жесткошерстные таксы. Одно время длинношерстные даже опережали по полевым качествам гладкошерстных.

Основным производителем длинношерстных такс середины семидесятых был Чап (Минеева), хорошо известная сука Муся (Меломеда).

У жесткошерстных такс особенно следует отметить суку Топи (Равенской), с 1972 г. дававшую хорошее потомство. Позднее рабочими показателями отличались Кастор (Маклакова),

Аррес (Бехтина) и Тиль (Евдокимовой). В начале восьмидесятых годов широко использовался как производитель кобель немецкого происхождения Конни 1097 (Капустянского).

В настоящее время среди длинношерстных такс отметили чемпионов Шерифа 2183, Герду 2618, Диану Диаманту 2040.

Поголовье жесткошерстных такс МООиР, пожалуй, самое многочисленное у нас в стране. Бесспорно, что полевые их качества значительно повысились за последние пять лет. До недавнего времени основным производителем у ж/ш такс был ч. Лешик 1636. Хорошо известна полевая победительница состязаний такс и чемпионка выставок Эльга 1637. Современные чемпионы — Банзай 2484. Парамоша фон Рорхорст 1139, Ловелас Карди 2590, Томас 2943, Тагора 2188.

Все это свидетельствует о значительном росте, как численном, так и качественном, поголовья длинношерстных и жесткошерстных такс. А ведь до 1977 г. на выставках, по положению, было установлено ограничение для такс, по одному чемпиону среди кобелей и сук по всем трем разновидностям. В 1975 г. в МООиР было всего 35 такс с полевыми дипломами, а в 1995 г. этот показатель увеличился в 8 раз. На Всероссийской выставке охотничьих собак 1997 г. таксы МООиР заняли все чемпионские места.

В 1998 г. были проведены первые Всероссийские состязания такс — «Москва-98», на базе притравочной станции «Коротыгино» Подольского района. Положение о состязаниях было утверждено председателями правления Росохотрыболовсоюза и МООиР. Приглашения разослали в 32 адреса охотобществ России, но из-за материальных трудностей приняли участие в чемпионате лишь немногие. Всего за два дня была испытана 51 такса трех разновидностей по шерсти; получили дипломы 82 %. Чемпионом стал кобель московского происхождения из Саратовского ООиР Брайт 2954, второе место занял Витязь 2846 МООиР. По результатам выступлений собак первое место заняла команда МООиР (гладкошерстные таксы), второе место МООиР (длинношерстные таксы) и третье место — команда Саратова.

22—23 мая 1999 г. прошли вторые Российские состязания такс «Москва-99». Чемпионом стал кобель гладкошерстной таксы, зарегистрированный в МООиР, — Варяг (Мироновой), второе и третье места заняли соответственно Митя Алекс (Малушина) и Витязь (Шустровой). Все три собаки работали «мертвыми» хватками по месту. Отметим, что из 56 выставленных такс каждая третья работала хватками.

Все вышеизложенное говорит о том, что таксы МООиР вышли на одно из первых мест по полевой работе среди норных собак и по-прежнему оказывают большое влияние на поголовье охотничьих такс в России в целом.

ПОРОХА МАРКИ «САЛЮТ»

П. ДОРОФЕЕВ,
главный технолог

В настоящее время для снаряжения охотничьих патронов разработано много торговых марок охотничьих порохов: «Сунар», «Салют», «Сокол», «Барс» и др. Этот список сравнительно недавно пополнил порох серии «Салют».

Новые высокоэнергетические, пористые пороха серии «Салют» предназначены для снаряжения охотничьих патронов к гладкоствольному, нарезному и спортивно-охотничьему оружию, а также газовых и строительно-монтажных патронов. Эти пороха относятся к пироксилиновым зерненным одноканальным порохам цилиндрической формы, которые отличаются высокими баллистическими показателями и надежностью функционирования, что подтверждается результатами стрельбы на специализированных патронных предприятиях и отзывами потребителей. Назначение и баллистические характеристики порохов марки «Салют» приведены в табл. 1 и 2.

Пороха марок «Салют», «Салют-2» и «Салют-4» являются самыми мощными порохами из тех, что используются в гладкоствольном оружии, так как они способны создавать высокое давление пороховых газов, недопустимое для стрельбы из охотничьего оружия при малейшем увеличении порохового заряда по сравнению с рекомендуемым. В связи с этим пороха данных марок необходимо взвешивать на весах с точностью до 0,01 г в сторону уменьшения от выбранного номинала или рекомендуемого заряда. Наибольший практический интерес для охотников представляет порох марки «Салют-4», о котором и пойдет речь дальше.

Несмотря на незначительный срок использования пороха «Салют-4» на российском рынке, последний имеет немалый список действующих и потенциальных покупателей. Это говорит о том, что его популярность растет, и, скажем откровенно, все охотники, которым пришлось снаряжать патроны этим порохом и понять тонкости в технологии его снаряжения, очень хорошо отзываются о нем. Порядка 90 % охотников, применивших этот порох хоть раз, предпочитают в дальнейшем пользоваться только порохом «Салют-4». Этот вывод сделан на основании результатов опросов, проведенных на специализированных выставках, анкет и личных контактах с потребителями.

Порох «Салют-4» отличает большая мощность и высокая скорость горения,

что обеспечивает, в свою очередь, полное сгорание порохового заряда, уменьшение загрязнения канала ствола, улучшение качества и постоянства боя ружья при большом количестве выстрелов. Высокая скорость горения пороха «Салют-4» повышает зависимость характеристик патронов от качества и вида каждого элемента комплектующих и их сборки. Порой незначительные изменения или элемента комплектующих, или способа закатки при сборке патронов дают самые неожиданные результаты. Поэтому от охотников требуется более внимательный и взвешенный подход к выбору комплектующих для снаряжения и аккуратность при снаряжении патронов. Еще более важное обстоятельство, влияющее на качество патрона при использовании пороха «Салют-4», — строгое соблюдение точности навески порохового заряда, указанного на этикетке завода-изготовителя, вложенной в емкость под порох. Разброс навески пороха не должен превышать 0,05 г. Нельзя использовать объемные дозаторы, отрегулированные под другие марки порохов. Следует помнить, что на вложенной в емкость под порох этикетке указывается вес пороха для снаряда дробы № 6 весом в 35 г.

Таблица 1
НАЗНАЧЕНИЕ ПОРОХОВ СЕРИИ
«САЛЮТ»

Марка пороха	Назначение
«Салют»	Строительно-монтажные и охотничьи дробовые патроны 12 калибра
«Салют-1»	Патроны калибра 9 мм «Люгер», «Парабеллум»
«Салют-2»	Патроны к пистолету Макарова, 45 АСР и спортивно-охотничьи патроны 12 калибра
«Салют-3»	Охотничьи патроны 7,62x54, «Винчестер»
«Салют-4»	Охотничьи дробовые патроны 12, 16 и 20 калибров
«Салют-5»	Охотничьи патроны 7,62x38
«Салют-6»	Охотничьи патроны 5,45x39, 5,6x39
«Салют-11»	Спортивно-охотничьи пистолетные патроны 9x19

Основное преимущество пороха «Салют-4» по сравнению с «Соколом» заключается в том, что он имеет меньший вес порохового заряда, а следовательно, пониженный звук, пламя и отдачу при выстреле. При этом порох «Салют-4» по основным характеристикам превосходит аналогичные показатели пороха «Сокол». Кроме того, отличительной особенностью является то, что при необходимости на базе пороха «Салют-4» можно собрать патрон с увеличенной скоростью дробового снаряда при специальном подборе веса пороха и пыжей с проверкой на максимальное давление, создаваемое в канале ствола. Эти отличительные свойства пороха придает фирменная технология его изготовления, обеспечивающая возможность управления процессом горения.

По внешнему виду и основным характеристикам порох «Салют-4» сходен с порохом «Сунар», но, используя порох «Салют-4», удается получить более мягкий и в то же время резкий выстрел, идеальную чистоту канала ствола, наилучшее сочетание баллистических показателей, имея при этом пониженное дульное давление и постоянство боя.

При снаряжении порохом «Салют-4» все составляющие элементы патрона сильно влияют на качество выстрела и его результат. Поэтому к подбору элементов снаряжения патронов и тщательности взвешивания порохового заряда следует относиться очень внимательно.

Для снаряжения патронов с порохом «Салют-4» желательно применять рекомендуемые ниже комплекты, хотя эти рекомендации не являются обязательными и можно использовать другие составляющие для снаряжения патрона.

Вопрос выбора гильз заслуживает особого внимания. В зависимости от конструктивных форм гильзы и, особенно, от ее прочности значительно изменяются баллистические показатели. Наиболее предпочтительным является использование полиэтиленовых и других пластмассовых гильз с металлической головкой высотой от 12 до 25 мм. По сравнению с бумажными пластмассовые гильзы более прочные и влагоустойчивые, выдерживают усиленные заряды, очень редко повреждаются при выстреле, безотказно работают во влажную погоду.

Следует обратить особое внимание на высоту металлической головки, так как прочность пластмассовой гильзы прежде всего зависит от ее высоты, потому что основная нагрузка при выстреле ложится именно на нее. Имеет также большое значение качество материала, из которого изготовлена гильза. Пластмассовая гильза к тому же хорошо завальцовывается как способом «закрутка», так и «звезда», выдерживает высокие давления без деформации и трещин. Идеально подходит пластмассовая гильза с капсюлем французской фирмы «Шеддит». Прекрасно сочетается по своим характери-

стикам с порохом «Салют-4» латунный капсюль «Жевело» или КВ-21 в жестком стальном корпусе. При правильном снаряжении патрона они вполне обеспечивают надежные условия воспламенения и сгорания, исключают несрабатывание капсюля, осечки.

Хорошо согласованными с характеристиками пороха «Салют-4» являются полиэтиленовые пыжи-контейнеры. Из испытанных конструкций именно этот пыж показал наилучшие баллистические характеристики. Допускается также применение других видов пыжей с подбором по высоте для обеспечения плотности сборки. Предпочтение следует отдавать более мягким, но достаточно упругим и плотным. Следует иметь в виду, что порох «Салют-4» не следует сжимать. Пыж до него только досылают.

Дробь взвешивается с точностью до веса одной дробинки. Допускаемое отклонение на подобранный вес дробового снаряда, снаряженного дробью размером не более 2,75 мм, должно

быть 1,0 г, размером более 2,75 мм — 2,0 г. Для патронов, снаряженных картечью, допуск на вес не должен превышать веса одного шарика картечи.

Снаряжение патронов. В гильзу с пороховым зарядом помещают прокладку и комплект пыжей (один основной пыж и один или несколько дополнительных пыжей), которые досылаются с усилием не более одного Мпа (10 кгс). Высота пыжей должна быть такой, чтобы высота бортика гильзы для закатки была не более 5 мм. Затем засыпается дробь, на которую кладут прокладку, и гильзу завальцовывают на глубину 2—2,5 мм. Закатанный конец гильзы должен плотно прижимать пыж к дробовому снаряду. Высота снаряженного патрона должна быть в пределах 64—65 мм. При использовании полиэтиленового пыжа-контейнера его помещают на пороховой заряд, засыпают дробь и кладут прокладку. Высота бортика гильзы для закатки должна быть примерно 10 мм, а высота снаряженного патрона — 60—65 мм.

Таблица 2

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОХОТНИЧЬИХ ПОРОХОВ
ДЛЯ ГЛАДКОСТВОЛЬНЫХ РУЖЕЙ

Наименование показателя	«Салют-4»	«Сунар»	«Сокол»	«Барс»
Форма зерна	Цилиндр с каналом	Цилиндр с каналом	Пластинки	Эллипсоидно-сфероидальная
Вес заряда, г для 12 калибра для 16 калибра для 20 калибра	1,6—1,9 1,4—1,6 1,2—1,4	1,7—2,1 1,5—1,8 1,3—1,5	2,3 2,1 1,9	2,8 2,2 2,0
Вес дроби, не более, г для 12 калибра для 16 калибра для 20 калибра	35 30 25	35 30 25	35 30 25	35 30 25
Средняя скорость дробового снаряда, не менее, м/с	320	320	315	320
Максимальное давление пороховых газов в патроннике, кгс/кв. см среднее/наибольшее для 12 калибра для 16 калибра для 20 калибра	630/680 680/730 730/780	630/680 680/730 730/780	550/632— 630/680 600/690— 680/730 650/747— 730/780	650/700 700/750 750/800

Таблица 3

УСРЕДНЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПЫТАНИЙ ПОРОХОВ «СУНАР» И «САЛЮТ-4»

Наименование пороха	Вес заряда, г	Скорость дроби V10, м/с	Разброс скоростей, м/с	Давление пороховых газов в патроннике, кгс/кв. см среднее/наибольшее
«Салют-4»	1,7	320	8	499/547
«Сунар»	1,98	320	9	595/646

Комбинированное ружье ТОЗ-112

На Тульском Оружейном заводе разработан и изготавливается новый уникальный образец двуствольного комбинированного охотничьего ружья, нижний ствол которого гладкий 20 калибра под патрон с длинной гильзы 70 мм, а верхний ствол нарезной, самозарядный со сменным магазином под патрон кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм. Длина стволов 635 мм, а вес ружья — 3 кг.

Такого удобного и необходимого сочетания стволов с наличием самозарядного механизма перезаряжания нарезного ствола не имеет ни один зарубежный образец в мире.

Представьте себе, что сейчас в некоторых промысловых районах нашей страны, охотник, занимающийся промыслом пушного зверя, вынужден брать с собой два вида оружия: нарезной карабин под патрон кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм и гладкоствольное ружье, желательно 20 калибра, так как этот калибр наиболее экономный в смысле стоимости патронов, их веса и веса самого ружья, сохраняя при этом практически все достоинства гладкоствольных ружей более крупных калибров. Недаром в настоящее время этот калибр получил весьма большое распространение, так как, по мнению охотников-профессионалов, он является наиболее универсальным, особенно с появлением патронов типа магнум и полумагнум, поскольку патроны магнум, например, имеют в себе снаряд и заряд, равный по мощности обычному стандартному патрону 12 калибра. Все это говорит о том, что 20 калибр является достаточно универсальным и хорошим стрелком, а промысловики все хорошие стрелки, дробовым патроном добудет летящую или бегущую дичь, картечный выстрел поможет добыть более крупный трофей, если подвернется подходящий зверь, ну а пулей можно добыть самого крупного животного с близкого расстояния или, при необходимости, остановить нападающего зверя. И, конечно, понятно, что нарезной ствол калибра 5,6 мм под патрон кольцевого воспламенения является незаменимым при охотах на мелкого пушного зверя, а учитывая, что он самозарядный со сменным магазином на 8 патронов, то охотнику достаточно иметь несколько магазинов и в тепле охотничьей избушки набить их патронами, не морозя руки на улице, так как достаточно будет только заменить израсходованный магазин. В общем, новое ружье отличный подарок охотнику, который занимается про-

мыслом либо постоянно, либо только в отпускное время. Поэтому такое ружье будет необходимо и охотнику-любителю и промысловику, а также при различных путешествиях и экспедициях.

В ружье оба ствола соединены в один блок, который, сняв цевье, можно отделить от ствольной коробки, что очень удобно при перевозке. Вертикальное расположение стволов способствует более точному пулевому выстрелу, так как каналы обоих стволов расположены по оси симметрии всего ружья, то есть надо учитывать во время пристрелки только разницу в баллистических характеристиках патронов 20 калибра и калибра 5,6 мм. Нижний гладкий ствол хромирован, что важно в условиях промысла, так как не всегда есть условия и возможность почистить ружье после стрельбы, а покрытие защищает его от коррозии и, конечно, эрозии при выстреле.

При повороте рычага происходит отпирание блока стволов и взведение внутреннего курка, после чего блок стволов поворачивается и открывается доступ в патронник нижнего гладкого ствола. Это дает возможность извлечь стреляную гильзу и вставить новый патрон в патронник гладкого ствола. При повороте стволов в исходное положение осуществляется их запирающие за счет рамки, которая перемещается под воздействием пружины. Безусловно, очень удобно при осечке, не открывая гладкого ствола, быстро произвести повторное взведение курка и снова нанести удар бойка по капсюлю патрона, расположенного в нижнем гладком стволе.

Для стрельбы из нарезного ствола необходимо заполнить магазин патронами, вставить его в ружье, отвести и дослать вперед затвор, расположен-

ный в верхней части ствольной коробки, за имеющиеся с двух сторон рукоятки. При этом произойдет досылание патрона из магазина в патронник.

Ударно-спусковой механизм имеет один спусковой крючок и один курок на оба ствола, но с двумя раздельными бойками. Сам механизм расположен на отдельном основании. Поскольку ружье имеет один курок, работающий на два ствола, то имеется специальный переводчик, который позволяет переводить курок для стрельбы либо из нарезного ствола, либо из гладкого в любой последовательности. Для стрельбы из нарезного ствола курок должен быть взведен нажатием на рычаг только для производства первого выстрела, после чего свободный затвор верхнего ствола отбрасывается назад, взводя при этом курок и выбрасывая стреляную гильзу, а при движении вперед под воздействием возвратной пружины досылает очередной патрон из магазина в патронник. Для производства следующего выстрела достаточно нажать на спусковой крючок.

Спусковой крючок запирается кнопочным предохранителем, расположенным под ствольной коробкой непосредственно за магазином. Такое расположение очень удобно, так как позволяет быстро подготовить ружье к выстрелу одним нажатием пальца, который затем переводится на спусковой крючок. Предохранитель не автоматический, что избавляет охотника от необходимости переключать внимание на его выключение после перезаряжания ружья. Это очень важно при необходимости быстро повторить выстрел, особенно по нападающему опасному зверю, да и быстро добыть подранка тоже часто бывает необходимо, чтобы он не успел спрятаться от охотника, иначе добыча будет бесполезно потеряна.

Прицельные приспособления ружья состоят из двух откидывающихся целиков и мушки, которые позволяют пристрелять нарезной ствол для стрельбы до 100 м. Кроме того, на ствольной коробке ружья можно установить оптический прицел.

Полная длина ружья — 1100 мм.

М. БЛЮМ

ТОЗ-112

Очень приятно сознавать, что Тульский Оружейный завод разработал и начал изготовление охотничьего многозарядного карабина ТОЗ-109, который предназначается для промысловой и любительской охоты на животных, величина которых соответствует мощности патрона 7,62х51. Причем вес этого карабина всего 3,3 кг (вспомним вес карабина «Тигр», который равен 4,3 кг), что позволяет его использовать длительное время при ходовых охотах, особенно в горах.

Применяющиеся для стрельбы из карабина охотничьи патроны 7,62х51 обладают достаточно высоким убийным и останавливающим действием на всех охотничьих дистанциях при стрельбе по зверю, вес которого не превышает 250 кг. Небольшое усилие нажатия на спусковой крючок, равное 10–15Н (примерно 1–1,5 кг), позволяет сделать точный выстрел на большие расстояния при минимальном отклонении пули от точки прицеливания. Это происходит за счет практически полного отсутствия сбивания карабина в момент нажатия на спусковой крючок.

Семь патронов в магазине позволяют без смены магазина точными выстрелами поразить не одно животное или при необходимости добить подранка, который предыдущим выстрелом был поражен в недостаточно убийное место, что зависит в первую очередь от натренированности стрелка. Отъемный магазин можно быстро заменить после израсходования в нем патронов на заранее заполненный. Запасной магазин можно заранее заполнить не только патронами с теми же характеристиками, но и патронами с другими типами пуль. Это теперь вполне возможно, так как в продаже сейчас имеются зарубежные патроны различной мощности и с разными конструкциями пуль.

Карабин имеет хромированный внутри ствол длиной 515 мм, что позволяет в меньшей степени заботиться о тщательном уходе за каналом ствола после стрельбы или атмосферных воздействий.

Ствольная коробка карабина имеет перемычку перед поворачивающейся рукояткой затвора, что позволяет установить кронштейн прицела по центру, а не сбоку. Такое расположение кронштейна оптического прицела позволяет упростить конструкцию кронштейна и сделать его крепление к ствольной коробке более прочной, а также снизить его вес. Наружная поверхность ствольной коробки может быть украшена гравировкой по просьбе заказчика. Рукоятка затвора имеет та-

кую форму, которая позволяет легко открывать и перемещать затвор для перезарядки рукой, находящейся в варежке, что конечно очень важно на зимних охотах. При закрытом затворе внутренность ствольной коробки хорошо защищена от попадания снега и различного «лесного мусора». С тыльной стороны затвора, который выполнен за счет вкладыша заподлицо со ствольной коробкой, имеется указатель, который показывает, что ударник затвора взведен (указатель выступает над поверхностью вкладыша) и карабин подготовлен к выстрелу, если конечно в патроннике ствола имеется патрон. Если указатель не выступает над поверхностью вкладыша, то это значит, что ударник не взведен. Боевая пружина и ударник располагаются в корпусе затвора. Для извлечения затвора из ствольной коробки достаточно повернуть рукоятку затвора на 90 градусов, переместить его в заднее положение и, нажав на спусковой крючок, извлечь затвор, перемещая его назад.

Перезарядка карабина производится вручную. В начале рукоятка поворачивается против часовой стрелки до упора, а затем затвор перемещается в крайнее заднее положение. При перемещении затвора вперед очередной патрон из магазина захватывается затвором и подается в патронник. При этом одновременно происходит нагнетание боевой пружины, взведение ударника и постановка его на боевой взвод (шептало). В переднем положении рукоятка затвора поворачивается по часовой стрелке и запирает канал ствола на два затворных выступа, которые заходят в соответствующие пазы в ствольной коробке. Карабин подготовлен к выстрелу.

Прицельные приспособления карабина состоят из открытой мушки и двух целиков. Один постоянный для стрельбы на 150 м, а второй — откидывающийся для ведения прицельной стрельбы на 300 м. Возможна также установка оптического прицела любой кратности увеличения.

Предохранитель запирает только спусковой крючок, что защищает ударно-спусковой механизм от случайного нажатия на спусковой крючок и естественно от производства случайного выстрела.

Ложа изготавливается из высококачественного бука или березы, а по желанию заказчика — из выдержанного игристого ореха.

Длина карабина 1055 мм.

М. БЛЮМ

Вопрос. Какой дымный порох следует подсыпать в капсулю «центробой» для надежного воспламенения порохового заряда бездымного пороха, особенно при стрельбе на морозе?

Ответ. Перед тем как вставить капсулю «центробой» в капсульное гнездо металлической гильзы, необходимо подсыпать туда несколько зерен дымного (черного) пороха № 4. Можно, конечно, и пороха № 3, но это не совсем желательно.

Вопрос. Как влияет способ заделывания дульца гильзы дробового патрона на скорость дробы и давление?

Ответ. Заделывание дульца гильзы дробового патрона способом «звездочка» по сравнению с завальцовкой при одинаковом способе снаряжения повышает при использовании некоторых современных бездымных порохов в 12 калибре максимальное давление пороховых газов в момент выстрела на 100–120 кгс/см² и увеличивает скорость дробы в 10 м от дульного среза примерно на 20 м/с. Если же дульце гильзы совсем не заделывать, то скорость дробы и давление настолько снизятся, что бой ружья сильно ухудшится из-за плохого и неполного сгорания порохового заряда.

Вопрос. Как привести в порядок край стреляной бумажной гильзы?

Ответ. Если край стреляной бумажной гильзы очень помят, разлохмачен, то дульце гильзы следует вначале расправить, а затем окунуть в расплавленный парафин. Чтобы расправить дульце стреляной гильзы, следует сделать цилиндрическую оправку диаметром, равным внутреннему диаметру гильзы, с заходными конусами. На такую оправку сразу с двух сторон насаживают гильзы и через бумагу проглаживают горячим утюгом с терморегулятором. Терморегулятор необходим для того, чтобы подобрать нужную температуру опытным путем.

Вопрос. Как долго можно хранить капсули?

Ответ. Капсули следует хранить в сухом, прохладном месте подальше от пороха и патронов в бутылке из темного стекла с плотной притертой пробкой. Заводы, производящие капсули, дают гарантию срабатывания капсулей в течение 3–6 лет, но практически их можно использовать в течение 10 лет. Однако для снаряжения патронов, которые будут использоваться на ответственных охотах, нужно применять только свежие капсули, которые пролежали не более 3 лет. Иначе при отстреле крупного, а особенно опасного зверя патрон может дать осечку, и тогда охотнику не поздоровится, особенно если зверь оказался совсем близко, да еще раненным предыдущим выстрелом или напарником по охоте.

Ответы на вопросы подготовил М. БЛЮМ

1

2

1. Интерьер выставки
2. «Волк». Гипс. В. А. Ватагин
3. «Охота с борзыми». Л. Е. Либрих
4. «Волки по чернотропу». К. К. Флеров
5. «Волки, нападающие на табун лошадей» (неизвестный автор)
6. «Охота на волков в Средней Азии». А. Н. Комаров
7. «Волк». В. М. Смирин

7

3

В Государственном Дарвиновском музее прошла очередная выставка, посвященная одному из самых интересных хищников — волку.

Витрины, стенды, картины, книги, фотографии рассказывали о жизни этого зверя, встречающегося по всему Северному полушарию, от арктических тундр до полупустынь.

Выполненные таксидермистами биогруппы показывали волчат в логове, переряжков, матерых зверей. Кроме волков привычной серой окраски в выставочной коллекции были звери и с совершенно другим цветом шерсти, например рыжеватые, дымчатые, черные и почти абсолютно белые — полярные. Посетители могли узнать немало интересного о биологии этого хищника, поведении, способах добывания пищи, взаимоотношениях

в стае. По слепкам со следов можно было поучиться отличать волчьи следы от показанных рядом следов крупных собак.

Научная и популярная литература, открытки, марки, ритуальная одежда индейца, сделанная из волчьей шкуры, капканы и множество других экспонатов, имеющих то или иное отношение к этому зверю, были представлены на выставке.

Украшали ее скульптуры и картины В. А. Ватагина, А. Н. Комарова, К. К. Флерова, В. М. Смирин и других известных художников-анималистов.

Подобные выставки, позволяющие посетителям больше узнать о жизни широко распространенных животных, становятся хорошей традицией музея.

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

5

6

ВЕСНА НА СНЕГУ

Борис ПЕТРОВ

Ей-богу, градусов двадцать сейчас в лесу! На рассвете мороз всегда сатаптывает... Полчаса просидел, а задрог окончательно. Ничего себе, весенняя зорька. Главное — в резиновых сапогах. Сперва лапы стискивало, будто в ледяных колодках, теперь вовсе немеют. Не-ет, больше сидеть нельзя, совсем без ног останешься. Светает уже заметно, хотя по времени вроде бы рано. Потому, что кругом снег — белый экран. Скорее бы восход, да и отлучиться! Подвергать себя такому риску — цена непомерная (роман, кажется, или фильм какой-то был — «Дожить до рассвета»...). Больше не могу, надо подниматься и разгонять кровь — приседания какие-нибудь делать, ногами сучить, а то... Я зачем-то повернулся и внезапно увидел сбоку за спиной: здоровенная птица на белом снегу — глухарь!

Он неторопливо и величественно двигался по снежно-мраморному полу, словно дворцовый церемониймейстер по паркету, голова горделиво вскинута, крылья приспущены — «парадным шагом», высоко задирая перед собой растопыренные лапы-кресты. Токует, что ли, на ходу? Но тут я почувствовал, что голова дальше в ту сторону не «завинчивается», требовалось податься всем корпусом. А это невозможно, он меня может увидеть так же прекрасно, как и я его.

Осторожно-осторожно я отвернулся, немного посидел неподвижно и стал еще медленнее поворачиваться к нему. За это время он успел заметно удалиться и стал виден с хвоста. Ага, сейчас точно слышу: щелкает! Заскрежетал... Не останавливаясь. Токует! На снегу. Вот совсем скрылся за толчеей тонких серо-зеленых стволиков, вновь замаячил в другом месте. Может, вернется? Нет, растворяется в серой чаще. Кое-как я высидел еще малость, но больше его не увидел, и пощелкивание сошло на нет. Не могу дальше терпеть, надо подниматься и срочно унимать дрожь на ходу.

Наст и в самом деле был тверд и прочен, как белый саянский мрамор: даже там, где только что прошел тяжелый глухарь, еле-еле различались лишь царапки от когтей. Зато путь поверху был открыт «в любую сторону моей души»!..

Утренний обход окрестного района принес обнадеживающее открытие: в монотонно-сером, как шинельное сукно, осиннике там и здесь были разбросаны острова хвои — по всей видимости недорубы, остатки когда-то порядочного бора. И всюду в них попадались признаки присутствия глухарей: зимний помет, старые наброды, сосновая поедь на снегу. Получалось, что вся площадь километра полтора-два в перечнике могла быть разреженным глухариним токовищем, по которому им вольно бродить, пользуясь утренним морозом. Что ж, допустим, ток я нашел, но как на нем сейчас охотиться? Совершенно необычная для меня обстановка: глухари есть, да «неухватисты», ума не приложишь, как с ними совладать...

Я приехал в Сибирь, имея вполне приличный опыт охоты на глухариных токах, — первого краснобрового красавца приволок в избу лесника еще пятнадцатилетним юнцом. Несколько весен до того слушал завораживающую лесную песню, скакал под нее, обминая от страсти, но охотничья удача ускользала из рук, чаще всего по причине юношеской горячки и неумения совладать с собой в самый ответственный момент. И все же случилось — вот он, глухарь, подвешен в сенах на прочный крюк за связанные лапы, крылья развалились — громадина! Охотнички, все взрослые мужики, один за другим возвращались из леса, а в сенах такой натюрморт... Каждый спрашивал: и кто это у нас сегодня заповелевал? А я сидел на лавке за столом, пил чай, пунцовый, как помидор, от гордости и удовольствия, и весь светился.

Было то в глуши далеких вятских боров 2 мая еще более далекого теперь года. Первый, но вовсе не единственный... Правда, после окончания института мне пришлось жить в разных местах, где глухари не водились. Но так и оставались мечтой, радужные переливы которой с годами ничуть не блекли.

И вот Сибирь. Конечно же, в марте я отправился искать «черты». Предприятие было вполне авантюрным: не зная местности, только по карте все воображал, не имея представления о каких-то здешних особенностях. Но не испытывая ни малейших сомнений: а чего там? Охоту на токах знаю, в Сибири их просто больше, так что все должно быть проще — поехали! И что вы думаете? Безрассудству везет...

Я уже возвращался по засыпанному снегом зимнику к шоссе, как вдруг увидел на обочине крупные рваные следы-трезубцы — глухари! Ну-ка, ну-ка?.. Прошел по наброду метров триста и — какая вспыхнула радость! — несколько раз увидел, что петух легко, в два-три пера, расписался на пороше крыльями. Я же говорил!.. Непонятно, правда, откуда он тут взялся: мелкий осинничек-березничек вокруг никак не соответствовал моему представлению о настоящем токовище — для глухариного действия потребен корабельный бор, по крайней мере окрайка мохово-

го болота. Местность же вокруг никак не укладывалась в привычные представления. Однако и «черты» — вернейший признак... Правда, кое-где сквозь голый осинник просматривались темные хвойные куртины. Да и выбора у меня не было. Так что решил обязательно побывать на этом месте в пору весенней охоты.

Сезон в тот год открыли, кажется, с первого мая. Когда я накануне поделился планами с одним из новых приятелей, тот удивился: «В тайгу?.. — (Это я позже усвоил, что тайгой здесь называют любой лес, даже такой осинничек-жердняк). — Да там еще снега по пояс!» — «Как это по пояс... А зачем открыли охоту?» — «Так срок же поутке, как раз речки вскрываются, самый пролет. А в тайге...»

Разумеется, я ему не поверил. По пояс... В городе уже отбушевали ручьи великой талицы, по набережной носились артельки скворцов, суетились трясогузки, в газонах на пригреве лезли первые кончики зеленой травы. По пояс... Может, он имел в виду настоящую далекую тайгу? Весна торжествовала вокруг наглядно и несомненно. По дороге я улыбался, вспоминая предостережения своего скептика: под городом поля прели, и на них выползли первые нетерпеливые трактора. «Боронят уже, Витя, боронят, глянь! А ты меня пугал».

Но в коренном лесу все показало иначе. Дороги имели вид совершенно... скажем так, мартовский — с ручьями в ледяных руслах, по сторонам царили глухие нетронутые сугробы. До места я проехал, но о том, чтобы свернуть на обочину, думать было нечего. Странно все-таки ведет себя весна в Сибири... Пришлось машину оставить прямо в колее, раскидывать рядом снег, чтобы разложить костер. Допустим, у меня надувной матрац и спальник мешок — переночую. Но как охотиться в таком зимнем пейзаже? Я был в полном недоумении. Да что теперь сомневаться, приехал — надо действовать, обстановка сама подскажет. Прежде всего вечером сходить на подслух, он может многое прояснить.

От сосновых куртин, где в марте попался след с «чертами», было недалеко. Я отошел от машины с полкилометра и... увидел глухариные тройчатки поперек дороги! Ага, все-таки я не ошибся в мартовском поезде — не подвел меня глухариный опыт! Мощные глубокие на талом снегу отпечатки деловито уходили в глубь осинника именно в том направлении, которое и предполагалось. По талому — значит, незадолго передо мной. А там, в соснах, он вспорхнет и усядется на излюбленное дерево, станет ждать рассвета. Все правильно («все по пути», — недавно услышал я от одного здешнего старика). Хотя, конечно, этот снег вокруг... Непривычно. На Вятке нередко бывало, глухарь на закате прилетит, усядется в сосновую маковку да еще и пощелкает — как-то собенно «крэкает». А то и пустить несколько настоящих песен

с полным набором колен — как будто с вечера разминается, готовясь к большому утреннему концерту. На Вятке! Там мы охотились, когда снег полностью сходил, — ну, случалось, застанешь в бору белый «черепок». А тут... Все же я как-то не представлял себе, чтобы мошник зашел в зимнем лесу. (Впрочем, здесь и слова такого нет — «мошник», не употребляют, зато глухарок все называют копалухами.) Ладно посидел я на обочине дороги у следа, послушал, пофантазировал — свою зорьку оттоковал, можно возвращаться на стан, готовить торжественный ужин в честь открытия сезона. За ночь оттаявшую снежную поверхность должно прихватить — по насту я к нему и по-дойду.

Однако утро принесло еще одно разочарование: заморозило лишь тонкую корку снега, ровно настолько, чтобы сотворить ужасный хруст при ходьбе. И если бы дело ограничивалось одним этим шумом. На каждом шагу я проваливался по самое... покуда можно проваливаться. Но главное злодейство состояло в том, что проваливался не сразу. Вытаскиваешь из глубины ногу, задираешь, как кажется, поднимая, держит. Но стоит опереться на нее, обязательно обрушишься. Не ходьба — изощренная пытка. Шагов пятьсот отделяло меня от сосен, и все — словно по бесконечной крутой лестнице в пятьсот ступеней. Мучение и только. Да еще на каждом шагу — надрывный дрыг, нестерпимый грохот. Сделаю шаг-другой — настороженно замру, отдыхаю и прислушиваюсь. В результате к соснам добрался, когда уже рассвело. Совершенно стало безнадежное занятие: с таким гроном да на свету — какой может быть подход?! Я понял, что заря пропала, неудача полнейшая. Главное, непонятно, как вообще себя вести в этих условиях?! И уехал бы в тот же день домой, если бы вдруг не увидел глухаря.

Уже совсем рассвело, я отдыхивался, привалившись к шершавому стволу, в этот момент послышалось мощное хлопанье крыльев и недалеко впереди в кудлатую зеленую верхушку сосны уселся огромный петух. Я замер... Он тоже сперва окаменел, прислушиваясь, потом зашевелился, стал по-куринному нырять шеей. Наконец несколь-

ко раз осторожно кэркнул, снова прислушался, пощелкал... И — вот оно! «Тэк, тэк, тэк, дк-дкдк...» Величаво распустил веером хвост, вскинул голову — поет! Я же говорил, говорил, что должен быть ток — по времени им пора! Вот еще одно колено выдал, третье... Ха, сам прилетел и сел на виду!

А он тем временем вдруг «сложился» в будничное обличье и принялся... общипывать сосновую хвою вокруг. Нечего сказать, хорош рыцарь! Страсть, мол, страстью, а жрать тоже хочется, час уже поздний. И копалух вокруг не слышно. (Да какие ж сейчас копалухи — им ведь о гнездах положено думать, а вокруг непочатые снега!) И все же он токовал. Не яро, не взалхлеб, но токовал. В общем, полчуда мне пока выпало. Но получилось, что надо было еще раз попытать счастья — завтра на рассвете. Теперь я и его сосну знал, и след к ней по глубокому снегу пробил — доберусь без мучений.

Весь день я на стане неторопливо занимался хозяйством, а больше глазел вокруг, прислушивался-принюхивался к необычной обстановке снежной весны. Все было внове. Хотя вокруг простирался мир девственно белых, уверенных в своей мощи снегов, во всем уже ощущалось, что лес не совсем зимний. Утром где-то долго и надсадно ухал голубь — оказывается, витютни прилетают, когда проталинами еще и не пахнет. Интересно... По березам перелетывали суелливые дрозды, над белой поляной парил задумчивый канюк. А дятлы барабанили! Словно войска собирались окрест на решительную битву. Безусловно, их звонкие трели — один из самых заметных голосов весны, будоражащих душу и создающих особое торжественно-ликующее настроение. Но в момент глухариного тока!.. Одно из самых сокровенных чудес весеннего леса — тихая ворожба лесного монаха в таинственный час темноты. Это мы так говорим — поет, на самом деле он просто бормочет сам с собой — так шепчут молит-

ву... И тут как грянет спросонья ранний дятел в свой громогласный барабан: **дрр-рр!** По всей повадке видно — фанат тяжелого рока: ну не способен он понять, что рядом — священнодействуют!

Надо заметить, голоса у дятлов разные. Вон в стороне какой-то пускает трели нежные, переливчатые, словно выбрал для игры звонкий ксилофон: **трррр!.. трррр!..** Экий меломан. А справа в осиннике другой — как даст-даст! Будто там не птица величиной с кулак, а медведь забавляется с расщепиной, ствол повдоль раздирает — до того мощный утробным голосом рычит дерево. Еще из одного угла доносится глухое бормотание какое-то, словно на весь мир обиженного буки...

Говорят, по этим серенадам дятлихи выбирают себе «дрюлю» — с кем вместе строить дупло и выращивать деток. Странно, неужели у них семейное счастье зависит от того, кому какой достался сук?.. Хотя... Ведь дятлы сами выбирают себе лесины — музыкальные инструменты. Вот и сказываются пристрастия каждого: этот весельчак, а тот угрюмый. А весельчак-то, глядишь, певун да плясун, только в семейном вопросе ветрогон. Зато мрачноватый ворчун — домовитый трудяга. Вот и попробуй выбери судьбу. Впрочем, дятлихи, поди, прелестно во всей этой музыке разбираются.

Вот бы и мне разобраться в своих проблемах: глухарь есть и уже поет (при сплошных снегах!). Но как к нему подступиться? В прямом, так сказать, и в переносном смысле... Из-за наста на ходу такой хряст и рык — никогда не подойди, он ведь меня раза в три дальше засечет. Стало быть, вариант один: прийти затемно, за час до рассвета, прищипиться и ждать. А когда он распоется, под «точение» можно шагать хоть по железной крыше. Так что жарь, топи, солнце, весь день зимний снег, но пошли, ночь, с вечера морозца! Чтобы на рассвете наст держал поверху, тогда я — хозяин положения.

Видать, услышал лесной бог мои молитвы — ледяную броню (позже я узнал: старые сибиряки называют ее чирем) перед рассветом заковал колом! Когда я в темноте отправился на ток, то сперва для верности старался пользоваться своим протоптаным накануне следом. Но он так затвердел, что шагать по нему было совершенно невозможно: ямки глубокие, жесткие и с «развалом» наоборот (я же шел навстречу своим утренним шагам), с косяпиной вовнутрь. Да и не было в этом никакой необходимости: твердая крыша абсолютно уверенно держала мой вес. До нужного места, с которого группа сосен обозначилась сквозь осинник, пошел легко и быстро. Нашел поваленное дерево, уселся удобнее и стал слушать тишину.

Но лесной бог, наверное, подшутил, выполняя мою просьбу. Мороз-воевода в то утро был до того свиреп, что вскоре стало ясно: долго мне тут не высидеть. Одет ведь был на обычную ходьбу, а главное — ноги... Надо быть совершенным болваном, чтобы отправиться, скажем, на подледную рыбалку в резиновых сапогах, а получилось-то оно самое! Меня скоро начал бить колотун, лапы в проклятой резине вовсе онемели. Но и уходить было глупо, уже заметно светлело, и пару раз мне мерещилось в глубине осинника — что-то вроде пощелкивало, подозрительно шелестело. Как вдруг я оглянулся назад и — вон он, глухарь, черный баран на белом лугу...

По дороге домой, уже сидя за рулем, я пытался осмыслить итоги пережитого в этой поездке. В общем, завершилась она поражением. И недоумением. Ток-то я обнаружил, но все на нем происходит не так, как представлял раньше, не по известному классическому сценарию. Настоящих вечерних слеток пока нет — подслух отпадает. Да и утром не сидят на излюбленных соснах — гуляют себе по снегу «припеваючи», а к такому бродячему певцу-менестрелю обычным манером не подойти. Тем более что на снегу светлее — все происходит на виду... Ждать, когда сойдет снег? К тому времени закроется короткий сезон охоты. В общем, вопрос, «рек-бус», как выражался когда-то эстрадный юморист. А я был так уверен, что все знаю о глухарьих токах!

Обычная, надо признать, ошибка возраста: молодым всегда кажется, что

они уже все постигли и самого старика Бога за бороду ухватили — отстаньте вы со своим древним опытом, надоели бесконечные поучения! (Ха, вот даже понял, что сам уже не молодой. Мудрею...) Только непонятно, что дальше делать?

В ту первую весну я больше на глухарей не поехал: не только от растерянности, но и хотелось захватить сразу побольше новых впечатлений. А когда в конце следующей зимы снова принялись беречь душу мечты о предстоящем весеннем сезоне, начал снова и снова возвращаться мыслью к своему глухариному току. За год я уже кое-что узнал об особенностях сибирской природы, начал на деле понимать. Например, характер здешних весен. Прямо сказать, ну о-очень своеобразный.

Совершенно невозможно, сидя дома, угадать, что там на самом деле происходит. Думаешь, рассчитываешь, воображаешь. А приезжаешь на место — словно в другую страну. Или непостоянство здешней погоды, переменчивость просто невероятная! Никакие приметы не действуют. Не редкость, за три дня в тайге — три разных «весны». Ах, какая же ты у нас красота! Неверная! Я сперва переживал: поздняя нынче выдалась весна, затяжная, всю душу извела. А она не поздняя — просто сибирская, здесь все такие. Кое-что новенькое я к предстоящему сезону все же надумал. Но об этом чуть позже...

Зная, что машину пришлось бы бросить на дороге без присмотра, отправился на этот раз рейсовым автобусом. От поселка по зимнику прошел нормально, хотя рюкзак был увесист. Последний участок предстояло одолеть лесом (по местному выражению — «ломить в целик»). Там и оставалось-то недалеко, но... Шапку сразу скинул, над головой клубился пар, словно вывалился из бани. И назад повернуть с полпути глупо. Я чертыхался, мучился, проклинал свой авантюризм, однако медленно шагал и шагал. К концу пути физически ощущал, что похудел на несколько килограммов. Но все же доплелся к намеченному месту. Между прочим, в этот раз понял смысл старинного сибирского пожелания отъезжающим: «Путь вам дорогою!» Раньше думал: тавтология какая-то! Ан нет. Путь — дорогою: а то ведь можно угодить, как я сегодня.

Разгреб снег до рыжей травы, набросал на нее хвояных лап, принялся ставить палатку, однако колышки не лезли в каменно-мерзлую землю, пришлось кое-как привязывать растяжки к окрестным ветвям. Ночью, естественно, принялся давить мороз, да что-то уж больно круто. Но примус тихо фырчал в углу палатки синим спиртовым пламенем, тепло быстро разлилось по всему внутреннему пространству, хотя стенки и пол оставались ледяными. Над вершинами деревьев яростно сияла космически стылая луна, в лесу было светло от сверкающего снега. Рассвет

пришел зимний... Ну какая может быть глухарина охота? Неторопливо напившись чаю, я на восходе отправился погулять.

А они, оказывается, токовали! Ночная пороша открыла мне такое, чего я и предположить не мог. Вспомнил даже слова одного классика: вдохновение в творчестве — это такое состояние, когда вдруг становится ясным все, что раньше в замыслах было смутно и неопределенно. Я подумал: и пороша — это как вдохновение в природе, все становится наглядно видимым и понятным!

Вот утренняя глухарин след. Какое-то время петух просто шел, но вдруг начал манерничать: расстояние между крестами стало вдвое больше — словно он принялся мерить поляну шагами. А затем засемянил, засемянил, ставя лапы вплотную одна к другой, и по бокам непрерывной крестовой строчки появились борозды от волочащихся крыльев. Его походка менялась в зависимости от колена токовой песни! И вдруг на пороше — мощный удар обоих крыльев, след прервался на несколько моих шагов: тут он вспархивал, громко хлопаясь в воздухе. Токовал мой родной петя-петушок, токовал, и не как-нибудь, а по полной программе! По морозцу, на непорочно белой зимней пороше. И если бы я пришел раньше, то...

Нет, все равно по громоподобному насту да на свету к нему не подойти. Кабы сидел на дереве, и то сложно, а так — вообще... Единственный вариант — сегодня, используя порошу, определить самые любимые их уголки, а потом приходиться затемно — ждать. Да-а, любопытное это занятие — ток по насту: все необычно, требует новых собственных решений. Но этим-то и особенно интересно! Короче, за утро я обошел всю округу, все, что надо, увидел и на этот раз, кажется, действительно все понял, сообразил всю систему непривычной охоты. Теперь держись, глухарь!

На следующее утро я отправился на настоящую охоту, обуреваемый жадой реванша за предыдущие поражения, и с холодной решимостью: победить! К заранее намеченным соснам пришел спокойно, уселся на повалину и притих. На этот раз я мороз презирал: на мне были чулки из собачины и бахилы, меховая жилетка, даже рукавицы-мохнатки, которые постелил поверх мерзлого бревна, чтобы снизу не студило, — тепла принес с собой с запасом! К тому же при мне было «новое секретное оружие».

Мысль моя перед поездкой развивалась так: по насту ходить «шарковито» (еще одно подхваченное сибирское словечко — такие они попадают сочные!) А вот мы вооружимся... слуховым аппаратом. Почему можно вооружить зрение прищепленной оптикой и не помочь слуху тоже технически? И вот — маленькая такая коробочка в форме продолговатого пельменя, которая закладывается за ухо, а короткая тру-

бочка от нее помещается в ушное отверстие. Щелк! — тронул рычажок-включатель, и... молчаливый предрасветный лес вокруг вздохнул легким ровным шумком. Откуда шумок? — ни дуновения нет в этот мертвый час. Легкий, равномерный, иногда со слабым пощелкиванием... А-а, да это радиоприемник, который дает любой приемник! К тому же, пропустив живые звуки леса через электронную схему, он лишил их натуральности непосредственного восприятия. Разница получалась, как если бы слушать живого зайчика на заливной солнцем поляне или — дома с пластинки «Голоса птиц». Позже обнаружили и другие свойства прибора...

Когда в лесу принялось, как тут говорят, отбеливать на востоке (или я еще слышал: «начало зориться»), мне стало нет-нет чудиться, будто в маленькой слуховой коробочке завелась какая-то насекомина и затеяла пощелкивать внутри уха легкочко, но настойчиво. Звуки были непривычно мелкие, но умом я сразу сообразил: в этом месте в такую пору ничего иного просто не может быть! Глухарь... Попытался выключить аппарат, чтобы убедиться вьяве, но уши будто заложило ватой. Пришлось снова двинуть рычажок. Да, явно пощелкивает и явно глухарь. Я утвердился в этом решении по несомненному ритму, которого не могло быть у любого случайного источника. Теперь нужно определить направление.

Но как раз этого-то я не мог сделать с помощью своей техники! Не было у нее такой простой способности, не предусматривалась конструкцией! Я медленно поворачивал голову то вправо, то влево «до отказа» — пощелкивания внутри уха раздавались одинаково тихо. Вот так штука, подобного подвоха я не ожидал. А пощелкивания в ухе не умолкали, и ритм был — хорошо знакомой мне глухариной песни. И что же теперь делать? Полчаса сжучу, кручу головой, как филин на суку, а ничего не могу предпринять. И время уходит, самая лучшая сумеречная пора.

Та-ак попробуем рассуждать логично. Слышно его все время одинаково, значит, сидит на дереве. Самая заметная кучка сосен поблизости находится вон в том направлении, хотя виднеются еще и разбросанные порознь... Что ж, придется рисковать. Надо тихонько, но немедленно подвигаться к соснам. Распелся он уже азартно, «капанье» слышу хорошо, а за ним должно следовать «точенье», когда можно шагать. Пока второго колена аппарат не берет, но я могу довообразить его по ритму песни. Риск несомненный, да иного ничего не придумать.

Шагаю... К глухарю — под песню! Странная, конечно, песня — «искусственная». Но шагаю! Настик предательски крошится под ногами: хрыч, хры, хры... Очень рискованно идти под полпесни... А тут еще и ритм ее почему-то стал сбиваться. «Т-к, т-к, т-к...» — и вдруг вместо положенной

паузы, когда он «точит», снова: «Т-к, т-к, т-к...» Что за ерунда такая?!

Если б я все слышал без аппарата! Сразу бы понял: просто их стало два, поют, перебивая и подзадоривая друг друга. Да и звуки доносились бы с разных направлений. А так... Кончилось тем, чем и должно было: донесся один громкий звук взлета, чуть спустя — второй... Испортил зорю, распугал то-кующих, э-хо-хо! Не получается у меня по насту, все проверенные классические правила не срабатывают, а своих новых не могу сообразить...

Совсем рассвело, петухов я разогнал — можно шагать спокойно. Пропала заря. Теперь долгий весенний день придется бездельничать на стане в ожидании следующего утра, э-хо-хоо... Одно утешение: в запасе еще есть время, и я, наконец, все, все знаю! Ну не может быть, чтобы не повезло наконец, хотя бы в награду за мою настойчивость! До чего докатился, на авось стал надеяться. А что такое авось? На счастье осталась надежда, на счастье! (Русский-то авось, выходит, синоним русскому счастью?) А без счастья, как известно, «и по грибы не ходи». Тем более на глухариный ток. Охота она и есть охота.

День тянулся в ожидании вечера. (Живу от зари до зари, сам — как глухарь сейчас, только и жду заката-восхода.) А тем временем принялся подшумливать веселый весенний ветерок, все упруге и настойчивее. Ветер был молодой и сырой, как в мартовскую оттепель. Голые деревья раскачивались вокруг и роптали; березы, словно в мольбе, простирали гибкие ветви в одном направлении, покорные ветру; сучья вокруг постукивали, поскрипывали. Ветер дул, дул, и к сумеркам надул-таки снег — сырой весенний буранчик с крупными мохнатыми хлопьями. Он принес в мою душу тихое отчаяние: всякие надежды на утренний ток пропали. Эх, весна ты, весна сибирская...

Видимо, ближе к середине ночи ветер выдохся. Я проснулся — не от холода, а от тишины. Не шевелясь, лежал в плотной темени палатки и, прислушиваясь, улавливал пухово-легкий шорох снежинок по натянутой парусине. Наверное, там теперь все засыпало... и костер завалило. Еще одна заря пропала. Но досадовать на природу и возмущаться бесполезно — себе дороже. Зато выплусь от души, снегопад теплый, и торопиться некуда. Повернувшись на другой бок, снова заснул.

И привиделся мне огромный черный глухарина на белой поляне. Он молча принимал все положенные ритуальные позы, расхаживал, подпрыгивал, важничал хвостом и все передо мной, никуда не уходя. Я наблюдал представление довольно равнодушно: «А! Это мы все видели. Ты вот запой, запой понастоящему!»

И он запел... Сначала редко, неохотно, затем все более распаяясь и впадая в раж. Как он пел! Жарил раз за

разом без передыху. Я даже проснулся от волнения.

В палатке по-прежнему темно, вокруг немая тишина, и... «дак, дак, дк-дк-дк-тщжж...». Поет. Ффу, до галлюцинаций докатился с этими глухарями. Вот снова «ддак, дак, дк-дк-дк...». Токует! Наваждение какое-то. Не может ведь такого быть? Не может... Но я же

не сплю, не сплю — вот, специально, глазами поморгал, рукой шевельнул — не сплю. А глухарь токует, жарит песню за песней. Да что же это за чудо, в самом деле? Где-то совсем рядом от палатки... Невероятно. Но поет! Несколькими отдельными сосен вокруг стана разбросаны, я ходил к ним за сучьями... (Начинаю всерьез думать, что токует рядом?! Ну, дошел...) Когда ж он появился? Что ток здесь «нестационарный», я уже понял: меняют они места. И мог он прилететь или прийти перед рассветом. Выходит, сейчас за стенками палатки уже светает? Какого же дьявола я тут разлеживаю?!

Наверняка кто-нибудь не поверит: мне пришлось «под песню» выкарабкиваться из спальника, одеваться, натягивать ботинки, «под песню» заряжать в палатке ружье, расстегивать створки выхода... От засыпанного снегом костра до сосны, под которую после выстрела рухнул на порошу петух, было ровно 83 шага. Половину из них я проскакал — под песню! — пока не увидел его на фоне посеревшего неба. Снег, правда, сверху уже не валил, он лежал окрест белой и сырой теплой новинкой, оставившей печатные следы.

Чудо? Несомненно. Обыкновенное дело: настоящая охота полна чудес — потому она и охота. Ну, правда, и сам я в некотором роде заслужил его своей «преданностью идее». Конечно, все не так, как в Европе. Но если очень захотеть, если постараться! По крайней мере, вот хоть чудо выручит. Охота она и есть охота!

А что касается снега... Да не ждет тут никто, пока он, наконец, весь сойдет! Шагаешь лесной дорогой — сбоку вытаяла верхушка муравейного холма; я сперва собственным глазам не верил: вокруг сугробы по колена, а мураши выбрались, вяло шевелятся темно-ко-

ричевой шубой. Стоит береза «по щиколотку» в снеговой лунке — из расщелины в белой коре сочатся светлые капли. Бабочки-крапивницы порхают над белыми сверкающими просторами, вялые пауки ползают на поверхности. Даже вальдшнепы начинают тянуть, когда в осинниках еще и проталин нет, — кто бы сказал, сам не поверил.

И такое случилось: настоящая гроза с громом и молнией — помните, как у Тютчева: «Люблю... в начале мая!» Только громокипящий кубок с неба низвергся густым бураном. И после него картинка: стоит небесно-синяя медуница в обтаявшей вокруг фарфоровой чашечке из снега... Вся весна у нас тут на снегу. А чего ждать-то, сколько еще терпеть? Нет уж, мы и на нем свое отпьем! После растает, куда он денется.

Вот он, глухарина, свершилось! (Господи, какая же у него толстая шея — еле обхватываю ладонью...) Торчать на стане в самую пору утреннего ликования, когда вот-вот взойдет солнце? Не хочу. Пойду поброжу, буду дышать полной грудью этим сырым снеговым воздухом, слушать птиц, поживу утро лесом, весенней радостью! Неторопливо, вкусно похрупявая сапогами по сырой пороше, я направился к тем соснам, у которых переживал вчера рассвет со слуховым аппаратом. Вот и мое бревно, присядем, покурим...

Ага, я же говорил! Опять поет петух в соснах, поет! Все как положено: щелкает, «точит», вовсю наяривает. Жив, жив мой ток!

Радость от этого чувства — ты уходишь, а песня после тебя на земле остается! — показалась мне ничуть не меньше, чем восторг, вызванный первой, такой чудесной победой сегодняшнего утра.

Рисунки Б. Игнатьева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Управление популяциями охотничьих животных. Киров: ПА СХН, ВНИИ-ОЗ, 1999. — 500 экз. 210 с.

Цель издания — подведение итогов изучения проблемы управления популяциями видов охотничьих зверей и птиц за предыдущие годы исследований силами сотрудников ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова. Проблема характеризуется в историческом и теоретическом аспектах. Подробно излагаются современные достижения по каждому изучавшемуся виду. Дано описание путей и методов управления популяциями 14 пушных зверей и лося, двух видов птиц и группы водоплавающих. Наиболее полно характеризуются соболя, лесная куница, горностай, ондатра, сурки, бобр, белка и лось.

Авторы привлекли и обобщили широкий круг зарубежных публикаций по изучавшемуся вопросу и отечественных работ, а также полный объем собственных исследований. Часть описанных и проанализированных способов управления популяциями была апробирована в практике охотничьего хозяйства. По каждому виду даются выводы о возможности управления популяциями в ходе промысла и рекомендации по их применению в современных условиях охотничьего хозяйства.

Дежкин В. В., Пузаченко Ю. Г. **Концепция системы особо охраняемых природных территорий России (авторская версия).** М.: Всемирный Фонд дикой природы, 1999. — 500 экз. 67 стр.

Описаны цели и функции системы особо охраняемых природных территорий России (заповедники, национальные парки, заказники, памятники природы и другие); охарактеризована существующая сеть и функциональная структура. Рассматриваются проблемы, связанные с планированием и организацией системы ООПТ, основные принципы управления природными комплексами, схема организации охраны ООПТ. Значительное внимание уделено экологическому мониторингу, организации рекреации и экологического туризма и экологического образования на базе ООПТ. Оценены возможности и перспективы участия ООПТ в реализации концепции «Устойчивое развитие» и их интеграции в региональную, международную системы сбора и обобщения информации.

Тарабановский А. **Справочная книга общества охотников Астраханского края.** Ч. I. Астрахань: ГУП ИПК «Волга», 1999. 1500 экз. 95 с.

Автор, председатель правления АОООР, знакомит с законодательными актами, связанными с охотой, с уставом организации и некоторыми страницами из ее истории, с охотничьими угодьями Астраханской области, животным миром, их населяющим.

Американская норка, окраска темно-коричневая, белое пятно обычно захватывает только подбородок и нижнюю губу

В связи с тем, что в печати периодически появляются статьи о катастрофическом положении европейской норки, хотелось бы высказать свои соображения о современном распространении, численности и местах обитания этого вида в Верховажском районе Вологодской области.

Мне довелось ряд лет работать штатным промысловым охотником. Начитавшись различной литературы, я считал, что европейская норка у нас уже исчезла, по крайней мере в тех угодьях, где я охотился. Однако первая же добытая мной норка оказалась европейской. Как охотник-промысловик, я был заинтересован, чтобы у нас появилась американская норка, так как считал, что она более пластична и может достигать большей плотности населения, чем европейская. В западных районах области, как мне было известно, американская норка появилась и местами стала многочисленной.

Когда я освоил способы промысла этого зверька, оказалось, что в моих угодьях встречается норка только европейского вида и что она совсем не редка. В отдельные сезоны, в зависимости от погодных условий, добывал от 7 до 18 норок. Желая убедиться, не появился ли американский вид, я регулярно просматривал шкурки норок, добытых другими охотниками: в период с 1983 г. ни одной шкурки американской норки в заготовки не поступало. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в Верховажском районе обитает только аборигенный вид.

О численности промысловых зверей, насколько мне известно, судят по заготовкам их шкурок. Действительно, заготовки норки в последние годы у нас снизились, но причина этому не столько в снижении численности зверька, сколько в отсутствии квалифицированных промысловиков и малой заинтере-

сованности охотников, связанной с низкими заготовительными ценами.

В настоящее время сроки охоты строго регламентированы и промысел открывают, как правило, незадолго до ледостава, а то и после него, когда зверьки, пользуясь пуштоледицами и норами бобров, реже появляются на поверхности. Это одна из причин снижения заготовок норки.

По словам старых охотников-норчатников, численность норки в районе

зверька, обычно же одна норка встречается на 2—4 км реки или ручья.

Гон у норки в Верховажском районе начинается в конце марта — начале апреля. О количестве молодняка в выводке и сроках их появления у меня данных нет. Достоверно известен лишь один случай, когда норка принесла потомство в подвале дома в заречной части с. Верховажья вблизи мелкого ручья. Когда молодые подросли и начали выходить из гнезда, их оказалось шестеро.

НОРКА В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А. САВИНСКИЙ

Европейская норка — аборигенный вид Верховажского района

если и снизилась, то основная причина тому — не промысел, а резкое сокращение мест, пригодных для обитания вида. Сплошные рубки леса на больших площадях вызывают обмеление рек, захламление и усыхание мелких ручьев, что наряду с загрязнениями водоемов стоками неорганических удобрений приводит к сокращению, а местами к полному исчезновению рыбы. Кроме того, вследствие вырубki лесов снеготаяние происходит очень бурно и, по моему мнению, в годы сильных паводков молодняк норки гибнет. Замечено, что после дружной и бурной весны численность норки снижается.

В Верховажском районе норка предпочитает неширокие лесные речки с каменистым дном, омутками и перекатами. Такие речки питаются подземными ключами, и даже в сильные морозы в ледовом покрове остаются пропарины и свободный доступ к воде. Норка находит здесь много удобных убежищ в виде нагромождения валежника, пустот под подмытыми берегами и корнями деревьев. С появлением в районе бобров условия для обитания норки улучшились, так как в бобровых прудах сохраняется рыба, а многочисленные норы служат хорошими убежищами. Между выдрой, обитающей в этих же местах, и европейской норкой антагонизм не наблюдается.

В лучших местах обитания плотность норки достаточно высока: на 1 км береговой линии можно встретить 2—3

Известны случаи скрещивания норки с лесным хорем. Мною добыт зверек, который на пушно-меховой базе признан помесью между норкой и хорем. По внешним признакам он больше напоминает норку: верхняя и нижняя губы были чисто-белыми, как у норки, общий окрас коричневатый, рыжеватый подшерсток длиннее, чем у норки, но короче, чем у хоря, маска на мордочке выражена слабо. По повадкам этот зверек тоже больше напоминал норку, был добыт в пуштоледице и на поверхность не появлялся. По словам охотников, им тоже приходилось добывать зверьков такой необычной окраски. В последние годы в Верховажском районе численность хоря возрастает, и он часто попадает в самоловы, установленные на норку.

Может быть, я несколько сгустил краски, описывая современное состояние охотничьих угодий. В настоящее время в районе намечаются положительные изменения. Теперь без разрешения Комитета по экологии невозможно появление новых объектов без соответствующих очистных сооружений, наводится порядок и в лесозаготовках. Если в дальнейшем будет соблюдаться природоохранное законодательство, можно ожидать, что по мере зарастания вырубок и восстановления водосборных площадей мелких водотоков условия обитания норки улучшатся.

Фото Ю. Терновской

«И ДРУГОГО СЧАСТЬЯ МНЕ НЕ НАДО...»

Карина САВЕЛЬЕВА

Знакомство с Марией Леонидовной Кузнецовой началось с ее охотничьих стихов в сборнике «Лес, судьба моя». Он вышел к 200-летию Лесного Департамента России и представляет поэтическое творчество сотрудников Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. Уникальное издание, тираж всего — 500 экземпляров!

Мария Кузнецова, пишущая охотничьи стихи, не может не быть охотницей, решила я. Женщина с ружьем и гончим псом на охотничьей тропе — об этом я еще не писала. А почему бы и нет? Сегодня представительницы «слабого» пола выходят на футбольные и хоккейные поля, выступают на боксерских рингах; в лесу, поле и на болоте потеснить мужчин-охотников им сам Бог велел. Поэт-ученый Мария Кузнецова пишет очень хорошие стихи, видит и слышит мир природы по-своему и сказать о нем может так, как мы с вами вряд ли сможем: поэтическим даром она награждена от рождения.

— Прочтите что-нибудь, Мария Леонидовна, и пусть сегодня в каждом подходящем случае звучат стихи. Получится беседа со стихами, — как женский праздник со свечами.

— Может быть, с этого начать?

Косым лучом пронзенные насквозь,
Не больше двухкопеечной монетки,
Листочки ароматные берез
Фонариками облепили ветки.
Сквозь них пойду на золотой закат,
Разбрызгивая солнечные лужи,
В мой лес, что птичьим гомоном

объят

И снегом нежных ветрениц

простужен.

Я растворюсь в прекрасном далеке,
Как исчезает облачко тумана,
Судьбу прочтет мне ветер по руке,
Ручей расскажет сказку без обмана.
Я скину ношу тяжкую забот
И стану леса маленькой частицей —
Цветком фиалки, отраженьем вод,
Лучом закатым на летящей птице.
Я все пойму до тонкого штриха,
Все разгляжу до высохшей былинки,
Расслышу шорох крыльев мотылька
И землю раздвигающей травинки.
Когда ж погаснет небо надо мной,
Протянет вальдшнеп (сумерки

близки),

Я упаду вечернею звездой
На серебро разлившейся реки.

— После такой музыки трудно переходить к прозе жизни, но пора... Биографические подробности придают беседе не-

Оборвался заячий бег,
И умолкла гона струна

которую определенность, будто разговариваешь с уже знакомым человеком. Расскажи мне немного о себе.

— Я родилась в Ленинграде в октябре 1963 года. Наша семья была связана с лесом, начиная с моего деда, профессора кафедры фитопатологии и древесиноведения Ленинградской лесотехнической академии. Мои родители, а потом я и мой муж, также окончили лесотехническую академию. Мама

работала научным сотрудником в НИИ лесного хозяйства, а отец — сначала в лесоустройстве, затем — в НИИ бумаги. После окончания академии я поступила по распределению в институт лесного хозяйства, где и работаю до сих пор научным сотрудником в лаборатории национальных парков.

— «Лесные корни», по всему видно, уходят глубоко. Значит ли это, что были в роду и охотники — такая естественная связь?

— Мой отец со студенческих лет страстно увлекался охотой, не ослабла его любовь к ней и по сей день. Когда я училась в школе, он часто брал нас с мамой на вальдшнепиную тягу, на охоту с гончими на зайца, правда, тогда наше участие сводилось в основном к кипячению чая и ожиданию охотников у костра. Если же он ездил на охоту без нас, то, возвращаясь, очень живо и красочно делился своими впечатлениями. Я всегда с нетерпением ждала его, чтобы послушать очередной охотничий рассказ.

Каждое лето мы всей семьей уезжали в отпуск куда-нибудь в глушь, на берег озера (чаще всего в Псковскую область), где жили в палатках две-три недели, ловили рыбу и наблюдали за жизнью леса и его обитателей. Тогда, еще учась в школе, я и начала сочинять стихи, писала в основном о природе.

Поздней осенью прощальная улыбка,
Ясных дней прозрачный холодок,
По закрайкам речки тонкий, зыбкий
Лег стеклянной корочкой ледок.
На траве и на ветвях сияя,
Звездный свет оставил серебро.
Или это гуси, улетаая,
Обронили легкое перо?

— Какое время года и какую охоту вы особенно любите?

— Любимая охота — с гончими на зайца. Особенно люблю эту охоту осенью по чернотропу, когда в лесу уже не бывает людей (грибы и ягоды отошли). Тишину нарушает только пересвист синичьих стаяк, крик дятла да печальная перекличка последних гусиных стай. В это время в лесу особенно грустно, но печаль эта светлая, и она часто служила мне источником вдохновения. Хороша эта охота и по первой пороше, когда после мокрых серых дней лес словно обновляется. Каждая травинка, каждая веточка тонко очерчены таким белым, чистым и, кажется, ароматным снегом. И в морозный зимний денек, когда все сияет на солнце россыпями алмазных искр, особенно звонко льется песня гона и рыжая гончая так

ярко и радостно мелькает между стволами деревьев.

Гонный след заматает снег.

Вот и снова в лесу тишина.

Оборвался заячий бег,

И умолкла гона струна.

Грустно мне, и покоя нет,

День прошел — словно жизнь

прожита.

Здесь и мой заматает след,

Будто нет меня. Тишина.

Охота с гончими очень спортивна, целый день ходишь по лесу, узнаешь новые места. Когда же собаки поднимут зайца, их азарт передается охотникам, и тогда, забыв про усталость, бежишь напереперз гону, не замечая препятствий. Но не так-то легко найти в лесу зайца. Надо хорошо знать его повадки, знать местность, где охотиться. Особенно приятно встретить косоного не случайно, а заранее предугадать, где он должен пройти.

— А с кем и куда вы обычно ездите на охоту и давно ли официально оформили свои отношения с охотничьим обществом?

— В общество охотников я вступила на последнем курсе академии в 1986 году. На охоту мы ездим чаще всего вдвоем: мой отец, муж и я. На зайцев охотимся в Лисинском учебно-опытном лесхозе в 60 километрах от Санкт-Петербурга, ездим и под город Волхов в деревню с ласковым названием Любынь, туда же мы уезжаем и весной, чтобы постоять на тяге, побывать на глухарином току. Эти две охоты я тоже очень люблю. Обе они связаны с весной — моим любимым временем года, когда каждый день, каждый час все меняется в природе, пробуждается от зимнего сна и расцветает. Стоя на опушке на вальдшнепиной тяге или замерев среди деревьев на глухарином току, слушаешь, как засыпает или просыпается лес, и словно растворяешься в лесных сумерках, сливаешься с окружающей природой, становишься ее частью. Именно в эти минуты чаще всего и зарождаются первые строки новых стихов, приходят сами собой из прозрачного весеннего воздуха, из потайных уголков лесной чащи.

Заветною тропой иду на ток.

Костер мигнул и скрылся в темноте,

Он эту ночь мне скоротать помог,

Когда лишь филин ухал в тишине.

Глаза привыкли к сумеркам густым,

Все осторожней выбираю путь.

Вдруг хрустнешь невзначай сухом
сухим,

Недолго тишину в лесу спугнуть.

Вот и сосняк — вода, да кочки мха.

Насторожившись, слушаю рассвет,

Но сердца стук все заглушил пока,

И песня мне то чудится, то нет.

А рядом птичка пискнула спросонок,

И тонкой пленочкой оранжевой коры

Шуршит сосна, а песни звук так

тонок,

Под стать дыханью чуткому весны.

Вновь осторожно двигаюсь вперед,

Слышнее песня, не унять волненья.

Глухарь в весенних сумерках поет,
Ссылая дробь в аккорд точенья.

— Вы охотитесь много лет и серьезно — всей семьей, с собакой. Давно у вас в доме живут охотничьи собаки? Какие они?

— У моего отца их было три, все русские гончие. Первый выжлец — Рогдай — был самым азартным, чутыстым и неутомимым. Он обладал таким мастерством, такой вязкостью, что, если охотники, случалось, не могли взять зайца из-под гона, он сганивал его сам. Но характер у него был совсем не покладистый, и признавал он только моего отца. Благодаря своей необычайной злобности, ему удалось отбиться от волка, напавшего на него во время гона.

Вторая собака — Валдай. Он хоть и отличался неплохим чутьем, но был трусоват, любил себя и не перетруждался на охоте. Хорош был его голос, с заливом. Во время гона он переходил с высоких нот на низкие, и наоборот, казалось, что зайца гонят несколько собак.

Третьего выжлеца, с которым мы сейчас охотимся, зовут Шугай. Ему уже девять лет. Собака исключительно добрая и ласковая. Отличается удивительным «аристократизмом», гоняет только зайцев. Когда Шугаю предлагают, например, свежий лисий след, он смотрит с неподдельным удивлением. Затем, сделав над собой усилие, исключительно из уважения к хозяину пробегает по следу несколько метров. Потом оборачивается и, виновато помахав

хвостом, бросает след, чтобы снова заняться поисками единственного предмета своей охотничьей страсти — зайца.

— Постарайтесь вспомнить какой-нибудь курьезный или (не дай Бог) трагический случай из вашей охотничьей жизни.

— Курьезный случай произошел на охоте с моим мужем года два назад. Идя по лесу, мы увидели браконьерскую петлю на зайца, снег вокруг был утоптан несчастным животным, виднелась кровь и выдранная шерсть. Зверю чудом удалось выбраться из петли, но частые лежки со следами крови говорили о том, что он сильно пострадал. В это время Шугай поднял зайца и погнался, но недалеко. Гон словно замер на одном месте. Собака то неистово лаяла по зрячему, то как будто кашляла, затем все повторялось. Мой муж, как самый быстрый, первым добежал до собаки. Через некоторое время гон прекратился, и мы услышали его крик: «Дошел!» Оказывается, собака и заяц кружили вокруг большой заснеженной елки. Периодически Шугаю удавалось схватить зайца за «штаны», но в зубах оставалась лишь шерсть, от которой он отплевывался и мчался дальше. В такой ситуации стрелять было нельзя, и муж, изловчившись, прыгнул на зайца и поймал его. Как выяснилось, заяц вел себя так странно потому, что, вырываясь из петли, лишился одного глаза, да и второй, видимо, был поврежден. Вот так, голыми руками, был взят из-под гона заяц.

Отец Леонид Кузьмич и муж Евгений Николаевич около охотничьего домика в деревне Любынь

— Настало, кажется, время спросить о главном. Что дает вам охота? За что вы ее любите?

— Отвечу, не задумываясь. Люблю я ее за единение с природой, за возможность неторопливо и внимательно наблюдать за жизнью леса. Трофеи совсем не обязательны. Последнее время на глухариные тока, да часто и на тягу хожу без ружья, с фотоаппаратом или видеокамерой. Все меньше глухарей и вальдшнепов остается в наших лесах. Жалко стрелять.

Кроме того, охота — это дополнительный стимул выбраться в лес. Не всегда захочется в хмуром ноябре вставать ни свет ни заря, покидать уютный дом и ехать в продрогший, промокший лес. И только ради охоты выбираешься, несмотря ни на что, и никогда не жалеешь об этом. В лесу всегда увидишь что-то новое, каждый раз он щедро одарит впечатлениями, которые останутся на всю жизнь, наградит одной из своих сокровенных тайн, нужно только уметь увидеть и услышать и, конечно же, любить лес. Под сенью деревьев, в первозданной лесной тишине, словно в храме, отступают заботы и неприятности, душа обновляется, очищается от ненужных пустых мыслей, открывается для любви и добра.

Поседали дали от морозца,
Затвердели колеи дорог,
От опушки леса отдается
Бархатистым переливом рог.
Это ль не высокая награда —
Радость света, солнечного дня?
И другого счастья мне не надо,
Господи, благодарю тебя!

Мария КУЗНЕЦОВА

М. Л. Кузнецова с мужем после удачной охоты

Возвращаясь с охоты

Этот день нами прожит,
А не просто прошел.
Мы устали, быть может,
Только нам хорошо!

Солнце огненным шаром
Покатилось с небес,
Полыхнуло пожаром
И упало за лес.

Ели дышат покоем,
Снег еще розоват,
Пес бежит через поле
В золотистый закат.

Как в сиреновой дымке
Перелесок густой,
И в следы на тропинке
Вечер лег синевой.

Их цепочка теряется
Средь лесов и полей.
Все на свете кончается,
Уж, жалей-не жалей,

Но сквозь белые замети
Долгих зим, быстрых лет
На снегу нашей памяти
Этот день — синий след.

На току

Редее сумрак меж стволами,
Над лесом теплится рассвет,
Иду неслышными шагами,
А лес молчит и смотрит вслед.

Вдруг чутко сердце замирает —
Вдали удар, за ним еще,
И вот уж песня долетает
Призывно, страстно, горячо,

И, холодея от волненья,
Спешу на этот древний зов,
Под еле слышное точенье
Не пряча шороха шагов.

Он на земле. Скользит меж сосен,
Снег чертит сильное крыло.
Как благороден гордый профиль,
Одетый в черное перо!
То изваянем замирает,
Раскинув пышный хвост, плывет,
То вдруг, подпрыгнув, отлетает,
Или, кружась, поклоны бьет.

И кто увидел это чудо,
И слышал песню глухаря,
Поймет меня, когда я буду
В лесу встречать рождение дня.

На тяге

Еще на западе светлеет полоса,
Но все туманной леса очертанья,
Над головою гаснут небеса,
Чтоб снова вспыхнуть в звездном
трепетаньи.

Короткий час вечерней тишины.
Смолкает птиц ликующее пенье.
Как перебор серебряной струны,
Вдруг дрозд запел и смолк через
мгновенье.

Лишь в вышине невидимый бекас,
Бросаясь вниз и снова вверх взлетая,
Тоскует и зовет, в который раз
Таинственную трель из перьев
извлекая.

Но вот — чуть слышный
долгожданный звук!
Все ближе хорканье и тонкий резкий
свист.
И вальдшнеп протянул... И тишина
вокруг...
Чу! Почка лопнула и распускает лист.

Фото В.Муканова Здравствуй, весна!

Фотоконкурс «Охота и природа, 1999»

Итоги фотоконкурса «ОХОТА И ПРИРОДА, 1999»

Дорогие читатели, на наш очередной фотоконкурс поступило 292 цветных и черно=белых фотографии от 38 авторов из разных районов России.

Жюри фотоконкурса рассмотрело полученные работы и решило:

Две первые премии (по 1000 рублей) присудить:

А.Савченко за серии цветных фотоочерков: «К центру Азии», «Загадки глухариного тока», «Пять лет кафедре охотничьего ресурсосведения и заповедного дела», «Пернатый знаток».

В.Ерохину за серию цветных фотографий «Птицы нашей Родины»

Три вторых премии (по 500 руб.):

В.Оляку за серию цветных и черно=белых фотографий околотовдных и лесных птиц

С.Лысикову за цветные фотографии «Охота на Камчатке»

В.Муканову за фотоочерк «Охотничьими тропами»

Четыре третьих премии (по 300 руб.):

И.Лященко за цветные фотографии «Охота с лайками и гончими»

Ю.Данилевскому за пейзажные фотографии «В Приморском крае»

В.Новожилову за фотоочерк «С лайкой на кабана»

С.Зыкину за цветные натюрморты.

Мы благодарим всех участников фотоконкурса и в том числе тех, которые не были отмечены жюри, - их фотографии могут быть использованы в качестве иллюстраций к нашим публикациям.

Об условиях фотоконкурса 2000 года см. журнал № 1, 2000 г.

ПОЛТОРА ВЕКА ОХОТНИЧЬЕЙ ПЕРИОДИКИ

Михаил БУЛГАКОВ

«ОХОТНИЧЬЕ ДЕЛО» (1901—1903)

Недолговечное издание, появившееся на свет не из-за естественной потребности в нем, а в угоду издательской конкуренции. К началу века детища Л. П. Сабанеева «Природа и охота» и «Охотничья газета» стали утрачивать былые позиции, что и побудило редактора-издателя Н. В. Туркина изменить издательскую политику.

Ежемесячная газета «Охотничье дело» выходила в Москве с января 1901 года в

ряде своего читателя, собрал наиболее ходовые материалы из «Псовой и ружейной охоты» под новую обложку — и новый журнал готов. Цена — 1 руб. 50 коп. — общедоступная. Периодичность — ежемесячные выпуски (в 1905 году вышло 24 номера). Объем — 16 страниц увеличенного формата.

Прекрасным дополнением к тексту служили рисунки А. Н. Комарова и Э. Э. Лиссенера.

течение трех лет и была призвана освещать насущные проблемы российских охотников. Н. В. Туркин в программной статье подробно изложил задачи нового издания (подготовка и обсуждение охотничьего закона, борьба с засильем низкокачественного оружия иностранных фирм и т. д.), однако на деле вышло иначе. Содержание газеты представляло собой выборочные перепечатки из «Охотничьей газеты», иногда в сокращенном виде. Главным сотрудником «Охотничьего дела» стал сам редактор Н. В. Туркин, часть материалов печаталась вообще без указаний фамилий авторов.

Разумеется, компилятивная газета не заинтересовала читателей, даже при сравнительно невысокой подписной цене — 2 руб. на год. Любопытно, что, вопреки собственным декларациям, «Охотничье дело» регулярно помещало пространные рекламные объявления оружейного магазина А. В. Тарнопольского, который торговал по большей части дешевыми импортными ружьями и револьверами.

«ОХОТА» (1902—1906)

Отцом-основателем тульского журнала «Охота» был С. В. Озеров. Поскольку уже появились на свет недорогие издания («Охотничье дело», «Охотничий вестник»), издатель-редактор, чтобы не те-

После смерти С. В. Озерова (октябрь 1903 г.) права на издание его журналов перешли к И. К. Оппокову. Московское общество охоты выкупило у нового владельца «Псовую и ружейную охоту», но журнал «Охота» остался в ведении Оппокова и переехал из Тулы в Москву. «Пусть муравей несет только песчинку, но и она часть целого», — философски заметил Оппоков после заключения издательской сделки.

Редакционный «портфель» С. В. Озерова оказался настолько богатым, что новый хозяин журнала без особых забот прожил год-полтора. Сложности возникли, когда запасы материалов иссякли, а новых поступлений не предвиделось. Увы, Оппоков никаких заслуг и прочных связей в охотничьем мире не имел, и такие люди, как С. А. Бутурлин, В. М. Сысоев, А. П. Ивашенцов, В. В. Де-Коннор, Е. Т. Смирнов и другие, предпочли сотрудничать в других изданиях. Крах журнала усугубился скандальной тяжбой И. К. Оппокова с наследниками С. В. Озерова и редакцией «Псовой и ружейной охоты». Последняя претендовала на литературное и редакционное наследие С. В. Озерова и укоряла И. К. Оппокова в нарушении авторских прав, двуличности и корысти. В самом деле, Оппоков на страницах «Охоты» утверждал, что редакции «чужда трескучая реклама

и торгашеские заклинания», но из номера в номер помещал полосную рекламу оружейного магазина Р. Р. Роггена, который, в свою очередь, при покупке оружия гарантировал 5 % скидку подписчикам «Охоты».

Ничего аморального в подобной практике не было (а как же без спонсора-то!), однако для соратников и единомышленников покойного С. В. Озерова такое положение вещей воспринималось кощунством и забвением заветов легендарного псового охотника.

Если в 1904 году первый номер «Охоты» был отпечатан (правда, в рекламных целях) в количестве 20 тыс. экземпляров, то в дальнейшем редакция тираж не указывала, а в 1906 году вышло всего 9 номеров, после чего журнал тихо скончался.

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА» (1902—1906)

Эти небольшие (30—40 стр.) брошюры ежемесячно получали подписчики журнала «Охота» (см. выше), основанного С. В. Озеровым. Всего вышло 45 брошюр, и, собранные по годам, они составляют четыре книги.

Идея литературных приложений не была новаторской. Скажем, к иллюстрированному журналу «Нива» издатели ежегодно «прицепляли» многоотомные собрания сочинений русской и зарубежной классики. Новизна озеровских приложений была в том, что в них печаталась беллетристика исключительно охотничьего содержания. Издательские издержки были невелики, потому что, как правило, все рассказы и стихи одновременно публиковались в «Псовой и ружейной охоте». Зато, получив приложения, любители художественной литературы могли их переплести (обычное в те годы дело) и поставить на полку.

ХОЛОПЬЯ ПОСЛУГА

Е. Н. ОПОЧНИН

Книжечки не сразу, но постепенно украсили художественные заставки и концовки, и все-таки отсутствие полноценных иллюстраций, конечно же, обедняет это издание.

Уровень рассказов, помещенных в «Литературных приложениях», очень неравный. Так, наряду со стихами И. Бунина, прозой Е. Чирикова, Б. Зайцева («Волки»), А. Толстого («Два дня в Киргизской степи») на страницах сборников попадают «проходные» рассказы малоизвестных авторов. А основным объемом «Вечеров» все-таки занимали произведения популярных в те годы охотничьих писателей: А. Савельева, Н. Вербицкого,

— Эй вы! Смерды! Куда, страдники, завели князя? Аль не видите — идти ему не в силу!

Так кричал, сдерживая голос из опаски, чтоб не взбудить зверя, ближний слуга князя Семена Никитича Сулешева, Ивашка Чеботай, княжним ловцам, пробивавшимся в заломе. Сам Ивашка тоже «в силу» протаскивал лыжи меж лома, кубрей и валежин и едва поспел опередить господина, чтобы остановить зарвавшихся ловцов.

— Ишь, бегут... Ништо им лешим, прости Господи!.. Сами-то быть не люди, а сохатые! — ворчал разъявшийся на боярских хлебах старик.

А ловцы, словно ни в чем не бывало, будто по гладкому полю, бежали в заломе, ловко минуя лыжами валежник, и уходили все дальше и дальше.

— Да стой же вы, оканные! Ососись, нелегкая сила! — не выдержал и закричал на весь лес Ивашка, забывая всякую осторожность.

Теперь ловцы обернулись на крик и остановились. То были два рослые мужика: один, помоложе, белокурый, сутулый в спине — по имени Абрашка, а другой, постарше, с огромной черной бородой, начинавшей чуть не от самых глаз, — Федоска, по прозвищу «заслонщик». Прозван он был так по делу: всякий раз, когда случалось на охоте, что поднятый из берлоги зверь, перебив или отмахнув рогатину, напирал на князя, Федоска «заслонял» его собою и принимал медведя на нож. А бывало и так, что сам князь, ставивший Федоску с собою о-бок, выпехивал его перед себя на зверя.

Впрочем, не всегда так было; князь Семен Никитич стал «заслонять» себя холопом лишь под старость, при «подошлых» своих летах, а допрежь того был он лихой охотник. Еще с царем Алексеем Михайловичем хаживал он на зверя, «осочил» медведей, волков и лис хитрых и не ведал ничего в свете лучше, как звериная потеха. Был он охот и до «славной кречатьей добычи», которая, по цареву слову, «зело утешает сердца печальныя и забавляет охотни-

ков веселием радостным», но все же сердце его больше лежало к звериной потехе. И был он до самой старости охотником «добрым» — в одиночку, сам-друг с рогатиной да ножом булатным, хаживал на зверя. Не замерла, не пропала охота в князе и теперь, по-прежнему тянуло его в лес, да сила начала сдавать с годами... А все же, лишь печаль затуманивала душу али падала на сердце обида, он разгонял их любимой забавой. Вот хоть бы и теперь — не охотой очутился он в самой глуши Пошехонья: царь Петр Алексеевич указал ему ехать «без мотчанья» (немедля) на Шохную и смотреть за рубкой леса на постройку кораблей. Зато охотой, наместь смотренья за рубкой, проводит он время в любимой потехе... На то и ловцов и людшек своих из вотчины своей под Ярославлем захватил он со всем охотничьим нарядом. «Он, де, старости моей не поберег, — говорил про царя ближним людям князь Семен Никитич, — так и мне нечего беречи его дело. Было бы мне тешиться под старость, а не дело делать...»

Когда Ивашка Чеботай настиг ловцов, заслонщик Федоска, не дав ему остановиться, вымолвил с досадою:

— Ну, чего блажишь-то? Али хочешь, чтобы ён уплел с берлоги? Да еще и лаешь, быть что пес на чепи.

— Ты гляди, уж тебе не заскулить бы! — задыхаясь от усталости и злобы, заговорил еще на ходу Чеботай, короткими толстыми ногами передвигая лыжи. — Ты куда завел нам князя?

— А куда? — с удивлением осмотрелся Федоска, широко открыв свои большие темные глаза. — Знаю — залом... А за заломом-то ён и лег; с полверсты не будет... А едь, чай, зверь ложится не по человеку вельню! Эх ты, голова!

— А обойти нешто негде? — не унимался Ивашка.

— То-то про тебя дорогу не торили! — с презрением отмахнулся от него, как от назойливой мухи, ловец и двинулся вперед.

«Литературные вечера», 1906, № 1.

Ив. Орнатского, М. Житникова, С. Качиони, П. Некрасова. К неожиданному публикациям можно отнести повесть «Волынец» князя В. Волконского и исторический рассказ «Холопья послуга» Е. Опочнина.

В 1906 году «Литературные вечера» постигла участь журнала «Охота». Возможно, в закрытии этих изданий сыграли свою роль не только трудности издателя И. К. Оппокова, но и известные социальные потрясения в России, названные позже революцией 1905—1907 гг.

Можно добавить, что для охотника-библиофила наиболее ценным является комплект «Литературных вечеров» за 1902—1903 гг., так как все 12 выпусков были изданы в Туле, а все последующие в Москве. Провинциальные издания (тем более периодические) традиционно считаются более редкими, чем столичные. Связано это не только с тем, что подобные книги с трудом попадали в книжную торговлю Москвы и Петербурга, где могли осесть на полках библиофилов — главных хранителей печатного слова. Дело еще и в том, что эти издания обычно печатались крохотными тиражами в 200—600 экземпляров. Кроме того, чтобы переплести брошюры в книги, их нужно было терпеливо собирать целый год.

Местность по р. Шексне, называемой в народе Шохною, слыла под именем Пошехонья.

— Да пожди же ты малость, нелегкая твоя сила! — зашипел на него Чеботай. — Дай подойти князю... Сказываю: идти ему не под силу!

Федос, полуобернувшись, насмешливо смерял взглядом княжего слугу, — он был тягловый крестьянин и не любил дворовой челяди, — и спокойно сказал: — Ну, ладно! Не шипи...

А затем, постепенно сдерживая ход, остановился и стал ждать. Ивашка хотел было вскочить на него зверем, да не посмел: невдалеке виднелся и сам князь Семен Никитич.

Это был высокий и дородный старик с окладистой, совсем белой бородой, но еще с живыми и грозными карими глазами. Под его тяжестью глубоко увязали в снегу подшитые нерпой красные зырянские лыжи. Короткий, едва до колен, крытый сукном вишневого цвета кафтан, опушенный на рукавах и круг ворота соболом и застегнутый у горла прорезной золотой пряжкой, плотно охватывал его едва погнутый годами стан. Богатая шапка с оком из черной лисы и плетеным золотым верхом надвинута была чуть не до самых бровей и резко оттеняла их белые, торчащие вперед пучки. У пояса, на плетеной шелковой тесьме, висел большой нож; черен и ножны его сверкали серебряной чеканною оправой. Следом за князем, увязая по колено в снегу, тащились двое дворовых; один нес на плече рогатину с чинаровым древком, а другой — тяжелую «винтовальную пицаль» с вороненым стволом, изукрашенную золотой насечкой.

Чеботай сказал правду: князь Семен Никитич шел, видимо, с трудом, через силу передвигая глубоко увязавшие лыжи. Едва настигнув ловцов, он разом остановился и стоял молча, тяжело переводя дух.

— Куда погнались? — выговорил он наконец, поотдышавшись. — Аль за батогами? Так, гляди, и дома их у нас не мало, — в лес по них ходить не надо...

В глазах Федоски что-то засветилось при этих грозных словах. Он смело махнул рукой и сказал горько:

— Знамо, княже! Ведомо нам — одно у тебя жалованье про нас: батожье да шелепы...

Князь побагровел и двинулся было на лыжах к холопу, но, видимо, передумав, остановился.

— Ладно! — отрезал он. — Будет тебе жалованье такое!.. Станется, на нас не попеняешь... А теперь веди до места! Что, еще далече?

— Де далече! Сказывал я давеча Ивашке — с полверсты не будет до берлоги. Лихо бы залом нам миновать опасно: не взбудит бы зверя...

— Ну, ин медлить не надо. Уж и так, гляди-ка, ободняло. Дай Бог только засветло нам вывернуть из лесу...

Двинулись вперед. «В голове» пошли по-прежнему ловцы, за ними — Ивашка с князем, а сзади растащились от-

дышавшиеся дворовые с охотничьим «нарядом».

Семен Никитич молвил правду: белый день, бессолнечный, но ясный, засветил в лесу. Был январь, в последних числах — самое середозимье, а в воздухе уж замечалась какая-то передвешенная прозрачность: белее и как будто чище казались стволы берез, яснее вырисовывалась на небе тонкая филигрань их веток.

— Эко неприятное место! — оглянувшись кругом, сказал Федоска.

— А тебе-то что? Нужда тебе место примечать? Не красно, вишь, «неприятно»? Эх ты! Ему батожье сулят, а он про место... В такое б их место завести, чтоб и не выйти, в топь бы да в трясины, — злобным шепотом отвечал Абрашка. — Мало они крови нашей пили?..

— Ну хоть бы и завел, разве тем холопства избудешь? Не этот — другой будет, все одна статья. Мне бы и завести его никуда не надо: лихо бы не боронить от зверя, — давно у него был бы в лапах. Да не стать того делать: избудешь одного, — другой будет того пуще. Эх! Уйти бы куда подальше, на вольные земли, сказывают, есть такие, сесть бы на крестьянство и жить на всей воле, чтоб никто над тобой не верховодил... Вот в те поры временем и полесовать бы можно было по охоте, а не заневолу. Страсть люблю я ходить по зверя, а теперь и то постыло... На что снял он меня с крестьянства, взял к себе в холопы? Дома-то, поди чай, все у меня запустело, и не признать будет, коли Бог приведет вернуться: некому ладить на земле-то... Сынишка у меня остался малый, Алешкой звать... Уж лучше бы Бог прибрал, а то подрастет, — и его, гляди, повернут в холопы.

Так говорил княжий заслонщик, и слова его звучали горькой жалобой. Абрашка слушал и дивился: никогда прежде не сказывал про себя Федоска, завсе он был угрюм и молчалив, а тут, поди-ка, как разговорился. «Видно не к добру», — думал Абрашка.

— Ну, развился, что пес на погосте, — остановил он товарища. — Ты, чай, не баба: чем выть, сделал бы, как сказываешь, не боронить бы его от зверя... Ты, видно, на словах только прыток, а придет время — и лезешь за него на смерть. Неровен час, когда ни есть и попадешь, одберет ты косматый «хозяин». Доведись до меня, я бы не этак сделал: не токма что заслонять не стал, а еще сам бы сунул в лапы к зверю, — пусть бы попробовал, каково «хозяин» гладит... А там уйти бы можно на волю...

Раздавшийся позади окрик Ивашки Чеботай остановил беседу княжих ловцов; в разговоре они не заметили, что опять ушли далеко вперед.

— Ой, беда! — сказал, останавливаясь, Федоска. — Не избыть нам теперь батоков: опять ушли далече от князя.

— Захочешь, так избудешь, — пробурчал себе под нос Абрашка.

Ничего не сказал на это заслонщик, только в глазах его что-то сверкнуло и

тут же потухло. Ловцы ждали молча, пока не подоспел князь со слугами. Лицо его было красно от гнева и в глазах светился недобрый огонек. Однако он не грозил больше и не бранился, а только спросил: далеко ли осталось идти до берлоги, и, услышав в ответ, что она вовсе рядом, скинул лыжи и уселся отдохнуть на шубе, которую сбросил с себя и постлал для него на снегу один из холопей.

Поотдохнули и пошли опять, теперь уже молча, остерегаясь даже ударить лыжей об лыжу: по словам Федоски, берлога была вовсе близко. Он шел теперь впереди всех, один, Абрашка же шел его лыжницей сзади, с длинным колом на плече. Кол этот срезали на привале.

Наконец заслонщик остановился и, указав рукой на мелкую заросль шагах в двадцати впереди, сказал вполголоса:

— Тута!

Мигом все ошосились на лыжах и воззрились туда, куда указывал ловец. С первого взгляда трудно было заметить, где лежит зверь: кругом, в редкой поросли осинового молодняка и малых сосен, были снежные надувы, и только опытный глаз охотника мог отличить меж ними один сугроб повыше, упиравшийся в кубую огромную, вывороченной бурей ели. Около этого снежного бугра на ветках и сучьях висел густой иней.

— Ну, заходи, что ли! — молвил Федоска.

Абрам прошел вперед и со своим колом стал за берлогой, лицом к охотникам. Дворовые приняли обвинять снег и, покончив с этим, стали осторожны. Князь принял у одного из них рогатину и продвинулся к Федоске, который стоял теперь на обмятном снегу у самой берлоги.

Кругом стояла мертвая тишина. Ветра больше не было, не шевелились ветки, и неподвижные деревья на краю залама, казалось, будто ждали чего-то. Снежный бугор, привлекавший к огромному кубуре, был так же безжизнен и неподвижен и, только пристально всмотревшись, можно было заметить, что снег на нем не так сел и чист как кругом, а будто подернут, как от солнечной припечи, едва приметной желтоватой коркой.

Князь Семен Никитич снял шапку и истово перекрестился трижды.

— Ну-ка, буди его! Шевели, что ли! — кинул он Абрашке.

— Го! Го! Подымайся! — заорал мужик и заворочал в берлоге. Откуда-то из глубины послышался глухой рев и поверхность снежного бугра слегка заколебалась.

— Наддай! — вне себя кричал князь.

Абрашка приналег и почти весь кол ушел в снежный надув. В то же время рев, прерываемый злобным взмыванием, послышался ближе и яснее. Следом затем бугор раздался на-полы и среди облака взрывающегося снега выросла огромная темно-бурая туша. Она метнулась было в сторону стоявших

рядом, осторонь берлоги, дворовых, но те залотошили, закричали не своим голосом, и зверь, поднявшись на задние лапы, пошел прямо на князя...

Семен Никитич принял зверя на рога, но, Бог весть от чего, — сдала ли ослабевшая рука али напор зверя был не в меру силен, только древко скользнуло у него из рук и вырвалось в сторону. Освирепевший зверь с злобным ревом, брызгая белой пеной из пасти, уж наваливался на князя, как его загородил собой Федоска... Он еле успел выхватить из-за пояса кинжал, в то время как князь отпрянул назад, и вмиг очутился под медведем.

— На помогу! На помогу! — кричал Семен Никитич.

Но помощи не было ни откуда: Абрашка стоял на прежнем месте, а Чеботай и дворовые уже мельтешили в редкой поросли, увязая в снегу. Брошенная пищаль валялась поодаль.

— Ах вы, Иродовы дети! — кричал князь, слыша глухие стоны, раздававшиеся впереди.

Скоро и они затихли. Темная туша медведя лежала недвижно, прикрывая собою Федоску...

Немного спустя, уверившись по бра ни и крикам князя, что он жив и невредим, все его люди опять сбились у берлоги. Подошел и Абрашка. Он сумрачно наклонился над зверем, голова которого была бесполезно уткнута в снег, потом выпрямился, обернулся к восходу и, сняв шапку, перекрестился.

— Ты это чего? — спросил его князь.

— Кончился! — коротко ответил ловец, указывая рукой на большое алое пятно в снегу около видневшейся изпод зверя головы со смолевыми черными кудрями...

— Ври еще! Не статочное дело! — с досадой крикнул Семен Никитич. — Не раз бывал он под медведем, и всякий раз без цапины выходил. Такая уж у него повадка.

Абрашка зло усмехнулся и оттащил чуть на сторону дошедшего зверя.

Теперь закрестился и князь: перед ним лежал его заслонщик с развороченным от затылка черепом, с недвижно уставленными в небо, широко открытыми глазами. Тонкие струйки крови ползли у него по лбу...

Через малое время опустело место у берлоги: охотники ушли в свой «стан», оставив мертвого ловца и убитого медведя. По ним решили послать людей особо.

И остался теперь Федоска на всей воле... Не даром он говорил о ней с товарищем Абрашкой. Тому еще доводилось ждать обещанного «жалованья» от князя, а Федоске и сам князь уже был не грозен... А князь Семен Никитич, идя к «стану», наказывал Чеботаю:

— Повернем, Бог даст, на вотчину, и ты скажи попу — сорокоуст служил бы по Федоске: пусть ведают людишки, что и холопу жалованье бывает по заслуге!

К 100-ЛЕТИЮ

С.В.КИРИКОВА

Исполнилось 100 лет со дня рождения известного зоолога-натуралиста и страстного охотника доктора биологических наук Сергея Васильевича Кирикова.

Более тридцати лет С. В. Кириков работал на Южном Урале, исследуя особенности экологии птиц и зверей. Он был одним из основателей и первых научных руководителей Башкирского заповедника. За период работ на Южном Урале Сергей Васильевич провел интересные исследования пищевых связей птиц (клест, глухарь, тетерев, рябчик) — с растениями, впервые выяснил возрастной состав глухарей на весенних и осенних токах, исследовал случаи разорванного распространения стелных и лесных животных. Итоги этих работ вошли во многие учебники экологии и биогеографии, а также его монографию «Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала» (1952) и научно-популярную книгу «В лесах и степях Южного Урала (путевые записки зоогеографа)» (1952).

Работая в Институте географии АН СССР (1948—1984), С. В. Кириков создает новое направление в исторической биогеографии, посвященное исследованию динамики охотничье-промысловой фауны и зональных ландшафтов в последнее тысячелетие. Эта тема на долгие годы стала главной для ученого, который вспоминал, что «нередко шел в Архив древних актов или Военно-исторический архив с такой горячей охотой, как на тока». В результате этой многолетней и кропотливой работы Сергеем Васильевичем были восстановлены былые ареалы многих охотничье-промысловых живот-

ных, в том числе соболя, который в средние века был обычен в европейской части России.

Итогом этих работ стали двухтомная монография «История изменения животного мира в природных зонах СССР» (Степная зона и лесостепь, 1959. Лесная зона и лесотундра, 1960), а также монография «Промысловые животные — природная среда и человек» (1966). А. Н. Формозов писал об этих книгах: «Трудно переоценить значение огромного вклада в историческую географию, зоогеографию и экологию, которую дали труды Сергея Васильевича. Они заполнили тот разрыв, который существовал между представлениями палеонтологов о четвертичной фауне нашей страны и взглядами зоологов о распространении современной фауны. Многие неясные вопросы, неразрешимые загадки процессов изменения границ распространения многих видов и причин этих изменений за целый ряд столетий стали теперь ясными».

Интерес к историческим изменениям ареалов промысловых животных Сергей Васильевич сохранил до конца жизни. Уже после выхода на пенсию он опубликовал в издательстве «Наука» две книги — «Человек и природа Восточно-европейской лесостепи X—XIX вв.» (1979), «Человек и природа степной зоны. Конец X — середина XIX вв.» (1983).

В этот период не забывает Сергей Васильевич и о своей давней привязанности — изучении экологии тетеревиных птиц. Большой знаток охоты, он пишет в предисловии к книге «Тетеревиные птицы (размещение запасов, экология, использование и охрана)» (1975): «Охота на тетеревиных птиц имеет не только промысловое значение. Нельзя забывать, что она увлекает многих людей, оставляя в их памяти неизгладимые впечатления». Эта монография, в которой С. В. Кириков был не только редактором, но и автором многих разделов, стала одной из лучших в серии «Промысловые животные СССР и среда их обитания». В книге много интересных сведений об экологии, поведении, запасах, географическом распространении всех видов тетеревиных птиц.

В последние годы жизни С. В. Кириков написал воспоминания о своих работах в Башкирском заповеднике, которые уже после его кончины (28 августа 1984 года) подготовил к печати профессор Н. Н. Воронцов. Эта книга вышла в изд. МГУ в 1986 г. под названием «По Южному Уралу и Башкирии». В ней Сергей Васильевич в увлекательной форме описывает изменения природы и жизни людей на протяжении своих 30-летних исследований в Башкирском заповеднике.

Имя Сергея Васильевича Кирикова навсегда останется в истории отечественной зоологии и биогеографии, а к его трудам будут обращаться многие поколения натуралистов и охотников, а также все, кого интересует природа нашей страны.

Канд. географ. наук
М. ГЛАЗОВ

Речная выдра в Западной Европе

8 ноября 1999 г. Николаю Николаевичу Руковскому исполнилось 80 лет. Восемьдесят лет — это много или мало? Размышляя о Николае Николаевиче в связи с этой датой, понимаешь относительность времени и возраста. 80 лет — это много, если вспомнить, что мы с ним знакомы уже 34 года; много, если представить себе его жизненный «ареал», который как кружево накрывает почти все пространство бывшего СССР: Кольский полуостров, Белоруссия, Закавказье, Дальний Восток, Европейский Север, Средняя Азия — и многие другие края и уголки, по которым пролегали бесконечно длинные охотничьи тропы и научные маршруты.

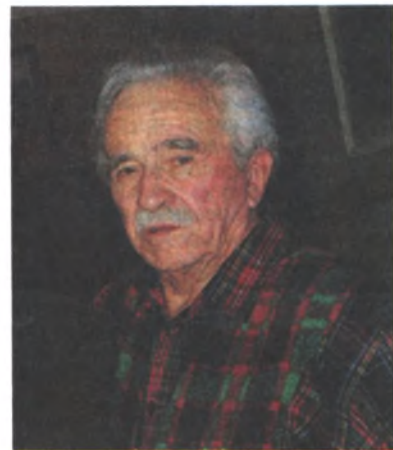
С другой стороны, восемьдесят лет — это не так уж и много, если знаешь, что два раза в неделю Николай Николаевич бегает на стадион и по три часа азартно играет в волейбол; что ежедневно несколько ранних утренних часов он прово-

дит в работе за письменным столом, что он ежегодно встречает открытие охотничьего сезона в любимых вологодских лесах.

Николай Николаевич — счастливый человек. Он всю жизнь идет по выбранному в ранние годы пути, всей душой отдается любимому делу.

Уже после выхода на пенсию, Н. Н. Руковский издал несколько научно-популярных книг о хищных млекопитающих и их повадках, которые переведены на иностранные языки и переиздаются. Стремясь донести до нас из леса точную информацию, он продолжает собирать по собственной методике уникальную коллекцию гипсовых слепков отпечатков следов многих видов животных. Экскурсии же с Николаем Николаевичем по лесу — это настоящий праздник.

Сегодня он щедро делится с нами сокровищами своих знаний, опыта, умения

читать и понимать Книгу Природы.

Дорогой Николай Николаевич! Ученики, коллеги, друзья, читатели журнала от всей души поздравляют Вас с восьмидесятилетием, желают Вам крепкого здоровья, воплощения творческих замыслов, охотничьих удач.

А. Г. Куприянов,
кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник
ВНИИПрирода.

Н. РУКОВСКИЙ

Ареал речной выдры охватывает всю Западную Европу. Раньше этот вид был широко распространен во всех без исключения странах континента, на Британских островах, в Ирландии и отсутствовал лишь на Корсике. Почти всюду выдра сохранялась и в наше время, но численность ее в большинстве регионов незначительна, на некоторых территориях она редка или вообще отсутствует.

Еще в средние века при развитии и упорядочении рыболовного промысла выдра считалась вредным хищником и круглогодичное ее истребление поощрялось премиями. Известно, что в Йоркшире (Великобритания) премия за уничтожение выдры выплачивалась еще в 1566 году. В некоторых странах эта традиция сохранялась чуть ли не до наших дней. Например, в Норвегии такая премиальная система борьбы с выдрой существовала до 1931, в Швейцарии до 1952, в Италии даже до 1971 года.

В 18 веке с развитием спортивной охоты численность выдры начала быстро сокращаться. Так, если в 1900—1910 годах в Норвегии ежегодно добывали 2500—2800 выдр, то в 60-х годах только 500—600, причем главным образом на побережье, так как в южно-центральных районах страны она была редка. Правда, после запрета охоты в 1982 году в северных районах страны, где местообитания мало нарушены, наблюдалась даже некоторая перенаселенность угодий. В странах, где численность выдры никогда не была высо-

кой, охота на нее была запрещена раньше. В Нидерландах, где выдра — союзник человека в борьбе с вредителем шлюзовой системы — ондатрой, охоту закрыли в 1942 году. В Чехословакии охота была закрыта в 1947, в Германии в 1968, во Франции в 1972, в Италии в 1977 году. В некоторых странах запреты были региональными: например, в Великобритании, где выдре уделяется много внимания, она охраняется в Англии и Уэльсе, но в Шотландии промысловая; в Швеции охота на выдру закрыта с 1968 года повсеместно, кроме районов рыбозаведения.

Влияние промысла на численность выдры достаточно наглядно показали наши соседи. В Финляндии, стране озер, выдра распространена широко и интенсивно опромышлялась с давних пор. Неконтролируемая охота в начале века снизила численность вида в десятки раз, и к 1910 году в стране добывалось менее сотни особей за сезон. В 1931 году, когда выдра была на грани исчезновения, охота на нее была запрещена. За 20 лет популяция постепенно восстановилась, и в 1950 году охоту возобновили. Новое падение численности заставило в 1974 году отнести выдру к охраняемым видам. Запрет снова вызвал рост популяции: в 80-х годах численность в стране оценивалась в 2000 особей. С 1998 года выдра в Финляндии занесена в список лицензионных охотничьих животных. Снизится ли ее численность в ближайшие годы, покажет время.

Биологи Франции, наблюдая за динамикой популяции выдры в стране, пришли к выводу, что численность про-

должает снижаться даже при полном запрете добычи, но темп сокращения значительно замедляется. Подобные примеры показывают, что охота — не единственный и даже далеко не главный фактор человеческой деятельности, влияющий на благополучие вида.

С середины прошлого столетия благополучие выдры стало все заметнее зависеть от нового фактора — разрушения местообитаний. Вырубка лесов по берегам и расчистка их от кустарников, спрямление рек и создание искусственных русел, перегораживание рек дамбами, регулирование уровня воды, укрепление берегов, местами даже бетоном, приводило к ухудшению условий обитания выдры. Все эти хозяйственные преобразования в первую очередь уничтожают необходимые для выдры укрытия в виде завалов, пещерок под нависшими берегами, зарослей, наносов плавника и других. На многих реках плотность обитания выдры становилась значительно ниже потенциально возможной при данных кормовых условиях. При наличии укрытий выдра в определенной степени свыкается с беспокойством, но на малых и средних реках Центральной Европы даже беспокойство со стороны рыболовов, вытптывающих берега, привело к сокращению численности и в некоторых местах к полному исчезновению вида.

Появление на отдельных отрезках реки непригодных для обитания мест дробит популяцию выдры на отдельные части, каждая из которых более чувствительна к неблагоприятным факторам, таким, например, как рыболовные

снасти или движение транспорта. Рост сети современных скоростных автомобильных дорог нередко приводит к случаям трагической гибели многих диких животных, в том числе и выдры. В Дании, где выдра охраняется с 1967 года и обитает всего лишь несколько сотен особей, за пятилетний период собраны данные о гибели под колесами транспорта 115 выдр. Животные чаще гибнут на дорогах шириной более 6 метров с относительно высокой степенью движения транспорта. Жертвами чаще становятся половозрелые самцы (61,4 %), как более активные. Большинство животных погибает в местах переходов из одного водоема в другой и особенно в районе мостов. Рекомендуют там, где река проходит под путепроводом, делать вдоль уреза воды «дорожки» из валунов или бревен, пользуясь которыми выдры не поднимались бы на проезжую часть дороги.

Побочным следствием промышленной революции 19 века явилось общее загрязнение биосферы, принявшее к середине нашего столетия глобальный характер. Стойкие загрязняющие вещества, новые химические соединения, многие из которых не поддаются биологическому и физическому разрушению, накапливаются в количествах, превышающих те, которые способна переработать природная среда.

По-видимому, основной причиной сокращения численности выдры за последние полвека по всему западному ареалу является не столько охота и нарушение местообитаний, сколько загрязнение среды биоаккумулирующимися препаратами.

Ранее предполагалось, что основные загрязнители, влияющие на выдру, — это инсектициды, диэдрин и ДДТ, применяемые в сельском хозяйстве и отрицательно действующие на хищных птиц. Позже было замечено, что после прекращения применения этих препаратов численность чеглока и сокола-сапсана стала медленно нарастать, но популяция выдры продолжала сокращаться.

Оказалось, что для млекопитающих более токсичны полихлорированные

бифенилы (ПХБ), которые в районах высокого промышленного потенциала разносятся не только по водотокам, но и ветром. ПХБ оказывают существенное влияние на репродуктивную, эндокринную и иммунную системы млекопитающих. Другие загрязнители, например ртуть, могут усиливать отрицательное воздействие ПХБ, снижая выживаемость детенышей. Такие опыты проведены в Великобритании на содержавшихся в неволе американских норках.

Следы присутствия хлорорганических загрязнителей обнаруживаются в экскрементах выдры, собранных в большинстве районов ее обитания. При исследовании почек и печени выдр, найденных мертвыми в северных районах Нидерландов, обнаружено загрязнение ПХБ в концентрации более 50 мг/кг.

Выдры, обитающие на морских побережьях и в устьях впадающих в море рек, нередко подвергаются загрязнению нефтью. У берегов Шетландских островов (Великобритания), где обитает 700—900 выдр, составляющих значительную часть Британской популяции вида, в декабре 1978 года из поврежденного танкера вытекло 1200 тонн сырой нефти, что загрязнило берег на протяжении 110 км. Выдры вначале не относились к нефти как к опасности, плавали и ныряли в тех местах, где на поверхности была нефтяная пленка. В течение двух месяцев после аварии на побережье были обнаружены трупы 13 выдр, мех которых был загрязнен нефтью. При вскрытии 5 погибших выдр причиной смерти оказался геморрагический гастроэнтерит, вызванный, по-видимому, заглатыванием нефти при поедании погибших птиц и вылизывании шерсти.

В 1993 году у тех же Шетландских островов из севшего на камни танкера в море вылилось 85 тыс. тонн сырой нефти. Благодаря ветру и бурному морю нефть не образовала пятна и быстро смесалась с массой воды. Разлив нефти на этот раз не оказал сильного прямого воздействия на местную популяцию выдры, но вызвал массовую миг-

рацию зверей, так как в загрязненном районе в тканях рыбы наблюдался повышенный уровень углерода. В прежние места обитания выдры вернулись только через год.

Во многих странах Западной Европы, кроме запрета охоты, проводятся различные мероприятия, направленные на сохранение и увеличение численности выдры. Например, в Нидерландах при Обществе изучения и охраны млекопитающих организована «Рабочая группа по выдре» с целью развития исследований и разработки дополнительных мер охраны. В Германии в 1979 году основано общество «В защиту речной выдры», ведется пропаганда охраны выдры. В Нижней Саксонии в районе Гарца для изучения выдры выделен огороженный участок угодий, издается специальный журнал «Выдра». В Дании, где сохранилось всего несколько сотен особей выдры, предпринимаются меры по совершенствованию безопасных для выдры рыболовных сетей, создаются переходы под путепроводами и мостами, выделяются важные для выдры «зоны интересов». Здесь после усиления охраны в 1991—1996 годах наметился некоторый рост местной популяции.

В Центральной Швеции в 1975 году в провинции Седерманланд основан шведский «Центр размножения выдр», в задачи которого входит размножение выдры в неволе с последующим выпуском зверей в природу. Первые опыты по реакклиматизации выдры Центром проведены в 1987 году. Выпуски производили в местах, где выдра ранее была истреблена и где концентрация загрязнителей в воде минимальна. Племенным материалом для выпуска служили выращенные в клетках годовики совместно с дикими животными, отловленными живоловками вдоль берегов Норвегии. До 1991 года Центром было выращено и выпущено в природу более 40 выдр.

В связи с тем, что в 50-х годах в южных графствах Великобритании выдра стала очень редка, на ее охрану обращено большое внимание. В 1972 году был учрежден «Фонд выдры», целью

Фото Ю. Терновской

которого было разведение выдр в неволе с последующей их реинтродукцией в природу. В 1983 году проведен первый опыт по выпуску выдр на небольшой речке в Восточной Англии на границе между Норфолком и Суффолком. Несколько месяцев выдры содержались на огороженном участке. Когда они переключились на ночной образ жизни и научились добывать корм, огораживания были сняты. Уже на другой год в районе выпуска отмечены следы молодняка.

В 1985 году в Великобритании основан «Винценский центр по реабилитации осиротевших и раненых выдр». Центр собирал выдр, по какой-либо причине попавших в беду, выкармливал и передерживал их в клеточных условиях до полного выздоровления и возвращал в природу. Выдры поступали в Центр из Шотландии, Ирландии, Англии и Уэльса. В основном это были детеныши в возрасте 6—8 недель, потерявшие матерей чаще всего при зимних морских штормах, на побережье, а также взрослые животные, пострадавшие от транспорта или агрессивных особей своего же вида. При возвращении зверей в природу строго придерживались правила — выпускать зверей в том же месте, где они были взяты, в наилучшие условия и в наилучшее время. До 1993 года через Центр прошло более полутра сотен выдр.

Благодаря ряду мероприятий, направленных как на охрану животных, так и на восстановление местообитаний, в Великобритании, в отличие от материковой Европы, после глубокой депрессии 50—60-х годов численность выдр в последние десятилетия заметно возросла.

Рассматривая состояние популяции выдры в западной части ее видового ареала, обращаешь внимание на то, что более многочисленные популяции выдры сохранились на периферии рассматриваемой территории, а менее многочисленные популяции или даже места полного исчезновения вида лежат в центральной части этой территории. Жизнеспособные популяции держатся вдоль Атлантического побережья от севера Норвегии до юга Португалии через Шотландию, Ирландию, запад Франции и север Испании. С другой стороны, выдра широко распространена в Финляндии, Литве и Латвии, Польше, большей части Венгрии и Греции, отчасти в Болгарии и Словакии. И, наконец, в центральной части Европы, в районах с развитым промышленным производством и с наветренной стороны от промышленных центров выдра редка и практически исчезла. Так, она исчезла в крупных регионах Франции, Англии, Австрии, Германии; лишь отдельные встречи известны в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Швейцарии; близка к исчезновению на севере Италии. Такое разорванное распространение выдры можно объяснить развитием промышленности одних стран и расположением других на пути преобладающих ветров, рассеивающих загрязнители.

СТАРЕЙШИЙ ОХОТНИК

**Алексю Васильевичу
ХОХЛОВУ
исполнилось 90 лет.**

В русской охоте есть люди, при упоминании имен которых сразу возникают теплые, добрые чувства. С одним из таких людей я впервые познакомился на охоте с гончими.

Однажды глубокой осенью я подставлялся под гон, как вдруг увидел высокого, могучего, пожилого человека... Вскоре мы разговорились. Это был председатель первичного охотколлектива Пушкинского района, почетный член МООиР Хохлов Алексей Васильевич.

Обратно мы возвращались вместе. Из д. Ельдигино шли лесом до д. Цернского, это примерно около 7 км по лесной чаще, по широкому полю через ручьи, болота... А было в ту пору Алексею Васильевичу 88 лет. Я подумал: какую же силу имеет русская охота, если 88-летний человек идет по такой дороге с гончими, идет наравне со всеми! Всю войну 1941—45 гг. Алексей Васильевич летал на бомбардировщиках дальней авиации; за отвагу и храбрость награжден многими орденами и медалями. Он гордится, что всегда был на переднем крае.

А. В. Хохлов многие десятилетия проработал начальником главка в легкой промышленности, встречался с А. Н. Косыгиным, со многими военачальниками.

Охота прошла через всю его жизнь. И даже в грозную годину войны он мечтал о гончих, о красивых ружьях. Охота согревала, вселяла жизнь и добрые надежды на лучшее. Человек высочайшего мужества, беззаветной храбрости, не раз смотревший смерти в глаза, верил в нашу силу, в русского человека. И его любовь к охоте, к природе неотделима от любви к Родине.

Алексей Васильевич в нашей охоте — явление уникальное. Я много знал известных охотников и утверждаю, что в истории русской охоты не было человека, который в свои 90 лет держал бы гончих и охотился с ними наравне со всеми. В 90 лет подстроиться под гон и на верном лазу метким выстрелом положить зверя! Помню, В. И. Казанский в 89 лет уже не держал гончих.

Алексей Васильевич вложил много труда в русскую охоту. Он прекрасный руководитель и организатор большого охотничьего коллектива, постоянный подписчик и читатель нашего журнала. Из года в год, начиная с 1955 года, он аккуратно собирает все номера, переплетает их, бережно хранит и очень этим гордится. У Алексея Васильевича золотые руки и верный глаз: он может сшить пальто, костюм и меток в стрельбе.

Много охотничьих зорь пережил я, но самые памятные, когда утром еще блещет иней на траве и первый морозец прихватывает землю, а мы с Алексеем Васильевичем где-нибудь под Мартяновым или Бортневым набрасываем смычок гончих. Для Алексея Васильевича это лучшая минута жизни, а если его Бушуй или Динар побудят зверя, большого и желать нечего. Зальются, зарыдают собачки, и он уже там, где гон, где музыка... А потом мы с Алексеем Васильевичем и с друзьями разведем костер. Присядем в кружок, и тогда кажется, что прекраснее времени в жизни не бывает. Все мы, члены его первичного охотничьего коллектива, любим своего наставника и желаем Алексею Васильевичу доброго здоровья и удачных полей!

Б. МАРКОВ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖИСТИ

Предприятие ООО «Художественные материалы»

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчет

шкурки и хвосты беличьи, колонковые

610004, г. Киров, ул. Р.Люксембург, 23. Тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22

е-мэйл: chief@brush.kirov.ru

**ООО ПКФ
«МЕХОВОЙ
СТИЛЬ»**

закупает различное

пушно=меховое сырье

*Цены высокие. Наличный
и безналичный расчет*

**Адрес: 610004, г. Киров,
ул. Р. Люксембург, 30, оф. 205
Тел.-Факс (8332) 65-42-33**

РЫБоловные товары – почтой

141400,

Московская обл.

г.Химки-10, а/п 141

ЗАО "САГИТТА"

E-mail:

sagitita @ aha.ru

- Большой выбор обычной и плетеной лески
- Дешевые отечественные и литые крючки
- Свинцовые и вольфрамовые мормышки
- Блесны, воблеры, мягкие приманки
- Катушки и удильца различных типов
- Сети, полотна из лески и капрона
- Резиновые надувные лодки
- Запчасти к подвесным лодочным моторам
- Одежда, рюкзаки, палатки и другое

Высылаем полный каталог

УВАЖАЕМЫЕ ОХОТНИКИ, РЫБОЛОВЫ И ТУРИСТЫ!

**Фирма «Оборонтех» (основана в 1992 году) проводит кампанию
по заключению договоров на 2000 год**

Мы предлагаем:

**Свыше 600 наименований охотничьих, рыболовных и туристических товаров
отечественных производителей**

Отгрузку товара по 50 % предоплате и взаимозачету

**Отправку товара в любую точку России багажом,
ж/д контейнером и авиатранспортом**

Заявки по почте и факсу (круглосуточно).

Офис и склад в одном здании. Удобное место нахождения (район 3-х вокзалов)

Быстрое обслуживание клиентов на складе. Оплата: наличный, безналичный расчет

Принимаем на реализацию охотничьи, рыболовные и туристические товары

Будем рады сотрудничать с отечественными производителями

Наш адрес: 107140, Москва, ул. Верхняя Красносельская, д. 15, стр. 2, оф. 253

(5 минут ходьбы от станции метро «Красносельская»)

Тел. (095) 264-84-56, 264-80-76, факс: 264-55-01

Здравствуй, уважаемая редакция журнала! Пишут вам охотники-любители П.О.К. с. Новкус-Артезиан Нефтекумского ООИР Ставропольского края. Мы возмущены решением правительства, нацеленным на разрушение обществ охотников и рыболовов, а именно: создание нового вида лицензирования по методу американцев, желание завладеть охотугодьями и создать новый вид охоты. Мы — не американцы, мы не хотим разрушать наше общество, которое действительно существует для охотников, в котором были созданы льготы для ветеранов войны и инвалидов, для пенсионеров и т. д. Мы всю жизнь находились в ООИР, проходили пешком вдоль и поперек свои угодья, делали все возможное для сохранения нашей фауны.

Толстосумы уже намылились завладеть воспроизводственными участками, заказниками, водоемами, где водится ондатра, водоплавающая дичь. У рядового охотника уже не будет возможности для охоты, лицензии станут им не по карману.

Наш небольшой коллектив просит редакцию журнала опубликовать это письмо в одном из номеров. Просим также посодействовать в вопросе сохранения обществ охотников и рыболовов.

От имени коллектива

Х. МУТОВАЛОВ
Ставропольский кр.

Моя охотничья зорька только-только начала разгораться. Поступив в Тюменское военно-инженерное училище, я думаю, что ей на длительное время придется пригаснуть. Но оказалось иначе.

По распоряжению полковника Затылкина, при училище был создан охотколлектив. Он, как никто другой, понимал, что только охота может воспитать в юноше уверенность в себе, находчивость и храбрость. Сам охоту очень любил, был воспитан в старинных ее традициях. Он был широк в плечах, высокого роста, всегда подтянут, вежлив и тактичен. Парадную форму носил редко, любил полевую. У него не было шикарной квартиры в городе, жил, как все офицеры и преподаватели, в многоквартирном доме на территории училища. Не было у него и дачи, а было большое чистое и честное сердце, душевная теплота.

К нам, первокурсникам, относился с особенной теплотой. И каждый из нас не на словах, а на деле ощущал его постоянную заботу. Мы платили ему тем же, хотели быть похожими на него.

Припоминается один случай. В перерыве между занятиями мы вывалились в курилку. Команда «Встать смирно!». К нам подошел Затылкин и завел, не помню о чем, непринужденный разговор. От его взгляда не ускользнул грустный курсант Сизов. Мы знали, почему он был в подавленном настроении. Получил письмо от матери, которая была на грани срыва. Отец покидал семью. Мы оставили курсанта и полковника одних. А вскоре узнали, что Сизову предоставлены 10 суток отпуска! И это в учебное время, без всяких телеграмм, заверенных печатями.

Однажды у охотничьего костра, на берегу реки Пышмы, после хорошей ухи, Затылкин завел разговор о красоте и богатстве сибирской земли. Он как художник раскрывал нам ее изумительную красоту, величие. Постарайтесь полюбить природу, говорил он, и перед вами откроется удивительный мир, не виданный ранее.

И как будто его слова услышала сама природа. Удивительно красиво садилось солнышко над рекой, краешки подсвеченных солнцем облаков горели оранжевым цветом. С близлежащих лугов доносился медовый аромат цветущих трав. Земля, нагретая за день, щедро отдавала нам свое тепло. Мы увидели изумительный по красоте закат. Сумерки начали скользить по водной глади Пышмы. Первая звезда заблестела на восточном небосклоне...

Кто и как давно стал звать его «Батей», не помню. Но почти дословно записал его слова на выпускном вечере: «Любить свою Родину на словах — это одно, любить всей душой ее красоту, ее прошлое и настоящее, любить свой народ — это совсем другое. Уметь с достоинством и честью защищать ее — это высокая нравственность офицера. Будьте счастливы!».

Вот таким остался у нас в памяти наш Батя. Будучи уже офицерами в своих воинских подразделениях, узнали, что ему присвоено звание генерала. Добрая о нем память, гордость за него остались в наших сердцах.

Р. ЗАКРЕВСКИЙ
Санкт-Петербург

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Посылаю вам фото редчайшего экземпляра кабарги-альбиноса, добытой в урочище Агпуль Тунканского района Республики Бурятия.

Постоянный ваш читатель с 60-х годов.

Р. БОРОКШОНОВ
Бурятия

В Латвии, на учебной вольере Общества охотников и рыболовов проводился II чемпионат ООИР по подсадному кабану. Участвовало 48 лаек из 12 районов страны. Чемпионат проводился четыре дня в очень сложных погодных условиях. Состав участников: русско-европейских лаек — 35; западно-сибирских — 9; финских лаек — 4. Результаты, мягко выражаясь, бледные. Дипломы II степени получили 5 участников, III степени — 8. Один диплом II степени оказался у западно-сибирской лайки, остальные 12 дипломов получили русско-европейские лайки.

Благодаря моему другу, кинологу ООИР Ярославля г-ну Вячеславу Трофимову, я получил результаты областного чемпионата Ярославля по подсадному кабану. Результаты Ярославского чемпионата меня приятно удивили. Из 33 участников 22 диплома. Один диплом I степени; одиннадцать — II степени и семнадцать — III степени. Участвовали лайки из 11 районов области. Дипломы I и II степени получили только русско-европейские лайки.

Мне, как селекционеру русско-европейских лаек, это было очень приятно. Правда, я не знал критерий судейства в Ярославле, но, зная отношение В. Трофимова к этой породе лаек, беспокоешься за слишком щедро розданные дипломы не было оснований.

Показатели 4-го международного чемпионата в Белоруссии по подсадному кабану в одиночке намного хуже, но, на мой взгляд, более подходить реальной ситуации работы лаек по кабану. Из 22 участников 12 рабочих дипломов, из них четыре — I степени; три — II степени; пять — III степени. Лайки из Латвии выше диплома III степени получить не смогли. Мне посчастливилось работать в экспертной комиссии по подсадному кабану под руководством очень компетентного эксперта И. А. Довгуна.

На семи чемпионатах Прибалтийских стран, где каждый год участвовали сборные

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

команды лаек Эстонии, Литвы, Финляндии и Латвии, были заработаны только два диплома I степени, из них один — в паре.

В Латвии работа с лайками в вольере началась с 60-х годов, и уже с 1985 года на испытаниях используются кабаны не менее двухгодовалого возраста.

Единственным утешением нашим лаечникам может послужить то, что чемпионат по «вольерному кабану» был проведен в очень сложных погодных условиях и по двум 7—8-летним кабанам. Общее желание лаечников Латвии — сотрудничество всех стран в племенном деле, больше встреч на международном уровне.

До встречи на чемпионатах 2000 года!

М. КАЛНЫНШ
Гл. кинолог ЛатвООИР

Уважаемая редакция! Вот уже несколько месяцев я выписываю ваш журнал и все время перечитываю его. В основном мы с товарищами охотимся на водоплавающую дичь, но иногда любим потрепать зайцев. Ездим, как правило, в Гагаринский район Смоленской области на Вазузу. Утку стреляем и весной, и осенью. На пролете ее, конечно, не так много, но не в этом прелесть охоты. По-сылаю вам фотографию с надеждой на публикацию.

М. СЕДОВ
г. Москва

Фото см. стр. 5

Здравствуй, уважаемые работники редакции! Спасибо вам за то, что вы есть. Журнал выписываю с 1955 года и буду выписывать, пока жив. Охоту у нас уже отняли, но вас отнять, надеюсь, не смогут. Написать меня заставила статья в нашей местной газете «Шаг вправо, шаг влево... карается без предупреждения». Это о новых охотничьих правилах, которыми сами охотники не перестают удивляться.

Я и сам понимаю, что все разваливается, все кинулось в коммерцию, знающие люди сейчас никого не интересуют. Но, товарищи дорогие,

нельзя же принимать в охотничьи структуры болванов!

Дело в том, что охота у нас открывается, как и везде по стране, в августе, только у кого на перепела, а у кого на водоплавающую и болотную дичь. У нас охота открылась на водоплавающую с 28.08.99 г., затем с 15.09.99 г. — на боровую, затем с 01.11.99 г. — на зайца, и все это до 29.02.2000 г. И тарифы невелики, как пишет пенсионер Гуляев, хотя, если идешь на охоту, не знаешь ведь, что попадется, а поэтому надо выписывать все. Отсюда день охоты стоит: рябчик — 2 рубля, как он пишет, а 2 руб. 50 коп.; утка — 2 руб. 50 коп.; куропатка — 2 руб. 50 коп.; заяц — 2 руб. 50 коп.; глухарь — 8 руб. 35 коп. Итого: 18 руб. 35 коп. Но это еще не все. Главное, заплатив деньги, я должен назвать число и месяц, когда пойду на охоту, и неважно, что будет в этот день — метель или мороз 50°. Если не скажешь, то и не выпишут путевку, а денежки уже уплачены — вот до чего додумались наши чиновники!

Это крик души всех наших охотников-любителей, а нас в Надыме 4800 человек. И, кроме того, мы еще должны пересылать деньги в Салехард и платить почтовые сборы — ???

Был я в 50-е годы бригадиром по отстрелу копытных, затем председателем первичного коллектива, егерем в Кавказском государственном заповеднике, теперь просто охотник-любитель... такой бред встречаю впервые в жизни, что же будет дальше?

В. Ф. РЯБУХИН
г. Надым

Дорогая редакция, здравствуйте! Пишет из Далекой Чувашии постоянная ваша читательница Света Николаева. Читая журнал, я увидела и поняла, что статьи, заметки, стихи пишут очень одаренные и увлеченные своим делом люди. Мне очень хочется, чтобы люди узнали об одном удивительном человеке, моем друге Константи-не Светлове.

Любовь к природе его еще беззусым 17-летним юношей привела в общество охотников и рыболовов. С тех пор прошло много ни мало 24 года. Общаясь

**Фото на конкурс
«Охота и природа, 1999».**

с Константином, я узнала, какую ответственную работу проводит коллектив охотников по сохранению животного мира. Я узнала, что охотники не только потребители, но и созидатели.

Мой друг — член правления охотобщества, член секции охотничьего собаководства (уже 10 лет). Он делает первые, но очень твердые шаги по разведению прославленной породы собак — русских гончих. Это человек, наделенный тонким умом и большим сердцем. В жизни все случается так, как должно случиться, он начал писать стихи. Они мне очень нравятся.

С. НИКОЛАЕВА
г. Чебоксары

Тополиный пух что январский снег,
Все летит-летит, заметая след.
Больше не нужны здесь мои слова,
Ты не слышишь их, ты опять ушла.
Жду, когда умрет зелень и тепло,
Осень принесет желтый свет в окно.
Дуб подарит лист, ветер — тихий стон.
Украшеньем дней станет красный клен.
Я опять спешу. Тополиный снег
Все лежит-лежит, как январский след.
Константин СВЕТЛОВ

Здравствуй, уважаемая редакция! Это мое первое письмо и фотография в ваш журнал и на фотоконкурс, хотя «Охоту и охотничье хозяйство» мы выписываем очень давно.

В нашей семье все мужчины — охотники: отец (почти 50 лет), я и брат. Держим русских охотничьих спание-лей, много с ними занимаемся. У нас вырастают сильные рабочие собаки.

На снимке: я, русский спаниель Диана и, еще не воспитанный, ее щенок Агат. Ему около пяти месяцев. Была удачная сентябрьская охота: в это время у нас местную утку разогнали, а пролетной еще не было. Так что без моих помощников крикву из крепей выгнать практически невозможно.

Снимок, по-моему, получился удачный, и я буду рад увидеть его в журнале. Желаю вам больше подписчиков.

Ю. СМЕРНОВ
г. Курск

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

— Эка невидаль. Не такая уж и редкость — лось в лесу. Да подальше от жилья.

— И часто его встречал?

Приятель не ожидал встречного вопроса и задумался.

— Следов-то видел много: и зимой и во время грибных баталий, а зверя — все случаи помню... Так ведь он убегает!

«Ой, не всегда», — подумалось. И память перенесла меня в центральную часть Ожогинского дола, где лоси не только не убегали, но, бывало, не очень охотно уступали тропу. И почему, собственно, в лесу? Наверно, не меньше его на гаях, болотах, лесных и приозерных полянах. А лес — это чаще всего укрытие, куда он уходит отдыхать или прятаться, особенно во время появления молодняка.

Весной того года лоси сразу привлекли внимание. Их было так много, что встречались чуть ли не каждый день, и некоторых, что паслись поближе к нашему зимовью, мы узнавали или по окраске, или по форме рогов, а то и просто по размерам. По-разному они относились и к появлению человека: один настороженно (да ну его, человека, лучше с ним не связываться), другие равнодушно или даже с любопытством (что же это такое — человек?). Но, пожалуй, ни разу не проявляли страха, столь характерного для лосей пуганых.

День выдался солнечный, с легким ветерком, характерным для ранней весны. Снег повсеместно осел, начал таять. Под вечер направился к дальней протоке и, минуя звериную тропу, свернул напрямик, через перелесок и болотину, надеясь, что она еще не заполнилась снеговой водой. Болото и впрямь оказалось вполне проходимым. Среди осок и хвощей поблескивала вода, но ее было немного, лед оттаивал медленно. В конце старицы, где хвощи были погуще, кормился лось — небольшой, темный, с черными ногами и не отросшими, с ладонь рогами в мягких чехлах. Но не это привлекло меня. Зверь казался каким-то неуклюжим: он опускаясь на передние колени, иногда на одно, и с жадностью поедая хвощи, неестественно вытягивая шею, стараясь достать хвощи подальше. Временами он поднимался, чтобы через несколько шагов снова выесть вокруг себя надледную траву. Я подошел уже на полсотни метров и решил обойти лося, чтобы не спугнуть, но и он видел меня, встал и отошел на несколько шагов в противоположную сторону. Пройдя небольшое расстояние, я обернулся: лось опустил на передние колени и продолжал ужин.

Через пару дней заглянул на поляну. Воды стало больше, а на том же месте паслась молодая лосиха, как бы нехотя пощипывала хвощи. Рядом с ней что-то высккивала в воде пара гуменников, а еще через пятнадцать шагов дремали два тундровых лебеди. Я сел на кочку, чтобы привести в порядок записи. Ясно было, что птицы меня заметили. Они вытянули шеи и замерли в таком положении. Лосиха тоже внимательно смотрела в мою сторону. Первыми не выдержали лебеди. Они что-то гоготнули по-своему и полетели на протоку. Я начал подниматься, и тогда молча взлетели гуси. Лосиха все так же смотрела и, казалось, не испытывала чувства страха. Я неторопливо направился в ее сторону, и только тогда она также спокойно подалась поближе к опушке тальников, как бы уступая тропу.

Но особенно часто встречаться с лосем пришлось весной следующего года. Мы перебрались в пустующую избушку на другой стороне невысокого перевала. Здесь было много озер и ерниковых марей. Кустарниковые березки поднимались и на склоны меж озерных поднятий, где вместо лиственничного леса, после давнего пожара,

остались на корню лишь обгоревшие сушины. Снег только что сошел, и лоси еще кормились на марях побегами ерников — пищи зимой было много. Тут же в ерниках они отдыхали. В первые же дни я был ошеломлен количеством зверей. Они встречались ежедневно, одиночки и группы. Некоторые из них, чаще крупные, были все же осторожны и держали нейтральную дистанцию в 100—150 метров, не убегая, но и не допуская ближе. Другие, очевидно из любопытства, вначале шли на сближение и даже, если проходил стороной, некоторое время преследовали меня, как это делают лошади, привыкшие к человеку. Что касается лосей, пасущихся за пределами этой дистанции, то они чаще всего просто не замечали меня.

Вот и на этот раз: недалеко от избушки, в пределах видимости один от другого, пасутся три зверя. За мысом озера еще четыре, далее, в 100 метрах — еще один, через 200 метров — два. Тут же на взгорке отдыхает самка с лосенком. Детеныш прижался к матери, положив на нее голову. Под солнцем оба кажутся соломенно-золотистыми.

Непуганый лось чаще всего и отдыхает спокойно. Иду по знакомому маршруту через марь. Вначале увидел лосиху, кормившуюся метрах в шестидесяти, среди мелких сухостоев, через полсотни метров еще трех лосей. Навстречу светит солнце. Иду мимо лосей, а они продолжают щипать ерник, только лосиха подошла к ним поближе. Вскоре заметил голову самца в ернике. Может, подпустит? Приготовил фотоаппарат и продолжаю путь, соблюдая некоторую осторожность. Видно, как лось трясет головой, стряхивая комаров, поднимает и опускает уши. Метров с 25 он зашевелился, увидел меня, поднялся и смотрел в мою сторону, хотя я не останавливался. Он отошел немного вправо и вновь встал. С большими пантами, черной широкой бородой в горелом мелколесье он казался особенно большим и мощным.

Сходная картина повторилась через несколько дней. Мы с Фирсычем возвращались с дальнего озера. Подходили к островку леса, где раньше оставили часть вещей, чтобы не таскать с собой. Здесь мы не раз замечали мелких гусей пискулек, которые, возможно, гнездились. Поэтому решили разойтись и попытаться обнаружить их гнезда. Шел, всматриваясь в ерник, и неожиданным оказался крик Фирсыча. Я не разобрал, о чем он кричал, но увидел, что в разные стороны от него разбегаются три крупных самца лося. На одного из них Фирсыч чуть не наступил, увлекшись поиском гнезд, и, естественно, был напуган, когда внезапно перед ним возникли три гиганта. Но и в этом случае они не убежали далеко: выжидая, остановились у кромки гари.

Конечно, такие концентрации лося возникают не везде, а лишь в благоприятных местах, как правило, необитаемых, удаленных от человеческих поселений и не очень богатых крупными хищниками — волком или медведем. Правда, медведь не такой уж специалист по добыче лося, но при случае он может нападать, особенно в период бескормицы весной, когда покидает берлогу после зимнего сна и бродит в поисках пищи. Или в начале лета, пока не появились ягоды.

Как-то мы отдыхали на перепутье и стали свидетелями переполоха, который устроил медведь, появившийся на лесном озере под скалой. Сначала закричали чайки и крачки, потом захлопали по воде и затрубили лебеди. Было видно, как, поднявшись над лесом, они покидали озеро. Чайки еще кричали, а рядом с нами от озера по горельнику пробежали три, затем два лося. Последних, необычно светлых, хорошо заметных по белым пятнам в области паха, потом мы не раз встречали в межозерье, в пяти — семи километрах от этого водоема.

Ю. ЛАБУТИН,
г. Якутск

УДИВИТЕЛЬНОЕ В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

ЛЮБОПЫТНАЯ СТАТИСТИКА

Лев на поиск пищи тратит в сутки 2—3 часа, остальное время проводит в покое. Травоядные, напротив, пасутся по 16—18 часов в сутки, а спят около трех часов. Имеются и такие представители фауны, которые вообще не спят. Например, акулы.

Распространенная поговорка «толстокожий, как слон» неточна. Первенство по толщине кожи держит не он и не носорог, а нильский бегемот, кожа которого достигает толщины 2,5 сантиметра.

Страус, когда бежит с максимальной скоростью, делает прыжки длиной в 8 метров.

Из животных суши быстрее всех преодолевает короткие расстояния гепард, обитающий на открытых равнинах Африки, Ирана, Туркмении и Афганистана, способный развивать скорость до 100 км/ч по относительно ровной поверхности.

Самое высокое из обитающих на земле животных — жираф, которого теперь можно встретить только в саванне и полупустынных южных районах африканской пусты-

ни Сахара. Самым высоким из известных животных был самец по кличке Джордж, которого привезли в Англию в Честерский зоопарк из Кении. Когда ему было 9 лет, его «рога» почти касались крыши помещения на высоте 6 метров.

КТО ВСЕХ ТЯЖЕЛЕЕ?

Вес кожистой черепахи достигает 600 килограммов, рекордная глубина ныряния для этого вида — 1200 метров.

Знаете ли вы, что самая маленькая из американских землероек — мыш-белозубка: пигмей весит около 2—3 граммов? Есть среди землеройковых и весящие всего 1,2 грамма...

Ну а какой вес слона? Старый самец африканского слона может потянуть на 7,5 тонн! Поменьше их индийские собратья — до 5 тонн. Средний взрослый слон имеет 3,2 м в холке и весит 5,7 т. Самый крупный слон, известный ученым, был самец, убитый в Анголе. Лежа он имел 4,16 м от холки до основания ноги, это значит, что его рост составлял примерно 3,96 м в положении стоя. Его общая длина — 10,67 м (от кончика вытянутого хобота до конца вытянутого хвоста), окружность передней ноги — 1,8 м, вес предположительно 12,24 т. Однако слон — не самый крупный представитель млекопитающих. Некоторые экземпляры синих и гренландских китов весят... до 150 тонн, то есть столько, сколько 20 слонов! Вот такая арифметика.

А. САФОНОВ

ГОТОВИМ ВАЛЬДШНЕПА

Предлагаю несколько вальдшнепиных рецептов из Франции, Болгарии, Чехии и Польши.

Сальми из вальдшнепа (Франция)

Вальдшнеп жарится на сильном огне; снимается прожаренным не до конца («с кровинкой»), разделяется, мясо отделяется от костей и держится в тепле.

В небольшой кастрюле вываривается в вине лук-шалот, затем туда добавляются мясо вальдшнепа, перец и соль. После этого кипятится еще 5 мин и все содержимое откидывается на сито. Перед подачей к столу мясо вальдшнепа заливается полученным соусом.

На одну порцию: 1 вальдшнеп, 2 головки мелко нарезанного лука, 1/2 стакана красного сухого вина, перец и соль по вкусу.

Вальдшнеп, жаренный на решетке, в фольге или на вертеле (Болгария)

Очистить вальдшнепа, изнутри посолить и поперчить, обмазать маслом. Во время жарения добавить соль и черный перец. Сервировать с лимоном.

Вальдшнепа можно запечь в фольге или на вертеле на слабом огне, время от времени поливая маслом, образующимся в процессе жарения, вином и томатным соусом (на 1 вальдшнепа — 10 мл вина и 5 г томатного соуса).

На одну порцию: 1 вальдшнеп, 25 г (полная столовая ложка) сливочного масла, молотый черный перец, лимон, соль.

Жареный вальдшнеп (Чехия)

Вальдшнепа оставляют в пере на несколько суток. Затем очищают (сохранив голову), опаливают и потрошат, отрезают коготки, а ножки сохраняют. Крылья связывают вместе, а клюв втыкают в зоб.

Вальдшнепа солят, перчат, поливают лимонным соком, обертывают длинными тонкими ломтиками шпика вокруг тушки. На сковороде растапливают половину объема сливочного масла и во время жарения укладывают птицу грудкой вниз, затем переворачивают, продолжая жарить, доливая воду. Тушат вальдшнепа на малом огне, помес-

тив затем блюдо в духовку, постоянно поливая образующейся подливкой, а в конце — вином.

Готового вальдшнепа освобождают от ниток, делят на две половинки, вновь скрепляют, обкладывая длинными полосками шпика, и сервируют, подав ломтики хлеба, поджаренные в подливке, на которые натерт чеснок. На сковороде растапливают шпик, сливают оставшееся масло, петрушку и мелко нарезанные потрошки. Во время жарения добавляют сухари и вино. Снимают с огня и размешивают желток. Этой смесью намазывают ломтики хлеба, которые быстро запекают перед подачей к столу.

На одну порцию: 1 вальдшнеп, 30 г (1 1/2 столовой ложки) сливочного масла, кусок соленого шпика, лимонный сок, 15 г (1/4 головки) репчатого лука, 1/4 яичного желтка, 10 мл (столовая ложка) красного вина, петрушка, 5 г (1/2 столовой ложки) сухарей, ломтики хлеба, чеснок, соль, молотый черный перец.

Вальдшнеп жареный по-польски (Польша)

Ошипанные, выпотрошенные и вымытые тушки посолить изнутри и снаружи, вложить внутрь по ломтику шпика, а также обернуть ломтиками шпика и перевязать ниткой. Оставшийся шпик положить на противень и жарить на нем подготовленных вальдшнепов, добавив черный перец и ягоды можжевельника. При необходимости можно подлить немного говяжьего бульона. Отварить в подсоленной воде овощную смесь. На сливочном масле обжарить панировочные сухари. Готовых вальдшнепов разрезать пополам, полить выделившимся при жарении соком, гарнировать жареным шпиком и отваренными овощами, густо посыпать панировочными сухарями. Можно в соуснике подать густые сливки, подмешав в них 1 ст. ложку тертого хрена и щепотку сахара. По этому же рецепту готовят молодых диких голубей.

На 2 вальдшнепа: 100 г шпика, 50 г сливочного масла (маргарина), 1 пакет замороженной овощной смеси, 6 горошин черного перца, 2 ягоды можжевельника, 1 стакан говяжьего бульона, 4 ст. ложки панировочных сухарей.

Александр ЧЕГОДАЕВ

СКВОРЦОВ А., ГЛАЗОВ М. В Астраханской области	1
ВИНОГРАДОВ В. Истоки браконьерства	4
В защиту прав потребителя. В защиту прав и свобод охотника	5
ЖИВОТЧЕНКО В. У кормушки	6
ГУСЕВ О. В. В. Дежкин — биолог и охотовед	8
ГОЛОВАНОВА Э. С фотоаппаратом в мире птиц	12
ШПЕРОВ И. С женщиной на медведя	16
МАЛЫШЕВ Л., Фомин С. Охотничьи таксы МООиР	18
ДОРОФЕЕВ П. Пороха марки «Салют»	20
БЛЮМ М. Комбинированное ружье ТОЗ-112	22
БЛЮМ М. Охотничий карабин ТОЗ-109	23
СЕВАСТЬЯНОВ А. Волки	24
ПЕТРОВ Б. Весна на снегу	26
САВИНСКИЙ А. Норка в Вологодской области	31
КУЗНЕЦОВА М., САВЕЛЬЕВА К. «И другого счастья мне не надо...» (интервью)	32
КУЗНЕЦОВА М. Стихи	34
БУЛГАКОВ М. Полтора века охотничьей периодики	36
ОПОЧИНИН Е. Холопья послуга	37
ГЛАЗОВ М. К 100-летию С. В. Кирикова	39
РУКОВСКИЙ Н. Речная выдра в Западной Европе	41
Реклама	43
Письма читателей	44
На привале	46
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

На первой странице обложки:

«Нет ни одной другой охоты, кроме псовой, которая бы давала такой простор страсти и увлечению, которая бы заключала в себе столько поэзии, прелести...»

П. Губин, «Полное руководство ко псовой охоте»
Дарья Успенская с русскими псовыми борзыми
Альдебараном и Асмадейкой.

Фото В. Животченко

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженков

Художественный редактор М. Л. Кнёрцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 01.01.2000 г. Подписано к печати 11.02.2000 г.
Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 30 080 экз. Заказ 3244. Цена 15 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени

ГУП Чеховский полиграфический комбинат

Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

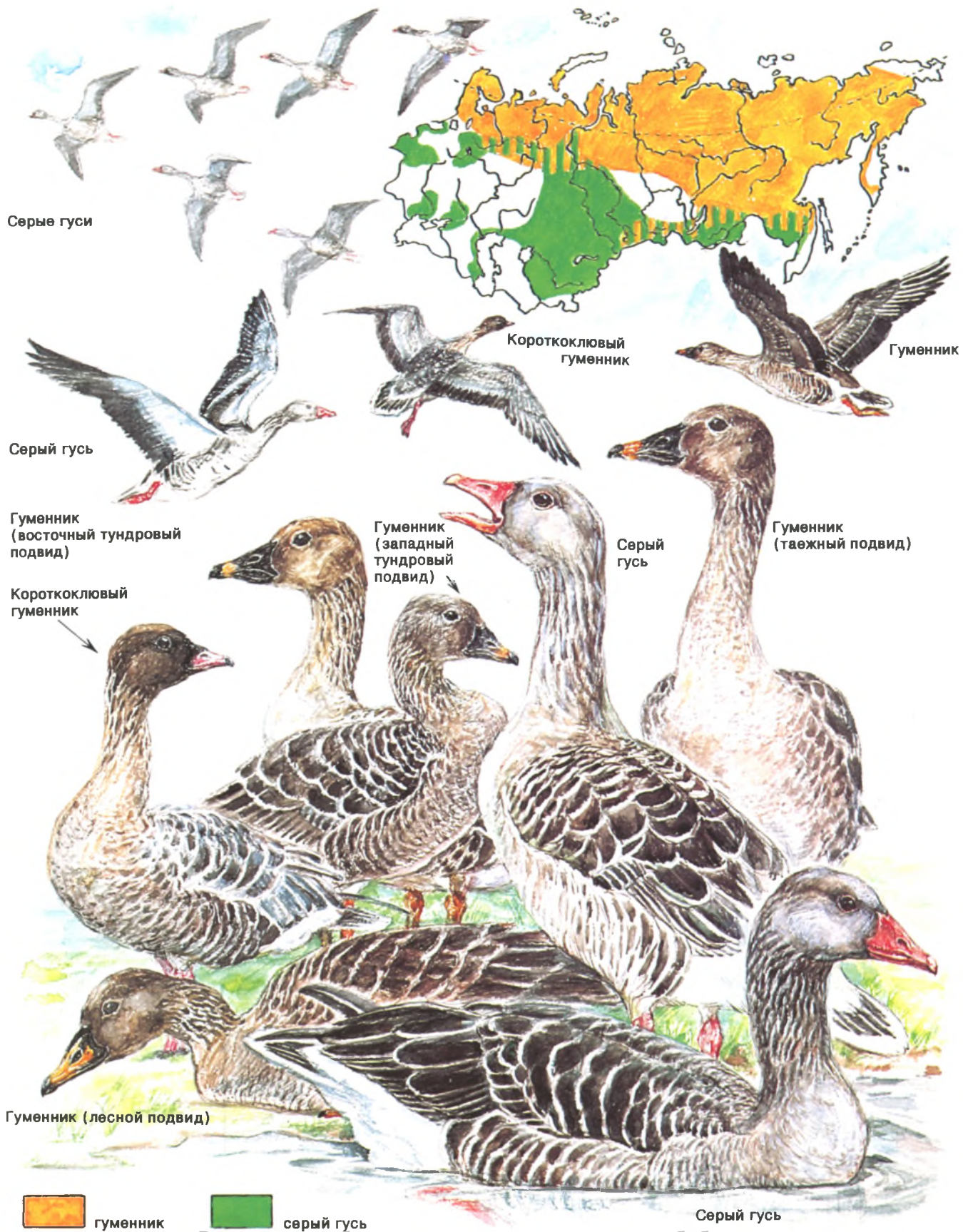
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452.

Гуси летят! Волнующий сердце настоящего охотника, настоящего любителя природы призывный символ весны.

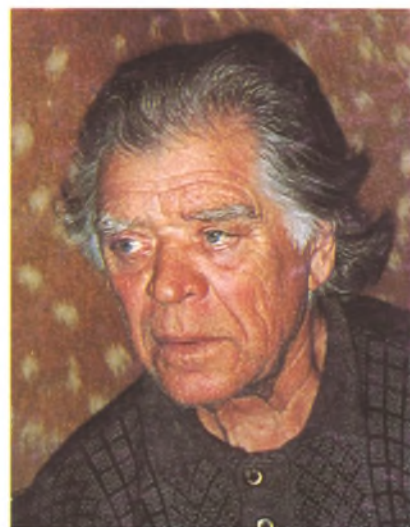
Два вида наших гусей — гуменник и серый — остаются до сих пор, наверное, самым желанным трофеем для охотников. Оба вида — крупные птицы с размахом крыльев свыше 1,5 м. Гуменник весит от 2,5 до 4 кг, вес серого может достигать 4—6 кг. Окраска их относительно сходна: буровато-серое оперение различных оттенков на голове, большей части туловища, крыльях; подхвостье белое. Хвост выглядит белым с широкой темной поперечной полосой. Надежно отличается серый гусь от гуменника красно-оранжевым клювом с более светлым «ноготком» на конце. Клюв гуменника двухцветный: черное основание и конец, разделенные оранжевой перевязью, ее форма и размеры изменчивы. Окраска серого гуся в целом светлее, наиболее заметны светлые зоны на передней части крыльев. Оперение гуменников темнее, особенно в области головы, шеи, поясницы. Передняя часть шеи, грудь, брюхо у обоих видов светлее спины, по бокам заметны поперечные темные полосы. У взрослых серых гусей на брюхе бывают небольшие темные пятна. Лапы у серого гуся розово-красные, у наших гуменников — оранжевые. Различаются районы гнездования этих гусей. Если серый предпочитает биотопы лесостепной и степной зон, то гнездовья гуменников расположены в целом севернее, в тайге, лесотундре и тундре. Четыре подвида наших гуменников как бы поделили гнездовой ареал, что нашло отражение в их названиях: лесной и таежный гуменники, западный и восточный тундровые гуменники. Многие опытные охотники не хуже специалистов различают этих птиц. Самый крупный, таежный гуменник заселяет лесные и лесотундровые биотопы на восток от Енисея. Западнее, в лесной зоне, гнездится соответственно лесной гуменник, уступающий размерами таежному, в том числе по длине клюва, оранжевый цвет на котором, однако, более развит. В зоне тундр таежного гуменника сменяет восточный тундровый гуменник, сходный по размерам или несколько меньше лесного, но заметно меньше таежного. От последнего отличается более коротким, «вздутым» клювом. Самый мелкий, западный тундровый гуменник заселяет зону тундр к западу от Хатанги. Его голова меньше, темнее, перевязь на клюве заметно меньше, чем у лесного. На северо-запад нашей страны возможны залеты короткоклювого гуменника из Западной Европы, похожего по размерам на западного тундрового, но отличающегося от наших гуменников розоватым цветом перевязи и лап, а также более светлой окраской передней части крыльев.

Занимая разные гнездовые биотопы, гуменники и серые гуси проходят сходные этапы цикла размножения. Гусыни строят большое гнездо из растительного материала, выстилают лоток пухом. В кладке обычно 4—6 беловатых яиц. На севере ареала размножение начинается естественно позднее. Инкубация у обоих видов около четырех недель. Птенцы покрыты желтоватым пухом, почти бурым на спине и более светлым на брюхе. Самка насиживает кладку, обогревает птенцов, самец принимает участие в охране, сопровождает выводок. Во время линьки гуси теряют способность к полету, становясь уязвимыми для хищников. На крыло птенцы гуменников становятся раньше серых, на 40-й день (слетки у серых на 1—2 недели позже). Оба вида — фитофаги, с широким спектром растительных кормов, но могут поедать мелкие животные корма. Места зимовок от Средиземноморья до Китая. Стая летит клином или шеренгой, переключаясь гортанными звуками. Учеты численности, проводившиеся на зимовках, отражают относительно благополучную ситуацию с серым гусем (свыше 100 тыс. птиц), хотя число гнездовых районов в европейской части России сократилось. Численность западного тундрового гуменника и лесного гуменника на зимовках несколько возросла (свыше 200 тыс. птиц в целом), а таежного и восточного тундрового, вероятно, снизилась, хотя их суммарная численность, очевидно, еще превышает 100 тыс. птиц.

В. ШИШКИН

Художник А. Чеботарев

Картины, репродукции с которых показаны на этой странице, написаны Александром Ивановичем Чеботаревым — страстным охотником и художником, как говорится, от Бога. Судите сами: Александру Ивановичу 78 лет, он коренной москвич, прошел всю Великую Отечественную Войну, был дважды ранен, демобилизовался в 47-ом. Живописи учился в студии при московском клубе имени А. М. Горького. Потом работал в художественно-оформительском комбинате, украшал на время праздников фасады ГУМа, Исторического музея... Одновременно жила в нем давняя страсть охотника. На своей даче в Купавне одно время он держал четырех западносибирских лаек, сейчас держит двух. Его лайка — Угадай была известна далеко за пределами Москвы и в потомстве дала несколько чемпионов. Александр Иванович был дружен с известными кинологами — лайчатниками: Ушаковой, Бегичевым, Антоновым. С В. В. Григорьевым ездил на охоту. Он и теперь увлекается всеми видами охот, но более всего — с лайками на кабана.

Удивительна способность Александра Ивановича запоминать тончайшие детали пейзажа, освещения, движения животных и с абсолютной точностью переносить их на живописное полотно. Согласитесь, — это немалое чудо.

От души желаем Александру Ивановичу многих лет творчества и запоминающихся удачных охот.

Р. ДОРМИДОНТОВ
Фото автора

